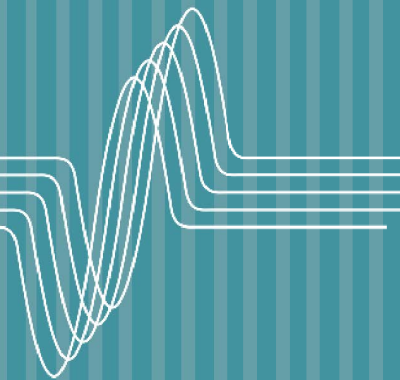
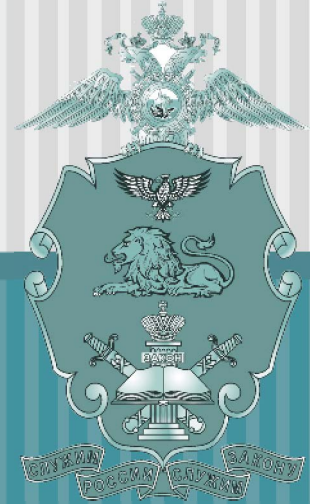


ISSN 2313-5646

2' 2023

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА



ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2023. № 2.

Учредитель и издатель:

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)

Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)

Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Пономарева В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)

Россинский С.Б., доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)

Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Стариллов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Степкин Р.М., кандидат юридических наук (Россия, Белгород)

Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Черняков С.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Шашуро С.В.

Редактор: Тулина О.Н.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 24.05.2023

Подписано к печати 29.05.2023

Дата выхода в свет 31.05.2023

Формат 60x84/8

Объем 11,63 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 28.

Цена: бесплатно. Тираж: 43

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 39493

© Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, 2023

© Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2023

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2023. № 2.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology
and Mass Media (Roskonnadzor).
The Mass Media Registration Certificate PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Valeria V. Ponomareva, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yuri N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Roman M. Stepkin, Candidate of Law (Belgorod, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey A. Chernyakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Sergey V. Shashuro
Editor: Olga N. Tulina
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 24.05.2023
It is passed for the press 29.05.2023

Format 60x84/8
Volume 11,63 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 28. Price: free of charge.
Printed copies: 43
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorkyj street, Belgorod, 308024.

The address of the publisher and edition: 308024, Belgorod, Gorkyj street, 71.
Contact phone: (4722) 51-71-35; Fax: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Subscription index in Unified catalogue "Press of Russia" – 39493

© Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2023
© Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- ЛАГУТИН И.Б.** 4 **LAGUTIN I.B.**
К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ
БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
TO THE QUESTION OF THE SYSTEM OF
RESPONSIBILITY FOR VIOLATION BUDGET
LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION
- КОЖЕВНИКОВ О.А., КОРСУН К.И.** 9 **KOZHEVNIKOV O.A., KORSUN K.I.**
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС»
КАК ОДИН ИЗ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ
РЕАЛИЗАЦИИ «КОНСТИТУЦИОННОЙ
РЕФОРМЫ» 2020 ГОДА
LEGAL REGULATION OF THE FEDERAL TERRITORY
“SIRIUS” AS ONE OF THE CONTROVERSIAL
ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE
“CONSTITUTIONAL REFORM” IN 2020
- БЕЖЕНЦЕВ А.А., ПИКИНА Е.А.** 17 **BEZHENTSEV A.A., PIKINA E.A.**
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К УЛУЧШЕНИЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
MANAGEMENT SYSTEM IN THE FIELD OF
ROAD SAFETY: A CONCEPTUAL APPROACH TO
IMPROVING ACTIVITIES
- ГАРНИК Л.Ю.** 24 **GARNIK L.YU.**
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ
ФУНКЦИИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (РОСГВАРДИИ)
КАК СУБЪЕКТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
LEGAL REGULATION OF THE INTERNAL
FUNCTION OF THE UNITS OF THE FEDERAL
SERVICE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS
OF THE RUSSIAN FEDERATION (ROSGUARD)
AS A SUBJECT OF LAW ENFORCEMENT
- ШЕВЧЕНКО Ю.П., СКОРЕВ В.А.** 31 **SHEVCHENKO YU.P., SKOREV V.A.**
ФОРМИРОВАНИЕ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
ЧЧ. 3–5 СТ. 20.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
FORMATION OF LAW ENFORCEMENT
PRACTICE IN CASES OF ADMINISTRATIVE
OFFENSES PROVIDED FOR IN PART 3–5
OF ARTICLE 20.1 OF THE CODE OF
ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN
FEDERATION

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

- ЛИМАРЬ А.С., МИХАЙЛОВА И.А.** 39 **LIMAR' A.S., MIKHAILOVA I.A.**
ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ
ПОЛНОМОЧИЙ
FEATURES OF THE QUALIFICATION OF ABUSE
OF OFFICE
- ГРЕБЕНЬКОВ А.А., СЕРЕНКО Р.С.** 45 **GREBENKOV A.A., SERENKO R.S.**
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЮ
ДОПИНГА В СПОРТЕ
PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL
COUNTERACTION TO THE USE OF DOPING IN
SPORTS

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КРЕХОВЕЦ А.В., НИКИФОРОВА А.А. К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРЕДИТНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ КООПЕРАТИВЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	52	KREKHOVETS A.V., NIKIFOROVA A.A. ON THE ISSUE OF THE QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF INVESTMENT ACTIVITY IN CREDIT CONSUMER COOPERATIVES USING INFORMATION TECHNOLOGY
МИРОНОВА Г.Н. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДКУП ЭКСПЕРТА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ	59	MIRONOVA G.N. CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY OF EXPERTS IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES
ПАХОМОВ С.В. ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ	63	PAKHOMOV S.V. FEATURES OF ESTABLISHING CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT CIRCUMSTANCES IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL BANKRUPTCY IN THE AGRO- INDUSTRIAL COMPLEX
СВЕТЛИЧНЫЙ А.А. ГЕНЕЗИС И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА КРИМИНАЛИСТИКИ	69	SVETLICHNY A.A. GENESIS AND SOME MODERN TRENDS IN THE FORMATION OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF CRIMINOLOGY
СОКОЛОВ А.Б., ГОРШКОВ М.М. ВИДЕОЗАПИСЬ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	75	SOKOLOV A.B., GORSHKOV M.M. VIDEO RECORDING AS AN ADDITIONAL WAY OF RECORDING THE PROGRESS AND RESULTS OF AN INVESTIGATIVE EXPERIMENT: ORGANIZATIONAL AND SUBSTANTIVE ASPECTS
ЧИНЕНОВ Е.В. ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	82	CHINENOV E.V. FORMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES
Трибуна молодого ученого		TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST
БИРЯКОВ А.В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	91	BIRYAKOV A.V. PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF A POLICE OFFICER IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES
ЛЕБЕДЕВА Ю.Ю. СЕМЕЙНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНОГЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО	95	LEBEDEVA YU.YU. FAMILY PROBLEMS AS ONE OF THE FACTORS OF THE FORMATION OF CRIMINOGENIC BEHAVIOR OF A MINOR

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НАРУШЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*TO THE QUESTION OF THE SYSTEM OF RESPONSIBILITY FOR
VIOLATION BUDGET LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 343.3

И.Б. ЛАГУТИН,
доктор юридических наук, профессор
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
lagutinigor81@mail.ru

IGOR' B. LAGUTIN,
Doctor of Law, Professor
(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: статья посвящена исследованию проблемы систематизации ответственности за нарушение бюджетного законодательства. В работе анализируются различные подходы авторов к проблеме систематизации, сформированные на основе анализа действующего бюджетного, административного, уголовного законодательства, а также практики его применения. В работе делается вывод о том, что ответственность за нарушение бюджетного законодательства представляет собой совокупность мер бюджетного принуждения, применяемых к нарушителям бюджетного законодательства. Также в работе подчеркивается, что для обеспечения устойчивого развития институтов бюджетного права необходимо четкое понимание правомерности поведения всех участников бюджетных правоотношений, а не постоянное изменение условий и процедур. При этом делается уточнение, что именно для бюджетной системы правосстановительные методы, по отношению к карательным, должны быть приоритетными, так как именно они позволяют обеспечить целостность всей бюджетной системы и выполнить необходимые расходные обязательства государства и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: бюджет, ответственность, принуждение, система, виды принуждения, системность, механизмы принуждения, бюджетная система.

Для цитирования: Лагутин И.Б. К вопросу о системе ответственности за нарушение бюджетного законодательства в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 4–8.

Abstract: the article is devoted to the study of the problem of systematization of responsibility for violation of budget legislation. The paper analyzes various approaches of the authors to the problem of systematization, based on the analysis of the current budget, administrative, criminal legislation, as well as the practice of its application. The paper concludes that the responsibility for the collapse of budget legislation is a set of measures of budget coercion applied to violators of budget legislation. The paper also emphasizes that in order to ensure the sustainable development of budgetary law institutions, it is necessary to have a clear understanding of the legality of the behavior of all participants in budgetary legal relations, and not a constant change in conditions and procedures. At the same time, it is clarified that it is for the budget system that law-restoring methods, in relation to punitive ones, should be a priority, since they allow ensuring the integrity of the entire budget system and fulfilling the necessary expenditure obligations of the state and local self-government bodies.

Keywords: budget, responsibility, coercion, system, types of coercion, consistency, coercion mechanisms, budget system.

* НИР в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).

For citation: Lagutin I.B. To the question of the system of responsibility for violation Budget legislation in the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 4–8.

Чтобы изучить систему ответственности за нарушение бюджетного законодательства, необходимо вначале определиться с базовыми понятиями, которые заложены в содержании понятия «ответственность», а именно – это такие понятия, как «бюджетное правонарушение», «бюджетные меры принуждения», «меры принуждения, применяемые при нарушении бюджетного законодательства», «ответственность за нарушение бюджетного законодательства», «ответственность в бюджетном праве», «бюджетная ответственность» и т.д.

Стоит отметить, что в настоящее время в науке идет дискуссия о том, какие меры принуждения необходимо относить к системе ответственности в бюджетном праве. Одни ученые к такой ответственности относят исключительно бюджетные правонарушения и бюджетные меры принуждения, которые закреплены в бюджетном законодательстве, а именно в гл. 30 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) (узкий подход). Другие ученые предлагают к мерам бюджетного принуждения относить все без исключения меры принуждения, установленные в Российской Федерации за нарушение бюджетного законодательства, включая нормы не только бюджетного законодательства, но и нормы административного, уголовного, гражданского законодательства и т.д. (широкий подход). В этой связи в случае использования системного подхода к изучению бюджетной ответственности, применяемого в данной статье, второй подход выглядит предпочтительнее.

Итак, в ст. 306.1 БК РФ дается понятие «бюджетного правонарушения», а именно: «совершенное высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (местной администрацией), финансовым органом (органом управления государственным внебюджетным фондом), главным администратором (администратором) бюджетных средств, государственным (муниципальным) заказчиком нарушение положений бюджетного законодательства Российской Федерации и иных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения; нарушение положений правовых актов, обуславливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, формирование доходов и осуществление расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при управлении и распоряжении государственным (муниципальным) имуществом и (или) его использовании,

повлекшее причинение ущерба публично-правовому образованию; нарушение условий договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета; нарушение условий государственных (муниципальных) контрактов».

Производными от «бюджетного правонарушения» являются и другие близкие понятия, такие как «бюджетные меры принуждения», представляющие собой совокупность мер принуждения, установленных исключительно бюджетным законодательством Российской Федерации, а уже «меры принуждения, применяемые при нарушении бюджетного законодательства» отличаются тем, что включают в себя и иные меры принуждения, установленные не только бюджетным, но административным, уголовным, гражданским законодательством. Также, по мнению автора, важно разграничивать ответственность за нарушение бюджетного законодательства, ответственность в бюджетном праве и бюджетную ответственность, которые также можно отличить содержательно.

В целом, стоит отметить, что проблема ответственности и принуждения достаточно часто исследуется учеными в рамках финансового и бюджетного права. Так, стоит отметить работы А.С. Емельянова [4], Н.С. Саттаровой [9], М.Б. Разгильдиевой [8], Е.С. Алексеевой [1], Н.Г. Канунниковой [5] и других.

Стоит отметить, что в российском праве до начала 2000-х годов в праве существовала отраслевая привязка видов ответственности, в частности, выделялась уголовная, административная, гражданская, дисциплинарная и другие виды ответственности. Однако, как справедливо отмечают А.С. Емельянов и Н.Н. Черногор, деление видов ответственности «не совпадает с отраслевой структурой права уже по той причине, что видов ответственности меньше, чем отраслей права, причем за нарушение норм права различных отраслей может применяться ответственность одного и того же вида, например, административная». Они же указывают на приоритет праввосстановительного характера бюджетно-правовой ответственности, отмечая, что «финансово-правовые санкции должны быть применены в полном объеме, чтобы загладить тот вред, который был причинен финансовой системе. Применение же штрафных и карательных санкций может быть досрочно прекращено при достижении целей ответственности» [4, с. 51].

Важным аспектом, влияющим на понимание системы ответственности за нарушение бюджетного законодательства, является правильное понимание такого понятия, как «виновность», которая

имеет достаточно специфическое понимание в рамках финансового права. Так, С.В. Кучеров отмечает, что виновность при применении бюджетных мер принуждения за бюджетное нарушение не имеет значения, так как нет необходимости в ее доказывании. Так, например, при определении вины при нецелевом использовании бюджетных средств уже сам факт неправомерного распоряжения бюджетными средствами предполагает осознанное действие по изменению назначения бюджетных средств либо неисполнение обязанностей по достижению установленного результата [6, с. 2].

Итак, какие же меры бюджетного принуждения определяются в БК РФ. Так, в ст. 306.2 указано, что к бюджетным мерам принуждения относятся: 1) беспорное *взыскание суммы средств*, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации; 2) беспорное *взыскание суммы платы за пользование средствами*, предоставленными из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации; 3) беспорное *взыскание пеней* за несвоевременный возврат средств бюджета; 4) *приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов* (за исключением субвенций).

В настоящее время порядок применения бюджетных мер принуждения конкретизируется письмом Минфина России от 30 июня 2020 г. № 02-09-09/56393 «Об особенностях применения бюджетных мер принуждения», где указываются некоторые особенности применения мер принуждения. Так, указанные в БК РФ меры применяются финансовым органом муниципального образования только за нарушения в части межбюджетных трансфертов в соответствии с пунктом 3 статьи 306.4 БК РФ на основании уведомления о применении бюджетных мер принуждения или уведомления о применении бюджетных мер принуждения, содержащего уточненные сведения, органа внутреннего муниципального финансового контроля, а в указанном положении определено, что в соответствии с положениями статей 269.2 и 270.2 БК РФ органы внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля имеют право направлять объектам контроля представления и (или) предписания в случае выявления ими в пределах компетенции нарушений, в том числе в части соблюдения условий, целей и порядка предоставления субсидий некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями (пункт 2 статьи 78.1 БК РФ).

К видам бюджетных нарушений БК РФ (глава 30) относит 4 вида:

1) нецелевое использование бюджетных средств (ст. 306.4);

2) невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита (ст. 306.5);

3) неперечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом (ст. 306.6);

4) нарушение условий предоставления бюджетного кредита (ст. 306.7).

Как видно из перечня, большая часть бюджетных нарушений, определенных в БК РФ, связана с предоставлением именно бюджетных кредитов.

Наиболее интересным представляется вопрос ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, за которое предусмотрены следующие виды ответственности:

1) бюджетные меры принуждения (ст. 306.2 БК РФ);

2) административные меры принуждения (ст. 15.14 КоАП РФ);

в) уголовные меры принуждения (ч. 2 ст. 176 УК РФ, ст. 285.1 УК РФ, ст. 285.2 УК РФ).

В качестве примера нецелевого использования бюджетных средств можно привести решение Павлово-Посадского городского суда Московской области от 4 июля 2022 г. по делу № 12-97/2022, где суд принял решение о возврате в бюджет более 2 млн руб., использованных не по целевому назначению средств субсидии на выполнение задания (применение бюджетной меры принуждения), и наложить штраф на руководителя организации в 20 тыс. руб. (административная мера принуждения).

Было установлено, что Положением об оплате труда в учреждении предусмотрены выплаты стимулирующего характера: за интенсивность и высокие результаты работы, за качество выполняемых работ, премии, выплаты по итогам работы и др. При их начислении должны учитываться результаты, показатели оценки эффективности труда. Однако проверка показала, что отдельным сотрудникам премии за счет субсидии на задание выплачивались без учета показателей эффективности. Более полумиллиона рублей ревизоры сочли «нецелевкой», а по двум сотрудникам нецелевыми были признаны расходы на зарплату. Как выяснилось, согласно требованиям Единого квалификационного справочника работник, занимающий должность инструктора по спорту, обязан иметь высшее профессиональное образование в области физкультуры и спорта. У одного из инструкторов соответствующего образования не было. Другой сотрудник, занимающий должность инструктора спортивных сооружений, также требующую наличия высшего образования, на деле имел среднее профессиональное образование по специально-

сти «повар». Зарплату обоим также признали нецелевым расходованием бюджетных средств¹.

Если посмотреть на определение нецелевого расходования бюджетных средств, которое представляет собой *осуществление платежа (списание бюджетных средств со счета бюджета в пользу физических и юридических лиц) на цели, не соответствующие условиям получения бюджетных средств*, то представленный выше пример не относится к нецелевому использованию, что указывает на то, что в практике расширяется понимание понятия «нецелевое использование». Так, в настоящее время даже встречаются примеры, когда под нецелевым использованием средств правоприменительными органами признаются средства, потраченные в рамках заключенных межбюджетных соглашений, при условии если не достигаются запланированные в программе или соглашении целевые показатели. То есть, если показатели не достигнуты, то бюджетные средства потрачены не по целевому назначению. Такой подход правоприменительных органов, по мнению автора, размывает понятие нецелевого использования бюджетных средств.

Что касается уголовной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, то в целом (используя статистические данные, предоставленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации) можно отметить: с 2004 по 2009 годы имела тенденция роста преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств, а начиная с 2010 года наблюдается тенденция по снижению количества уголовных дел, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств. Такая тенденция, по мнению автора, объясняется совершенствованием работы органов казначейства, которые наделены полномочиями по предварительной проверке совершаемых бюджетными учреждениями платежей и при выявлении подозрений на нецелевое использование. Подобные финансовые операции просто не осуществляются, следовательно, и не допускается нецелевое использование бюджетных средств. То есть, совершить нецелевое использование стало технически сложно, практически невозможно. Н.Н. Бойко, однако, в своей статье обращает внимание еще на одно обстоятельство, а именно на то, что данные преступления обладают большим уровнем латентности, что делает указанные статистические данные некорректными. Однако данная точка зрения выглядит достаточно спорной [2, с. 114].

По конструкции объективной стороны данное преступление образует формальный состав.

Оно считается оконченным с момента наступления факта использования денежных средств. Нецелевым расходованием бюджетных средств, совершенным в крупном размере, считается расходование бюджетных средств должностным лицом получателя бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением, сметой доходов или расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств, и составляет сумму бюджетных средств, превышающую 1,5 миллиона рублей [10, с. 74].

Ю.Н. Демидов обращает внимание на соотношение, с одной стороны, размеров нецелевого расходования и, с другой, – размеров штрафов, установленных ст. 285.1 (ч. 1, ч. 4) и 176 (ч. 2) УК РФ. Так, в ч. 1 ст. 285.1 минимальный размер нецелевого расходования равен 1 млн 500 тыс. рублей, при этом максимальный размер штрафа не превышает 300 тыс. рублей, т.е. 20% от израсходованных средств. Особо крупный размер по ч. 2 ст. 285.1 начинается с 7 млн 500 тыс., а штраф не превышает 500 тыс. рублей, что составляет 6,7%. Кардинально иная ситуация встречается в ч. 2 ст. 176 УК РФ, где уголовная ответственность за использование не по назначению государственного целевого кредита наступает с 250 тыс. рублей, при штрафе до 300 тыс. (120%) [3, с. 20]. В.А. Минаев в 2012 году указывал, что сумма в 7 млн 500 тыс. является достаточно большой в определении особо крупного размера [7, с. 12], однако важно понимать, что в настоящее время (прошло более 10 лет), указанную сумму уже нельзя назвать большой.

Также Н.Н. Бойко обращает свое внимание на то, что существует в правоприменительной практике проблема при квалификации ответственности и состава нецелевого расходования бюджетных средств. Такой проблемой является отграничение такого преступления от отдельных форм хищения, которые предусмотрены уголовным законом. Распространенной формой хищения является мошенничество (ст. 159 УК РФ), растрата и присвоение (ст. 160 УК РФ), что определяется своеобразием нецелевого расходования бюджетных средств. Важным уточнением при этом служит то, что вопрос отграничения преступления, который предусмотрен ст. 285.1 УК РФ, от указанных выше форм может появляться только в тех обстоятельствах, когда субъектом хищения служит должностное лицо, которое обладает полномочиями по расходованию бюджетных средств. Иными словами, определение квалифицированных признаков касательно нецелевого расходования бюджетных средств имеет возможность быть осуществленным только в пределах ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1,

¹ <https://www.garant.ru/news/1558634/> (дата обращения: 22.03.2023).

ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 160 УК РФ, где критериальной особенностью будет являться субъект уголовного преступления – лицо, которое использует служебное положение [2, с. 114].

Подводя итог, можно заключить, что современная система ответственности за нарушение бюджетного законодательства имеет три вида публично-правовых мер принуждения (бюджетная,

административная и уголовная). При этом важно понимать, что бюджетные меры принуждения могут применяться параллельно с административными и уголовными, но при этом существуют обособленно. То есть за одно правонарушение применяются две меры принуждения, с одной стороны, – бюджетная, с другой стороны, в зависимости от суммы нарушения, – административная или уголовная.

Литература

1. **Алексеева Е.С.** Проблемы реализации ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Lex russica. – 2017. – № 11. – С. 58–65.
2. **Бойко Н.Н.** Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств: теория и практика на современном этапе // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11. – С. 112–114.
3. **Демидов Ю.Н.** Основы борьбы с преступлениями в социально-бюджетной сфере: криминалистические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007.
4. **Емельянов А.С., Черногор Н.Н.** Финансово-правовая ответственность. – Москва, 2004. – 124 с.
5. **Канунникова Н.Г.** Специфика административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 4. – С. 15–18.
6. **Кучеров С.В.** Проблемы правовой идентификации нарушений бюджетного законодательства // Финансовое право. – 2010. – № 11. – С. 2–5.
7. **Минеев В.А.** Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012.
8. **Разгильдиева М.Б.** Финансово-правовое принуждение: монография. – Тамбов, 2011. – 340 с.
9. **Саттарова Н.А.** Принуждение в финансовом праве / под ред. проф. И.И. Кучерова. – Москва: Юрлитинформ, 2006. – 392 с.
10. **Трунцевский Ю.В., Петросян О.Ш.** Экономические и финансовые преступления: учебное пособие. – Москва, 2007. – 288 с.

References

1. **Alekseeva E.S.** Problemy realizacii otvetstvennosti za naru-shenie byudzhethogo zakonodatel'stva // Lex russica. – 2017. – № 11. – S. 58–65.
2. **Bojko N.N.** Ugolovnaya otvetstvennost' za necelevoe raskhodova-nie byudzhetnyh sredstv: teoriya i praktika na sovremennom etape // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2020. – № 11. – S. 112–114.
3. **Demidov Yu.N.** Osnovy bor'by s prestupleniyami v social'no-byudzhetnoj sfere: kriminalisticheskie i ugovovno-pravovyye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2007.
4. **Emel'yanov A.S., Chernogor N.N.** Finansovo-pravovaya otvetstven-nost'. – Moskva, 2004. – 124 s.
5. **Kanunnikova N.G.** Specifika administrativnoj otvetstvennosti za necelevoe ispol'zovanie byudzhetnyh sredstv // Bezopasnost' biznesa. – 2020. – № 4. – S. 15–18.
6. **Kuchеров S.V.** Problemy pravovoj identifikacii narushenij byudzhethogo zakonodatel'stva // Finansovoe pravo. – 2010. – № 11. – S. 2–5.
7. **Mineev V.A.** Ugolovno-pravovaya harakteristika necelevogo ras-hodovaniya byudzhetnyh sredstv: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Sara-tov, 2012.
8. **Razgil'dieva M.B.** Finansovo-pravovoe prinuzhdenie: monogra-fiya. – Tambov, 2011. – 340 s.
9. **Sattarova N.A.** Prinuzhdenie v finansovom prave / pod red. prof. I.I. Kucheroва. – Moskva: Yurilitinform, 2006. – 392 s.
10. **Truncevskij Yu.V., Petrosyan O.Sh.** Ekonomicheskie i finansovye prestupleniya: uchebnoe posobie. – Moskva, 2007. – 288 s.

(статья сдана в редакцию 27.03.2023)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ
«СИРИУС» КАК ОДИН ИЗ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ
РЕАЛИЗАЦИИ «КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ» 2020 ГОДА**
**LEGAL REGULATION OF THE FEDERAL TERRITORY “SIRIUS” AS
ONE OF THE CONTROVERSIAL ISSUES OF THE IMPLEMENTATION
OF THE “CONSTITUTIONAL REFORM” IN 2020**

УДК 342.1

О.А. КОЖЕВНИКОВ,
доктор юридических наук, профессор
(Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева,
Россия, Екатеринбург;
Уральский государственный
экономический университет,
Россия, Екатеринбург)
jktu1976@yandex.ru

К.И. КОРСУН
(Уральский государственный
экономический университет,
Россия, Екатеринбург)
korsunksenia@mai.ru

OLEG A. KOZHEVNIKOV,
Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev,
Yekaterinburg, Russia;
Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia)

KSENIA I. KORSUN
(Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia)

Аннотация: поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации остаются предметом многочисленных дискуссий, которые во многом связаны с проявляемым несовершенством законодательной реализации «обновленных» положений текста Основного Закона. Одной из дискуссионных тем является появление нового вида территорий – федеральные. Первой и пока единственной федеральной территорией стал «Сириус», созданный на базе олимпийского наследия города-курорта Сочи. Целью данной статьи является исследование нормативной основы реализации конституционных положений о федеральной территории, выявление очевидных правовых коллизий, допущенных федеральным законодателем при принятии Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус». Основываясь на общих и специальных методах юридического анализа, авторы приходят к выводу о том, что установленная система нормативного регулирования федеральной территории «Сириус» содержит множество противоречивых норм, которые не соответствуют в полной мере «букве и духу» положений Конституции Российской Федерации и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации. Особое внимание в статье уделяется вопросу отказа законодателя от традиционного разграничения компетенции между уровнями публичной власти, что на примере «Сириуса» привело к поглощению местного самоуправления и закреплению за органами федеральной территории «суперкомпетенции». Подобная ситуация, по мнению авторов, свидетельствует о нарушении принципа осуществления местного самоуправления на всей территории Российской Федерации, что очевидно ставит вопрос о необходимости совершенствования положений Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус».

Ключевые слова: поправки в Конституцию Российской Федерации, федеральная территория, «Сириус», публичная власть, местное самоуправление, разграничение компетенций.

Для цитирования: Кожевников О.А., Корсун К.И. Правовое регулирование федеральной территории «Сириус» как один из дискуссионных вопросов реализации «конституционной реформы» 2020 года // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 9–16.

Abstract: the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation remain the subject of numerous discussions, which are largely related to the apparent imperfection of the legislative implementation of the “updated” provisions of the text of the Basic Law. One of the topics of discussion is the emergence of a new type of territories – federal. The first and so far the only federal territory was Sirius, created on the basis of the Olympic heritage of the resort city of Sochi. The purpose of this article is to study the regulatory framework for the implementation of the constitutional provisions on the federal territory, to identify obvious legal conflicts made by the federal legislator when adopting Federal Law No. 437-FZ of 22.12.2020 “On the Federal Territory of Sirius”. Based on general and special

methods of legal analysis, the authors come to the conclusion that the established system of regulatory regulation of the federal territory "Sirius" contains many contradictory norms that do not fully correspond to the "letter and spirit" of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The article pays special attention to the issue of the legislator's rejection of the traditional differentiation of competence between the levels of public authority, which, using the example of Sirius, led to the absorption of local self-government and the assignment of "supercompetition" to the bodies of the federal territory. Such a situation, according to the authors, indicates a violation of the principle of local self-government throughout the territory of the Russian Federation, which obviously raises the question of the need to improve the provisions of Federal Law No. 437-FZ of 22.12.2020 "On the Federal Territory of Sirius".

Keywords: amendments to the Constitution of the Russian Federation, federal territory, "Sirius", public authority, local self-government, separation of powers.

For citation: Kozhevnikov O.A., Korsun K.I. Legal regulation of the federal territory "Sirius" as one of the controversial issues of the implementation of the "constitutional reform" in 2020 // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 9–16.

С момента проведения всенародного голосования и последующего вступления в силу «обновленного» текста Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) прошло более 2,5 лет. С одной стороны, срок конечно же незначительный, с другой стороны – он уже позволяет сделать отдельные выводы по реализации отдельных положений Конституции РФ, выявив очевидные плюсы и минусы работы федерального законодателя по наполнению «содержанием» текста конституционных норм. Конституционные поправки 2020 года ввели в текст основного закона нашего государства новый вид территорий – федеральные территории, которые могут быть созданы на основании федерального закона, которым также устанавливается организация публичной власти (статья 67 Конституции РФ). Спустя всего шесть месяцев после появления обновленного текста названной статьи Конституции РФ была создана первая федеральная территория – «Сириус»¹, выделенная из муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края. Данная территория до настоящего времени остается единственной федеральной территорией, хотя на страницах отдельных средств массовой информации присутствуют публикации о создании Столичной федеральной территории², федеральных территорий «Кавказские минеральные воды»³,

«Байкал»⁴ и «Космодром Восточный»⁵, однако до итоговой реализации данные «идеи» пока не дошли.

О создании в столице зимних Олимпийских игр территории с особым статусом впервые заговорил Президент Российской Федерации на ежегодном заседании Попечительского совета Фонда «Талант и успех». По мнению главы государства «Проект «Сириус» призван стать своего рода лабораторией, площадкой для творческой свободы, поиска и экспериментов ...»⁶. В пояснительной записке к законопроекту № 1051718-7 «О федеральной территории «Сириус» его авторы указывали на «необходимостью раскрыть на законодательном уровне понятие федеральной территории как нового вида публично-правового образования, в котором в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышения ее инвестиционной привлекательности, необходимости сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создания благоприятных условий для выявления и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации, создания для этого дополнительных гарантий согласованного взаимодействия и функционирования органов государственной власти и

¹ См.: Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2022).

² См.: Официальный интернет-портал информационного агентства «ФедералПресс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://fedpress.ru/article/2538332> (дата обращения: 15.12.2022).

³ См.: Официальный интернет-портал Кисловодской городской организации «Союз журналистов России» [Электронный ресурс]. – URL: <https://nash-kislovodsk.ru/byt-ili-ne-byt-kavminvodam-federalnoj-territoriej-polemika-nabiraet-oboroty> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ См.: Официальный интернет-портал общественно-политического издания «Российская газета» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/02/12/matvienko-bajkal-dolzhen-stat-federalnoj-territoriej.html> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ См.: Космодром Восточный получит место в Конституции как особая федеральная территория // Официальный интернет-портал Ежедневной региональной общественно-политической газеты Амурской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://ampravda.ru/2020/02/13/093933.html> (дата обращения: 19.12.2022).

⁶ См.: Официальный интернет-портал Образовательного центра «Сириус». [Электронный ресурс]. – URL: <https://sochisirius.ru/news/4147> (дата обращения: 19.12.2022).

местного самоуправления установлены особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности»⁷.

О необходимости создания в России нового вида территорий в рамках работы комиссии по подготовке конституционных поправок заявил глава Тульской областной Думы Сергей Харитонов. Главным обоснованием такой необходимости инициатор и эксперты⁸, поддержавшие данную идею, называли специфику социально-экономического развития, географического положения, а также научно-производственной базы ряда территорий России. По мнению А.А. Клишаса «...предложение о необходимости закрепления в Конституции возможности создания федеральных территорий, которые не будут входить в состав территорий субъектов Российской Федерации, заслуживает особого внимания»⁹.

Следует отметить, что присутствие федеральных территорий в пределах государства не является сугубо российским национальным изобретением. Мировая юридическая практика показывает, что по общему правилу необходимость формирования федеральных территорий и округов предопределяется стратегической значимостью указанных территорий (наличие столичного статуса, военные стратегические интересы), особенности исторического развития (территории в Канаде), культурного развития (некоторые союзные территории в Индии) и иные причины. При этом отдельные ученые обоснованно отмечают, что «степень самостоятельности федеральных территорий может колебаться от приближающейся к ограниченному суверенитету государственно-территориального образования до полного отсутствия самоуправления, замененного федеральным управлением» [1, с. 34; 2, с. 56].

К вопросу оценки конституционности создания в России федеральных территорий обращался в своем заключении и Конституционный Суд Российской Федерации, указав, что «Положение о возможности создания федеральных территорий по своему буквальному смыслу не предполагает возможности образования федеральных терри-

торий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации, и не может рассцениваться как противоречащее статье 5 (часть 1) Конституции РФ, исчерпывающим образом определяющей состав России как федеративного государства (что, однако, не аналогично определению состава ее территории – статья 67, часть 1 Конституции РФ), а равно другим положениям глав 1 и 2 Конституции РФ, которые подлежат неукоснительному соблюдению федеральным законодателем при реализации указанной возможности»¹⁰.

Стоит отметить, что принятие Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» (далее по тексту – Закон о Сириусе), не было растянуто во времени: 9 ноября 2020 года законопроект поступил на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации, этой же датой был одобрен ею в третьем чтении и уже 22 декабря 2020 года подписан Президентом Российской Федерации. Возможно, именно поспешность принятия Закона о Сириусе предопределила внесение в него изменений уже в июле 2021 года. Кроме того, и в 2022 году в нижнюю палату Парламента уже неоднократно были внесены на рассмотрение новые поправки, в том числе касающиеся осуществления градостроительной деятельности в границах федеральной территории «Сириус»¹¹, регламентации статуса избирательной комиссии федеральной территории «Сириус»¹², расширения границ федеральной территории «Сириус»¹³.

Детальный анализ отдельных положений названного Федерального закона свидетельствует о наличии значительной неопределенности и противоречиях в его нормах, что не способствует

⁷ Пояснительная записка к законопроекту № 1051718-7 «О федеральной территории «Сириус» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051718-7> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ Например, идею создания федеральных территорий поддержал Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас.

⁹ См.: Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания // Официальный интернет-портал Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/113261/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁰ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения 04.01.2023).

¹¹ Законопроект № 183818-8 «О внесении изменений в статью 46-1 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/183818-8> (дата обращения: 19.12.2022).

¹² Законопроект № 159059-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральной территории «Сириус» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/159059-8> (дата обращения: 04.01.2023).

¹³ Законопроект № 212377-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральной территории «Сириус» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/212377-8> (дата обращения: 04.01.2023).

установленному в ст. 15 Конституции РФ единству применения на всей территории России Конституции и федерального законодательства, а также формированию положительной практики для создания подобных территорий в будущем. Так, анализируемый Закон о Сириусе под федеральной территорией «Сириус» признает имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование (часть 1 статьи 2). Следует отметить, что понятие «публично-правовое образование» не имеет своего однозначного нормативного выражения, однако достаточно часто используется в теории цивилистики и бюджетном законодательстве как обобщенная категория, включающая в себя Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.

Несколько иной подход к пониманию категории «публично-правовое образование» выявил Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 03.07.2008 № 734-О-П. В пункте 4 данного судебного акта Конституционным Судом Российской Федерации был сделан следующий вывод: «К публичным образованиям согласно практике Европейского Суда по правам человека следует относить любые органы власти, осуществляющие общественно значимые функции (постановления от 29 июня 2004 года по делу «Жовнер (Zhovner) против Украины» и по делу «Пивень (Piven) против Украины», от 21 июля 2005 года по делу «Яворивская (Yavorivskaya) против России», решение от 16 сентября 2004 года по делу «Герасимова (Gerasimova) против России»). Таким образом, в российском правовом пространстве отсутствует единство в нормативном понимании категории «публично-правовое образование», в этой связи, если исходить из ранее упомянутой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в его заключении от 16.03.2020 № 1-3 об отсутствии равенства и тождественности федеральной территории статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации, то остается открытым вопрос о федеральной территории «Сириус» как публично-правовом образовании, поскольку сложившаяся в российском праве конструкция соотношения к данному понятию конституционных категорий – Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования – очевидно, не работает и не может быть применена. Возникает вопрос и об ассоциировании федеральной территории «Сириус» как публично-правовом образовании с совокупностью власти, но об этом мы упомянем ниже.

По мнению О.Е. Шишкиной и С.С. Бурцевой, подобная спешка законодателя в реализации положений ст. 67 Конституции Российской Федерации является очевидным примером нарушения

конституционного принципа «правовой определенности», впервые сформулированного в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.1995 № 3-П» [3, с. 172].

В дальнейшем данная позиция неоднократно находила свое подтверждение и развитие в практике Конституционного Суда Российской Федерации, и в настоящее время сложилось устойчивое требование к оценке норм и положений нормативных актов по критерию их определенности как обязательное отсутствие в правовом акте положений, свидетельствующих о неоднозначности, неясности и противоречивости регулирования, поскольку наличие указанных критериев при нормативном регулировании препятствует надлежащему уяснению его содержания, открывает перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод¹⁴.

Возвращаясь к вопросу о возможности восприятия федеральной территории «Сириус» как публично-правового образования, представляющего собой любые органы власти, осуществляющие общественно значимые функции¹⁵, тоже следует отметить «серьезные» проблемы.

Согласно главе 4 Закона о Сириусе публичную власть на федеральной территории осуществляет система органов публичной власти данной территории, в которую входят Совет федеральной территории «Сириус», администрация федеральной территории «Сириус», иные органы публичной власти федеральной территории «Сириус», если их образование предусмотрено Уставом федеральной территории «Сириус».

¹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр»»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2017 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олджэма» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2008 № 734-О-П «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Совет федеральной территории является представительным органом, возглавляемым председателем и состоит из семнадцати человек, избираемых сроком на 5 лет. При этом девять человек Совета избираются на выборах, три человека назначаются Президентом Российской Федерации, три человека назначаются Правительством Российской Федерации, один человек – Губернатором Краснодарского края, а глава администрации федеральной территории, назначаемый Советом, входит в состав Совета «Сириуса» по должности. Получается, что семь человек назначаются органами государственной власти, причем преимущественно федеральной, и девять человек – гражданами федеральной территории.

Общепринятым является то обстоятельство, что «представительными» принято именовать органы, формируемые непосредственно населением, будь то Государственная Дума Российской Федерации, Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, представительные органы муниципальных образований, поскольку именно такой формат придает названным органам наибольшую легитимность и позволяет их ассоциировать с непосредственными функциями «представителей народа». Совет федеральной территории «Сириус» как орган публичной власти, именуемый законодателем как представительный, не в полной мере соответствует этому критерию, поскольку как минимум треть состава Совета формируется высшими органами федеральной государственной власти. При этом председатель избирается из числа Совета по представлению Президента Российской Федерации, а Совет правомочен в своих решениях в случае избрания не менее 2/3 от общей численности. Изложенные обстоятельства свидетельствуют, на наш взгляд, не о представительной, а о государственной природе Совета федеральной территории «Сириус».

В поддержку данного вывода свидетельствует и тот факт, что согласно части 6 статьи 12 Закона о Сириусе лица, избранные (назначенные) членами Совета, замещают государственные должности Российской Федерации, кроме случаев совмещения членства на непостоянной основе с иными должностями (части 8–10 статьи 12 Закона о Сириусе).

Согласно внесенным в 2020 году изменениям в текст Конституции РФ, правовая категория «орган публичной власти» упомянута в п. е.5 ст. 83 Конституции РФ, в которой указано на полномочие Президента Российской Федерации по формированию Государственного Совета Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направле-

ний внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Таким образом, в Основном Законе нашего государства понятие «орган публичной власти» тесно связано с еще одной новой конституционно-правовой категорией – Государственным Советом. Еще одной новеллой конституционного регулирования с 2020 года стали положения ч. 2 ст. 132 Конституции РФ, устанавливающие, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Таким образом, в России единая система публичной власти функционирует на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Именно на таком подходе к категории «единая система публичной власти» настаивал Конституционный суд Российской Федерации в заключении от 16.03.2020 № 1-3. В данном судебном акте федеральный орган конституционного контроля отметил, что «категория «единая система публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа. Общая суверенная власть данного политического союза распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией РФ (статьи 5, 10, 11 и 12)». Внимательное, буквальное изучение упомянутых Конституционным Судом Российской Федерации статей Основного закона очевидно свидетельствует о том, что в Конституции РФ нет никакого упоминания об органе публичной власти как формы народовластия. Нет упоминания об органах публичной власти федеральной территории «Сириус» и в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», пункт 1 ст. 2 которого в состав единой системы публичной власти включает федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности. Как справедливо отмечает А.В. Колесников, произошло «микширование статуса и компетенции разных по своей природе и сущностному предназначению органов в единой мультиформе под названием «орган публичной власти» [4, с. 29].

В этой связи полагаем, что ни положения Конституции РФ, ни положения о единой системе пу-

бличной власти не предполагают на настоящем этапе наличия такого самостоятельного элемента публичной власти, как органы публичной власти федеральной территории «Сириус», поскольку, предусмотренные конституционным законодательством формы осуществления народовластия и организация власти на всей территории нашего государства как по вертикали, так и по горизонтали императивно определены в соответствующих положениях Конституции РФ, относящихся к основам конституционного строя Российской Федерации и не подлежащих изменению в общем порядке [5, с. 59].

Наконец, еще один важный момент законодательного регулирования федеральной территории «Сириус». Анализ положения статьи 8 Закона о Сириусе свидетельствуют о том, что органы публичной власти федеральной территории «Сириус» осуществляют значительный объем полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения, весь объем полномочий органов местного самоуправления городских округов, а также ряд полномочий обеспечительного характера. И здесь возникает вопрос, как такое вообще возможно в разрезе существующей системы правового регулирования и разграничения компетенций между уровнями единой системы публичной власти? Российскому праву достаточно давно известны такие категории «размежевания» полномочий между уровнями власти, прежде всего, государственной как разграничение полномочий и делегирование. И здесь мы полностью поддерживаем точку зрения В. Черепанова, отмечающего, что «под разграничением традиционно понимается установление (определение, закрепление) полномочий по конституционным предметам ведения, а под делегированием полномочий (в отличие от разграничения), как правило, имеется в виду передача федеральным, региональным органам, муниципальным властям уже разграниченных между ними полномочий» [6, с. 164].

Пример «Сириуса» свидетельствует о легализации первых публично-территориальных «гибридов», являющихся одновременно и органами государственной власти, и местного самоуправления. Однако, как правильно подмечает С.В. Праскова, речь идет «...не о смешении полномочий органов власти разных уровней, а о фактическом отказе от разграничения компетенции» [7, с. 315]. Это еще более удивительно, поскольку сам федеральный законодатель совместно с Конституционным судом Российской Федерации в течение длительного времени сформировал непосредственное понимание такой важной правовой категории, как «местное самоуправление», объема его прав и га-

рантий в конституционно-правовом смысле. В качестве примера можно вспомнить Постановление от 24 января 1997 г. № 1-П, в котором Конституционный Суд Российской Федерации указал на невозможность лишения населения конституционного права на осуществление местного самоуправления, подразумевая под ним право на самостоятельное решение вопросов местного значения, также невозможность создания органов представительной и исполнительной государственной власти на уровне муниципальных образований, поскольку на этом уровне публичная власть осуществляется посредством местного самоуправления и его органов, не входящих в систему органов государственной власти.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П особо было отмечено, что исходя из прямого предписания статьи 130 (часть 1) Конституции РФ, устанавливающей, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, вопросы местного значения могут и должны решаться именно органами местного самоуправления или населением непосредственно, а не органами государственной власти. На органы же государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления и оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление. Можно приводить и иные примеры и позиции, неоднократно высказанные за прошедший исторический период Конституционным Судом Российской Федерации, которые к тому же в силу ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» сохраняют силу и в настоящее время.

И несмотря на то, что статья 82.7 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» допускает установление особенностей осуществления местного самоуправления в федеральных территориях федеральными законами, указанные особенности не должны противоречить положениям Конституции РФ, решениям Конституционного суда Российской Федерации, базовому для местного самоуправления акту – Федеральному закону от 06.11.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которые в совокупности четко определяют, что, во-первых, местное самоуправление в Российской Федерации осуществляется на всей территории Российской Федерации, при этом население и органы местного самоуправле-

ния не могут отказаться от реализации права на организацию местного самоуправления, во-вторых, решение вопросов местного значения – это исключительное право населения и органов местного самоуправления в Российской Федерации. Относительно возможности осуществления «не органами местного самоуправления» полномочий по решению вопросов местного значения Федеральный закон от 06.11.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает лишь два варианта. Первое, это перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. При этом данное перераспределение полномочий допускается на срок не менее срока полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а законы субъекта Российской Федерации, определяющие вышеуказанное перераспределение, должны вступать в силу с начала очередного финансового года (ст. 17). Второе, это временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления в порядке ст. 75 упомянутого ранее Федерального закона. При этом, поскольку статья 75 находится в главе 10 Федерального закона от 06.11.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», регламентирующей ответственность органов местного самоуправления, то данный вариант осуществления полномочий местного самоуправления органами государственной власти законодателем однозначно трактуется как одна из мер ответственности. Ни один из этих вариантов, применительно к наделению органов публичной власти федеральной территории «Сириус», с полномочиями органов местного самоуправления городского округа не соотносится.

Федеральная территория «Сириус» — это первая территория, где законодатель отказался от разграничения компетенции между уровнями власти, создав единые органы, формируемые преимущественно федеральной властью, наделенные одновременно как государственными полномочиями, так и полномочиями по решению вопросов местного значения [8, с. 10; 9, с. 137]. Тем самым, фактически одним «росчерком пера», приняв Закон о Сириусе, федеральный законодатель перечеркнул все достижения российского законодательства и права в части разграничения, делегирования полномочий между уровнями власти [10, с. 5].

Подводя итоги настоящего исследования, нельзя не отметить, что по итогам общероссийского голосования, проведенного в 2020 году по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, 77,92% от числа граждан – участников голосования высказались за предложенные изменения в текст Основного Закона. Тем самым граждане вправе ожидать оправдания своего доверия от федерального законодателя в части реализации «обновленных» положений Конституции РФ и поддержания высокого юридического статуса норм Основного Закона на всей территории Российской Федерации. Вместе с тем критический анализ федеральных законов, принимаемых во исполнение отдельных норм Конституции РФ на примере Закона о Сириусе, показывает, что федеральный законодатель очень «вольготно и поверхностно» подходит к качеству нормативных актов. Принятые в значительной спешке, без общественного обсуждения, привлечения профильных экспертов федеральные законы, подобные Закону о Сириусе, не только не способствуют построению единого конституционного правового пространства, так трудно восстанавливаемого в период 2000-х годов, но, наоборот, увеличивают число противоречий и коллизий в применении норм российского права, что нивелирует общенародное доверие к поправкам в Конституцию 2020 года.

Литература

1. **Ирхин И.В.** Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6 (67). – С. 30–37.
2. **Майборода В.А.** Понятие территории федеральной территории «Сириус» // Российская юстиция. – 2021. – № 3. – С. 55–58.
3. **Шишкина О.Е., Бурцева С.С.** Правовая определенность в практике Конституционного суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 3. – С. 166–181.
4. **Колесников А.В.** Эклектика управления федеральной территорией «Сириус»: органы публичной власти, государственные должности, муниципальное имущество и налоги // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2021. – № 4. – С. 27–31.
5. **Ребриков Д.Д., Посредник А.В.** Федеральные территории: новый элемент территориального устройства России // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 58–61.
6. **Черепанов В.** Разграничивать или делегировать? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – №1 (58). – С. 163–167.
7. **Праскова С.В.** О полномочиях органов публичной власти федеральной территории «Сириус» // Академический юридический журнал. – 2021. – № 4 (86). – С. 307–317.
8. **Бурмистрова Ю.Ю., Микерин А.А.** Конституционно-правовые аспекты организации публичной власти в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 2 (48). – С. 8–13.
9. **Праскова С.В.** Характер вхождения федеральных территорий в состав территории Российской Федерации: текущие тенденции законодательной политики // Академический юридический журнал. – 2022. – № 2 (88). – С. 135–144.
10. **Дзидзоев Р.М.** Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус») // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 2–8.

References

1. **Irhin I.V.** Federal'nye territorii i federal'nye okruga: smeshenie konstitucionno-pravovyh modelej // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2017. – № 6 (67). – S. 30–37.
2. **Majboroda V.A.** Ponyatie territorii federal'noj territorii «Sirius» // Rossijskaya yusticiya. – 2021. – № 3. – S. 55–58.
3. **Shishkina O.E., Burceva S.S.** Pravovaya opredelennost' v praktike Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. – 2021. – № 3. – S. 166–181.
4. **Kolesnikov A.V.** Eklektika upravleniya federal'noj territoriej «Sirius»: organy publichnoj vlasti, gosudarstvennye dolzhnosti, municipal'noe imushchestvo i nalogi // Municipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie. – 2021. – № 4. – S. 27–31.
5. **Rebrikov D.D., Posrednik A.V.** Federal'nye territorii: novyj element territorial'nogo ustrojstva Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2021. – № 2. – S. 58–61.
6. **Cherepanov V.** Razgranichivat' ili delegirovat'? // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. – 2007. – №1 (58). – S. 163–167.
7. **Praskova S.V.** O polnomochiyah organov publichnoj vlasti federal'noj territorii «Sirius» // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. – № 4 (86). – S. 307–317.
8. **Burmistrova Yu.Yu., Mikerin A.A.** Konstitucionno-pravovye aspekty organizacii publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 2 (48). – S. 8–13.
9. **Praskova S.V.** Karakter vhozhdeniya federal'nyh territorij v sostav territorii Rossijskoj Federacii: tekushchie tendencii zakonodatel'noj politiki // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. – 2022. – № 2 (88). – S. 135–144.
10. **Dzidzoev R.M.** Institut federal'nyh territorij v Rossijskoj Federacii (na primere federal'noj territorii «Sirius») // Yuridicheskij Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 2. – S. 2–8.

(статья сдана в редакцию 11.01.2023)

**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД К УЛУЧШЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
**MANAGEMENT SYSTEM IN THE FIELD OF ROAD SAFETY: A
CONCEPTUAL APPROACH TO IMPROVING ACTIVITIES**

УДК 351.811

А.А. БЕЖЕНЦЕВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
adovd@mail.ru

ALEXANDER A. BEZHENTSEV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Е.А. ПИКИНА
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
elenaamorozova@mail.ru

ELENA A. PIKINA
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: для повышения эффективности целостной системы управления сферой обеспечения безопасности дорожного движения в России авторами анализируется социологическое исследование с применением анкетирования по актуальным проблемам административно-правового регулирования управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, в ходе которого были опрошены респонденты-эксперты, преимущественно работающие в сфере автомобильного транспорта; констатируется наличие ряда проблем, связанных с узкой специализацией правовых исследований, стереотипностью разрабатываемой тематики, недооценкой стратегически важных задач, недостаточным внедрением полученных результатов, отсутствием обратной связи с практикой; описываются шаги современной реформы, которая должна охватывать все аспекты отраслевого администрирования и предусматривать оптимизацию всех звеньев и подсистем, в итоге – обеспечить максимальную эффективность деятельности системы управления сферой обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: ГИБДД МВД России, Госавтоинспекция, дорожно-патрульная служба, безопасность дорожного движения, управленческая деятельность, дорожно-транспортные происшествия, дорожный травматизм, нарушения правил дорожного движения, административные правонарушения в области дорожного движения, надзор за дорожным движением.

Для цитирования: Беженцев А.А., Пикина Е.А. Система управления в области обеспечения безопасности дорожного движения: концептуальный подход к улучшению деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 17–23.

Abstract: to improve the efficiency of the integrated management system for the field of road safety in Russia, the authors analyze a sociological study using a questionnaire on topical issues of administrative and legal regulation of management activities to ensure road safety in the article, during which expert respondents, mainly working in the field of road transport; the presence of a number of problems associated with the narrow specialization of legal research, the stereotyped nature of the topics being developed, the underestimation of strategically important tasks, the insufficient implementation of the results obtained, the lack of feedback from practice is stated; describes the steps of a modern reform, which should cover all aspects of sectoral administration and provide for the optimization of all links and subsystems, as a result – to ensure the maximum efficiency of the road safety management system.

Keywords: traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia, State traffic inspectorate, road patrol service, road safety, management activities, road accidents, road injuries, traffic violations, administrative offenses in the field of road traffic, traffic supervision.

For citation: Bezhentsev A.A., Pikina E.A. Management system in the field of road safety: a conceptual approach to improving activities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 17–23.

В последние десятилетия обеспечение безопасности дорожного движения стало в России чрезвычайно серьезной проблемой. Безопасность дорожного движения представляет из себя одну из существенных социально-экономических и демографических задач нашей страны. Аварийность на автомобильном транспорте причиняет значительный материальный и моральный ущерб как социуму в комплексе, так и отдельным лицам. Дорожно-транспортный травматизм приводит к исключению из области хозяйственной деятельности лиц трудоспособного возраста, погибают и становятся инвалидами несовершеннолетние дети.

По объему функций и степени реального влияния учреждений, имеющих отношение к обеспечению безопасности дорожного движения, ведущим и связующим звеном, осуществляющим управленческую деятельность, является ГИБДД МВД России, наделенная широкими полномочиями по контролю за соблюдением всеми юридическими и физическими лицами правил, нормативов и стандартов, она следит за предупреждением и пресечением преступных посягательств на участников дорожного движения, за практической реализацией планов и специальных программ, утвержденных органами исполнительной власти и соответствующими региональными комиссиями по обеспечению безопасности дорожного движения.

Проблемы генезиса и эволюции административной деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения разрабатывали Е.А. Войтенков [1], А.С. Квитчук [2]; административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения была предметом изучения В.В. Головки [3]; применение сотрудниками ГИБДД МВД России мер административного принуждения исследовал А.И. Горяинов [4]; вопросам административного надзора в сфере обеспечения безопасности дорожного движения посвящены работы С.М. Зырянова [5]; проблемы возбуждения дела об административном правонарушении в области дорожного движения анализировались П.В. Молчановым [6]; организационно-правовой аспект Госавтоинспекции как органа управления в сфере безопасности дорожного движения рассмотрен С.Н. Чмыревым [7]. Наиболее фундаментальные прикладные научные исследования, направленные на решение административно-правовых проблем деятельности государственной системы управления обеспечением безопасности дорожного движения, проведены в 90-е годы прошлого века В.И. Майоровым [8] и Б.В. Россинским [9].

Несмотря на множественность научных исследований в рассматриваемой области в настоящее время требует всестороннего исследования значи-

тельный круг общественных отношений и правовых институтов, необходимость надлежащего урегулирования которых возникла недавно. Основная часть авторов, рассматривающих вопросы, связанные с административно-правовым регулированием управления безопасностью дорожного движения, подвергает анализу преимущественно отдельные элементы этой проблемы, такие как: правовой статус отдельных органов государственной власти в этой сфере, в том числе ГИБДД МВД России, соотношение их структурных подразделений, характеристику мер регулирования со стороны уполномоченных органов власти. По нашему мнению, сейчас не хватает именно целостного административно-правового исследования, которое позволило бы определить основные направления совершенствования управленческой деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения с учетом современных тенденций в данной области.

Важность указанного круга вопросов, а также недостаточное количество современных научных разработок по указанной проблематике, отсутствие единых правоприменительных подходов в управленческой деятельности Госавтоинспекции по обеспечению безопасности дорожного движения направляют нас на решение заявленной в теме настоящей статьи научной задачи.

Для определения и обоснования направлений совершенствования административно-правового регулирования управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, а также разработке предложений по совершенствованию специального законодательства в этой сфере авторами статьи в течение трех лет проводилось социологическое исследование с применением анкетирования по актуальным проблемам административно-правового регулирования управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, в ходе которого были опрошены респонденты-эксперты, преимущественно работающие в сфере автомобильного транспорта.

Авторами статьи с 2018 по 2021 годы опрошено 405 экспертов из 46 субъектов Российской Федерации (респонденты: сотрудник ГИБДД МВД России – 105 чел.; водитель личного легкового автомобиля – 90 чел.; сотрудник органов внутренних дел, не являющийся сотрудником Госавтоинспекции – 90 чел.; водитель транспортного средства, перевозящего пассажиров – 30 чел.; работник транспортного предприятия, осуществляющего эксплуатацию транспортных средств, не являющийся водителем транспортного средства, перевозящего пассажиров и грузы (работник, осуществляющий предрейсовый или предсменный контроль технического состояния транспортных средств, техническое обслуживание и ремонт автомобилей; медицинский работник, осуществляющий допуск водителей на линию; иной

охранной, обслуживающий персонал) – 30 чел.; государственный служащий, работающий в сфере автомобильного, городского электрического и промышленного транспорта, дорожного хозяйства, а также организации дорожного движения (Комитеты по транспорту субъектов Российской Федерации, Росавтодор, Ространснадзор, Роструд, Ростехнадзор и их территориальные органы) – 30 чел.; работник автодорожного предприятия, занимающегося строительством и ремонтом дорог – 25 чел.; прокурор по надзору за исполнением законов о безопасности дорожного движения – 5 чел).

Анкетирование проводилось в транспортных предприятиях, осуществляющих эксплуатацию транспортных средств, таксопарках, подразделениях органов внутренних дел субъектов Российской Федерации, на факультете переподготовки и повышения квалификации, факультете дополнительного профессионального образования, факультете заочного обучения Санкт-Петербургского университета МВД России, при проведении межведомственных семинаров-совещаний по обеспечению безопасности дорожного движения.

Детальное изучение материалов социологического опроса по проблемным вопросам административно-правового регулирования управленческой деятельности по обеспечению безопасного движения на дорогах, проведенного авторами в ходе научного исследования, позволяет констатировать следующие результаты.

Анализ социально-демографической характеристики респондентов-экспертов показал достаточную подготовленность специалистов к ответам на задаваемые авторами вопросы (большинство ответили на все предлагаемые вопросы), их высокую квалификацию (более 6% проанкетированных являются руководителями, около 88% специалистами; больше 50% работают в должности более трех лет) и достаточный интеллектуальный потенциал (более 78% имеют высшее образование); около 85% отвечавших на вопросы считают собственный уровень профессиональной подготовки вполне достаточным для эффективной административной деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

При ответах на блок общих вопросов респондентам по проблемам административно-правового регулирования управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения около 65% экспертов оценили нынешнюю ситуацию в сегменте обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации как критическую; более 55% определили влияние состояния законодательства на управленческую деятельность ГИБДД МВД России по обеспечению безопасности дорожного движения как существенное; лишь 10% респондентов считают, что

состояние теоретической проработанности управленческой деятельности ГИБДД МВД России по обеспечению безопасности дорожного движения полностью соответствует существующим угрозам; около 70% проинтервьюированных полагают, что современные теоретические разработки в области правотворческой и правоприменительной деятельности Госавтоинспекции по данному направлению используются недостаточно; более 50% опрошенных посчитали, что население Российской Федерации недостаточно информируется о реальных мероприятиях ГИБДД МВД России по обеспечению безопасности дорожного движения.

Анализ ответов респондентов на блок вопросов по эффективности правоприменительной управленческой деятельности ГИБДД МВД России по обеспечению безопасности дорожного движения приводит к выводу об определенной негативной реакции специалистов на нынешнюю эффективность управленческой деятельности Госавтоинспекции в указанном направлении. Так, более 70% участников анкетирования признают, что количество сотрудников ГИБДД МВД России для качественного обеспечения безопасности дорожного движения явно недостаточно; более 80% высказываются за увеличение численности дорожно-патрульной службы путем передачи ей штатных единиц и транспортных средств от специальных подразделений, имеющих функции сопровождения транспортных средств, и должностей инспекторов по розыску (их задачи целесообразно полностью решать другими правоохранительными органами); кроме того, специалисты высказываются о необходимости освобождения ГИБДД МВД России от несвойственных непосредственному обеспечению безопасности дорожного движения функций; положительно (более 60%) относятся к внедрению новых современных перспективных форм и методов работы Госавтоинспекции, усилению координации деятельности с иными правоохранительными органами, их подразделениями и службами.

Относительно блока вопросов респондентам-экспертам по оптимизации административно-правового регулирования управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения подчеркнем, что более 85% респондентов полностью поддерживают необходимость разработки современной концепции комплексного административного реформирования отраслевого законодательства по обеспечению безопасности дорожного движения с учетом объективных социально-экономических процессов, достижений научно-технического прогресса, актуальных потребностей практики, тенденций развития международного законодательства, требований техники нормотворчества, последних теоретических разработок; примерно 70% проинтервьюированных не

против появления новых, с учетом особенностей регионов Российской Федерации, Правил дорожного движения, не возражают против внесения корректив в КоАП РФ, федеральные законы и подзаконные правовые акты по вопросам совершенствования административной деятельности по управлению обеспечением безопасности дорожного движения.

Таким образом, позиция экспертов-специалистов полностью подтверждает теорию авторов о целесообразности скорейшей выработки новой парадигмы управленческой деятельности по обеспечению безопасного движения по дорогам с помощью поиска новых методов позитивного государственного управления при проведении административного реформирования системы безопасности дорожного движения.

Сформулируем ряд выводов, положений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности целостной системы управления сферой обеспечения безопасности дорожного движения в России.

1. Построение эффективной государственной управленческой политики обеспечения безопасности дорожного движения предусматривает разработку широкого спектра правовых, организационных, информационных и других мероприятий, направленных на радикальное уменьшение дорожно-транспортного травматизма. Но прежде всего должно быть создано плодотворное научное основание. Как показывает практика, без точных расчетов, достоверных прогнозов, инновационных методик и теоретических наработок невозможно ни выработать действенную стратегию, ни воплотить ее в жизнь.

Анализ научно-правового обеспечения управления безопасностью дорожного движения заставляет констатировать наличие ряда проблем, связанных с узкой специализацией правовых исследований, стереотипностью разрабатываемой тематики, недооценкой стратегически важных задач, недостаточным внедрением полученных результатов, отсутствием обратной связи с практикой.

С целью их решения необходимо: ввести межведомственный мониторинг правовых исследований в области управления безопасностью дорожного движения; обеспечить постоянное информирование субъектов государственной политики обеспечения безопасности дорожного движения о прогрессивных научных разработках и перспективах их внедрения; определить на основе заказов практических органов и подразделений круг вопросов дорожной безопасности, требующих первоочередного научного решения, и включить соответствующую тематику в планы научно-исследовательских работ профильных вузов и научно-исследовательских учреждений; стимулировать разработку

малоисследованных аспектов управления обеспечением безопасности дорожного движения путем предоставления именных грантов (стипендий, премий), организации конкурсов, содействия в опубликовании научных трудов; углубить взаимодействие между профильными учебными заведениями, научно-исследовательскими учреждениями – с одной стороны и субъектами практической деятельности – с другой.

2. Как показывает пример зарубежных стран, эффективность политики управления обеспечением безопасности дорожного движения во многом зависит от развития национальной экономики. Впрочем, результативность экономической системы, это хоть и очень важный, но не единственный фактор, которым определяется состояние дорожной безопасности. Для того чтобы политика безопасности дорожного движения была действительно успешной, она должна: охватываться рамками долгосрочной национальной стратегии; преследовать конкретные, измеримые цели, которые созвучны отраслевой проблематике; быть реалистичной, последовательной, гибкой, толерантной к вызовам времени; основываться на многоуровневой системе плановых документов, интегрированных в структуру государственного социально-экономического планирования; воплощать комплексный подход к целереализации (решение актуальных проблем управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения должно осуществляться одновременно на идеологическом, нормативно-правовом, экономическом, социальном, организационном, научном, техническом и образовательном уровнях), не допуская никаких послаблений в борьбе с антиобщественными проявлениями; опираться на метод убеждения как наиболее демократичный и оптимальный метод социального управления; органично сочетать различные аспекты публичного администрирования: а) общенациональный и региональный; б) ведомственный и межотраслевой; в) внутригосударственный и внешнеполитический; осуществляться в контексте развития международного сотрудничества; пользоваться широкой поддержкой общества и участников управленческого процесса.

3. Дорожно-транспортная аварийность является крупнейшей техногенной угрозой нового времени, успешное противодействие которой возможно только путем консолидации усилий мировой общественности, координации и синхронизации действий международных субъектов в рамках единой политики безопасности дорожного движения. Стремясь к дальнейшей интеграции в мировое экономическое пространство, будучи постоянным членом ряда международных транспортных организаций, Россия обязана учитывать глобальные направления противодействия дорожному травматизму,

определенные международными актами по вопросам дорожной безопасности.

Сейчас такими направлениями являются: развитие международного сотрудничества в сфере управления безопасностью дорожного движения; разработка национальных стратегий повышения безопасности дорожного движения, включение вопросов дорожной безопасности в содержание государственных целевых программ; имплементация международных регламентов (правил, нормативов) по вопросам автомобильного транспорта в отечественную практику; модернизация дорожного хозяйства, увеличение пропускной способности дорог; усиление технических требований безопасности автотранспортных средств; стимулирование развития общественного транспорта; снижение лимитов скорости движения в населенных пунктах и за их пределами; совершенствование системы статистического учета дорожно-транспортных происшествий; централизация управления сферой дорожной безопасности; всесторонняя поддержка деятельности профильных общественных организаций; повышение эффективности медицинского обеспечения безопасности дорожного движения; активизация борьбы с нарушениями правил дорожного движения; выявление и ликвидация мест концентрации аварий; применение прогрессивных методик водительской подготовки; организация масштабных информационных кампаний, направленных на профилактику дорожного травматизма.

4. Необходимым залогом качественного формирования и эффективной реализации государственной политики управления в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является четкое определение круга ее задач. С учетом стратегических целей национальной безопасности, а также системных особенностей (проблематики, закономерностей, тенденций развития) функционирования дорожно-транспортного комплекса России в качестве основных задач отраслевой политики авторами определены: обеспечение личной безопасности участников дорожного движения; обеспечение защиты и реализации прав и свобод граждан в сфере дорожного движения; прогнозирование и нейтрализация угроз в сфере дорожного движения; улучшение экономических показателей, обусловленных состоянием безопасности дорожного движения; противодействие деликтности в сфере дорожного движения; совершенствование системы отраслевого управления; укрепление законности и правопорядка в сфере обеспечения безопасности дорожного движения; интеграция отечественного дорожно-транспортного комплекса в мировую транспортную систему; предупреждение вредного воздействия автотранспортного комплекса на окружающую среду.

5. Практически всем уровням административно-правового обеспечения управления деятельностью по реализации безопасности дорожного движения свойственны системные недостатки, среди которых: недостаточная полнота регуляторного охвата, плохая согласованность нормативно-правовых актов, несоответствие их формы и содержания, наличие коллизий, нечеткие формулировки правовых установлений. Нужно современное реформирование отраслевого административного законодательства с учетом объективных социально-экономических процессов, достижений научно-технического прогресса, актуальных потребностей практики, тенденций развития международного законодательства, требований техники нормотворчества, последних теоретических разработок.

Первоочередными шагами в данном направлении должны стать: а) разработка и принятие нового федерального закона, который будет определять: задачи, принципы и приоритетные направления управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения; компетенцию уполномоченных государственных субъектов; основные формы участия граждан в управлении сектором дорожного движения; организационные основы статистического учета показателей безопасности дорожного движения; механизмы программирования мер профилактики дорожного травматизма; обязательные требования к безопасности дорожной инфраструктуры, транспортных средств, организации движения, осуществлению грузопассажирских перевозок; права и обязанности участников дорожного движения; условия допуска граждан к управлению транспортными средствами, а также основания для лишения (приостановления) соответствующего субъективного права; вопросы медицинского обеспечения безопасности дорожного движения; основы публичного контроля на автомобильном транспорте, его задачи, полномочия его субъектов; виды юридической ответственности за деликты против безопасности дорожного движения; б) широкое привлечение общественности к процессу разработки проектов нормативно-правовых актов по вопросам управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, в частности, путем активизации работы общественных советов при органах исполнительной власти, организации общественных консультаций и публичных обсуждений, проведения общественных экспертиз.

6. Сегодня в России функционирует громоздкая децентрализованная система управления сферой безопасности дорожного движения. Как и много лет назад, ее определяющими чертами являются государственная монополия на отдельные средства производства, сосредоточение большого объема

контрольно-надзорных и разрешительных полномочий в полицейской структуре, зачаточное состояние общественного контроля, отсутствие органа власти, ответственного за реализацию отраслевой политики в области обеспечения безопасности дорожного движения в целом. Не будучи адаптированной к социально-экономическим реалиям нового времени, эта система исчерпала свой потенциал и способность к саморазвитию.

Ситуация требует проведения современной реформы, которая бы охватывала все аспекты отраслевого администрирования, предусматривала оптимизацию всех звеньев и подсистем, а в конечном итоге – обеспечила максимальную эффективность реализации государственной политики безопасности дорожного движения. В качестве приоритетных мероприятий этой реформы предлагаются следующие: а) совершенствование действующего административного законодательства в части регламентации организационных основ государственной политики по управлению безопасностью дорожного движения, внесение в него изменений, обусловленных необходимостью уточнить современную систему субъектов отраслевого управления, четко определить круг их полномочий; разграничить их компетенцию и сферы ответственности; устранить параллелизм в работе; ликвидировать предпосылки для возникновения компетенционных конфликтов, межведомственных и межинституциональных противоречий; б) создание специального органа (подразделения), первоочередной задачей которого будет реализация государственной политики в сфере управления деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения. К компетенции данного органа (подразделения) целесообразно отнести: организацию движения автомобильного транспорта на дорогах общего пользования; организацию подготовки и повышения квалификации водителей, а также допуска граждан к управлению транспортными средствами;

регистрацию и учет транспортных средств; лицензирование хозяйственной деятельности в сфере грузопассажирских перевозок; лицензирование новых типов транспортных средств и запчастей к ним; проверку работы станций технического осмотра автотранспортных средств; сертификацию транспортных средств; ведение централизованных учетов нарушений правил дорожного движения, дорожно-транспортных происшествий, субъектов предпринимательской деятельности, которые осуществляют продажу транспортных средств; контроль за соблюдением требований действующего законодательства о дорожном движении, а также правил, норм и стандартов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения; в) реорганизация ГИБДД МВД России в орган дорожного надзора и регулирования движения. Ключевыми моментами такой реорганизации должны стать: освобождение Госавтоинспекции от несвойственных полномочий; сосредоточение деятельности ГИБДД МВД России на выполнении функций по надзору за дорожным движением: выявлении и пресечении правонарушений на автомобильном транспорте; регистрации и предварительном расследовании дорожно-транспортных происшествий; регулировании дорожного движения; оказании информационной, неотложной и другой помощи его участникам; контроле в сфере перевозок опасных грузов; контроле за соблюдением требований по времени непрерывной работы водителей автобусов и грузовых автомобилей.

Представляется, что выполнение в ближайшее время максимального количества из обосновываемых в статье предложений и рекомендаций на качественном уровне поможет улучшить на территории нашего отечества ситуацию в области административно-правового регулирования управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения и будет способствовать уменьшению количества дорожно-транспортных происшествий.

Литература

1. **Войтенков Е.А.** Организационно-правовые основы деятельности МВД СССР по обеспечению безопасности дорожного движения во второй половине 60-х-середине 80-х гг. XX века: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 180 с.
2. **Квитчук А.С.** Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 360 с.
3. **Головко В.В.** Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2008. – 404 с.
4. **Горяинов А.И.** Правовые и организационные основы деятельности ГИБДД МВД России по применению мер административного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 22 с.
5. **Зырянов С.М.** Административный надзор в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2001. – 178 с.
6. **Молчанов П.В.** Возбуждение дела об административном правонарушении в области дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 214 с.
7. **Чмырев С.Н.** Государственная инспекция безопасности дорожного движения как орган управления в сфере безопасности дорожного движения: организационно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2000. – 181 с.
8. **Майоров В.И.** Административно-правовые проблемы управления обеспечением безопасности дорожного движения: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997. – 326 с.
9. **Россинский Б.В.** Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения: (тенденции, проблемы и перспективы развития): дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1993. – 376 с.

References

1. **Vojtenkov E.A.** Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti MVD SSSR po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya vo vtoroj polovine 60-h-seredine 80-h gg. HH veka: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2006. – 180 s.
 2. **Kvitchuk A.S.** Sistema obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossii: (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... d-ra jurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2006. – 360 s.
 3. **Golovko V.V.** Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' organov vnutrennih del v oblasti dorozhnogo dvizheniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 2008. – 404 s.
 4. **Goryainov A.I.** Pravovye i organizacionnye osnovy deyatel'nosti GIBDD MVD Rossii po primeneniyu mer administrativnogo prinuzhdeniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2004. – 22 s.
 5. **Zyryanov S.M.** Administrativnyj nadzor v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2001. – 178 s.
 6. **Molchanov P.V.** Vozbuzhdenie dela ob administrativnom pravonarushenii v oblasti dorozhnogo dvizheniya: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2008. – 214 s.
 7. **Chmyrev S.N.** Gosudarstvennaya inspekciya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya kak organ upravleniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: organizacionno-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2000. – 181 s.
 8. **Majorov V.I.** Administrativno-pravovye problemy upravleniya obespecheniem bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Ekaterinburg, 1997. – 326 s.
 9. **Rossinskij B.V.** Gosudarstvennaya sistema obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: (tendencii, problemy i perspektivy razvitiya): dis. ... d-ra jurid. nauk. – Moskva, 1993. – 376 s.
-
-

(статья сдана в редакцию 07.04.2021)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ФУНКЦИИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(РОСГВАРДИИ) КАК СУБЪЕКТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**LEGAL REGULATION OF THE INTERNAL FUNCTION OF THE UNITS
OF THE FEDERAL SERVICE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF
THE RUSSIAN FEDERATION (ROSGUARD) AS A SUBJECT OF LAW
ENFORCEMENT**

УДК 340

Л.Ю. ГАРНИК

(Дзержинский филиал ННГУ,
Россия, Дзержинск)
garnikludmila@yandex.ru

LUDMILA YU. GARNIK

(Dzerzhinsk branch of the UNN,
Dzerzhinsk, Russia)

Аннотация: в данной работе автор рассматривает практические вопросы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации как органа исполнительной власти, которая обусловлена ее целями и задачами, закрепленными в нормативных правовых актах, где важное значение имеет осуществление сотрудниками ведомства внутренних функций, выражающихся в осуществлении организационно-управленческой функции и процессуальной (процедурной) функции, основанных на строгом соблюдении закона. Исследуя внутренние функции Росгвардии, автор особое внимание уделяет неурегулированным правовым вопросам отмеченных направлений деятельности, обращает внимание на общие правовые пробелы в законодательстве, связанные с организацией выполнения руководителями (начальниками) подразделений Росгвардии процессуальной (процедурной) функции. В статье исследователь проводит анализ правовых актов, регламентирующих деятельность должных лиц ведомства, связанную с осуществлением производства по делам об административных правонарушениях в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях.

В процессе исследования внутренних функций Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации автор уделяет внимание правовым проблемам осуществления организации проведения расследований авиационных происшествий и приходит к выводу о том, что правовое регулирование внутренних функций подразделений Росгвардии, включающее в себя организационно-управленческую и процессуальную (процедурную) функцию, направлено на выполнение поставленных перед службой задач.

Ключевые слова: правовые проблемы, процессуальные аспекты, проведение расследований, производство по делам об административных правонарушениях, авиационные происшествия, дознаватель.

Для цитирования: Гарник Л.Ю. Правовое регулирование внутренней функции подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) как субъекта правоохранительной деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 24–30.

Abstract: in this paper, the author examines the practical issues of the activities of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation as an executive body, which is due to its goals and objectives enshrined in regulatory legal acts, where it is important that the employees of the department under study carry out internal functions, expressed in the implementation organizational and managerial functions and procedural (procedural) functions based on strict observance of the law. Exploring the internal functions of the National Guard, the author pays special attention to the unresolved legal issues of the noted areas of activity and to the general legal gaps in the legislation related to the organization of the performance of the procedural (procedural) function by the heads (heads) of the National Guard units, analyzes the legal acts regulating the activities of officials of the department, related to «the implementation of proceedings in cases of administrative offenses in accordance with the legislation of the Russian Federation on administrative offenses.»

In the process of studying the internal functions of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, the author pays attention to the legal problems of organizing the organization of investigations into aviation accidents and comes to the conclusion that the legal regulation of the internal functions of the units of the Russian Guard, including the organizational and managerial and procedural (procedural) functions aimed at fulfilling the tasks assigned to the service.

Keywords: legal problems, procedural aspects, investigations, proceedings on cases of administrative offenses, aviation accidents, investigator.

For citation: Garnik L.Yu. Legal regulation of the internal function of the units of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (Rosguard) as a subject of law enforcement // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 24–30.

Деятельность Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации как органа исполнительной власти обусловлена ее целями и задачами, закрепленными в нормативных правовых актах, где важное значение имеет осуществление сотрудниками ведомства внутренних функций, которые выражаются в осуществлении организационно-управленческой функции и процессуальной (процедурной) функции, основанных на строгом соблюдении закона.

Проводя исследование в указанном направлении, обратим внимание на имеющиеся в науке точки зрения по отмеченному нами вопросу.

Так, о некоторых нерешенных проблемах, являющихся актуальными до настоящего времени в интересующей нас сфере, пишут такие авторы, как А.И. Воробьев [3, с. 3], Е.В. Горин [6, с. 10], Д.В. Вечерникова [2, с. 14], Е.В. Кинчус [7, с. 220]. В своих исследованиях мы также неоднократно обращались к теме основных направлений деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, однако делали это только в том объеме, который был необходим для исследования конкретных вопросов [4, с. 147; 5, с. 113].

В своих работах С.А. Богданов, О.А. Козлов, С.А. Воронов, рассматривая управленческую деятельность офицера Росгвардии, утверждают, что «в правовом аспекте формы управленческой деятельности ориентированы на нормативно-правовые документы государственного и ведомственного уровней, с опорой на которые оформляются организационные документы в форме приказов, распоряжений и иных правовых актов. Организационная составляющая форм управленческой деятельности характеризуется коллегиальностью обсуждения проблемы и поиском оптимальных вариантов решения (совещания, заседания, конференции, сборы, коллегии и т.п.). Очевидно, что правовые и организационные формы управленческой деятельности могут быть использованы комплексно или дифференцированно в зависимости от условий управленческой деятельности и направленности управленческой проблемы и ситуации. Методы управленческой деятельности, представляя значимый инструментальный ресурс, характеризуются с точки зрения способов и приемов, позволяющих использовать правовые и (или) организационные формы, анализировать и оценивать управленческие ситуации в интересах достижения целей управления» [1, с. 84].

По мнению Ю.Н. Коровина «в силовых ведомствах России (в том числе, в Росгвардии) сложилась устойчивая система военного управления, построенная с учетом спектра стратегических, оперативных и тактических задач, решаемых органами управления на различных иерархических ступенях. Очевидно, что эффективность функционирования системы военного управления в целом зависит от качества управления на каждом ее уровне» [8, с. 30]. Поддерживая приведенные суждения авторов, отметим, что организационно-управленческая функция подразделений Росгвардии выполняется в соответствии с нормами федеральных и внутриведомственных правовых актов и включает отмеченное нами ранее нормотворческое и обеспечительное направление. С учетом сказанного в данной работе проведем комплексный анализ правовых положений указанных направлений и рассмотрим общие неурегулированные законодателем вопросы, акцентируя внимание на правовых проблемах организации и выполнения процессуальной (процедурной) функции с целью выработки концептуальных предложений по совершенствованию нормативных правовых актов в установленных сферах деятельности подразделений Росгвардии.

Стоит отметить, что организационно-управленческая деятельность Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации подробно регламентирована в Указе Президента Российской Федерации от 30.09.2016 № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» (далее – Положение о Росгвардии), предусматривающем определенные правовые формы указанного нами направления, выражающиеся:

- в издании приказов, директив, распоряжений и иных актов, в том числе совместно с руководителями других федеральных государственных органов;
- в заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам, относящимся к компетенции Росгвардии;
- в разработке проектов законодательных и иных нормативных актов Российской Федерации по вопросам, относящимся к установленным сферам деятельности;
- в утверждении документов планирования применения войск национальной гвардии и их служебно-боевой (служебной) деятельности, уставов войск национальной гвардии;

- в создании структурных подразделений центрального аппарата Росгвардии; территориальных органов; воинских частей войск национальной гвардии; подразделений (органов) войск национальной гвардии; организаций войск национальной гвардии, непосредственно осуществляющих функции в исследуемом направлении;

- в образовании постоянно действующего совещательного органа – коллегии Росгвардии, цель создания которой – рассмотрение наиболее важных вопросов в установленных сферах деятельности и выработка управленческих решений для реализации поставленных перед службой задач (п. 1, п. 14 Положения о Росгвардии).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что организационно-управленческая деятельность исследуемого органа исполнительной власти осуществляется непосредственно на основе норм права в установленных сферах деятельности, выражающихся в: 1) правотворческой форме; 2) правоприменительной форме; 3) организационно-обеспечительной форме.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что правовое регулирование организационно-управленческой функции подразделений Росгвардии представляет собой совокупность нормативных правовых актов, регламентирующих руководство и исполнение организации деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, выражающихся в полномочиях должностных лиц по организации выполнения поставленных перед службой задач.

Продолжая анализ правового регулирования внутренних функций, обратим внимание на общие правовые пробелы в законодательстве, связанные с организацией выполнения руководителями (начальниками) подразделений Росгвардии процессуальной (процедурной) функции. Поскольку организационно-управленческая функция включает в себя нормотворческое направление и охватывает все сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, считаем необходимым провести анализ правовых положений указанного направления.

В пункте 5 ст. 9 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее – ФЗ «О войсках Росгвардии») определены полномочия сотрудников исследуемого нами органа исполнительной власти, связанные с «осуществлением производства по делам об административных правонарушениях в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях».

Статья 28.3 КоАП РФ предусматривает составление «протоколов об административных правонару-

шениях должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях в установленных сферах деятельности», к которым законодатель относит:

- «должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации об административных правонарушениях в части соблюдения требований законодательства об оружии, частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности; в части нарушения правил продажи оружия и патронов к нему; в отношении объектов, охраняемых войсками национальной гвардии Российской Федерации;

- в иных случаях в пределах своих полномочий» (п. 103 ст. 28.3 КоАП РФ).

Стоит отметить, что указанным нормативным актом установлены правила, определяющие, что «дело об административном правонарушении может быть возбуждено должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях» (п. 3 ст. 28.1 КоАП РФ).

Рассматривать дела об административных правонарушениях от имени Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации вправе:

- руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, и его заместители;

- руководители структурных подразделений федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, и их заместители;

- руководители территориальных органов федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, и их заместители;

- руководители вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации, и их заместители;

- должностные лица федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, и его территориальных органов, уполномоченные на осуществление государственного контроля (надзора)» (п. 2 ст. 23.85 КоАП РФ).

На основании отмеченных правил в ведомственном нормативном акте Росгвардии указан перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, в который, среди многих должностных лиц, включены «командиры (начальники) соединений воинских частей (подразделений (органов), начальник караула, гарнизона, комендант и их заместите-

ли, дежурный по войсковым нарядам, начальник войскового наряда»¹.

Таким образом, законодатель наделяет указанных должностных лиц правом на осуществление производства по делам об административных правонарушениях, которое предусматривает последовательное исполнение процессуальных действий. На наш взгляд, отмеченные нормы не соответствуют компетенции сотрудников подразделений Росгвардии, поскольку установленные внутриведомственные правила к квалификации для лиц, проходящих службу в войсках исследуемого ведомства, не предусматривают наличие юридического образования².

В подтверждение нашего суждения приведем позицию Верховного Суда Российской Федерации, который пришел к выводу о том, что «вопрос о проведении административного расследования решается при возбуждении дела об административном правонарушении лицами, указанными в КоАП РФ. Административное расследование представляет собой комплекс требующих значительных временных затрат процессуальных действий указанных лиц, направленных на выявление всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление»³.

Несоблюдение указанных правил приводит к нарушению установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности.

Проиллюстрируем их примерами из судебной практики.

¹ Приказ Росгвардии от 14.11.2018 № 498 (ред. от 10.02.2020) «Об утверждении Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях», пп. 1.5, 1.10, 1.12 п. 1 // Зарегистрировано в Минюсте России 04.12.2018 № 52864.

² Приказ Росгвардии от 11.10.2017 № 431 «Об утверждении квалификационных требований к стажу службы войск национальной гвардии Российской Федерации или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам для лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, замещающих должности рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава войск национальной гвардии Российской Федерации, и квалификационных требований к уровню физической подготовки для должностей рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава, замещаемых лицами, проходящими службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции» // Зарегистрировано в Минюсте России 01.11.2017 № 48756.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», ч. 3 пп. «а», п. 1 // Российская газета. № 80. 19.04.2005.

Северодвинским городским судом Архангельской области были рассмотрены «материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в отношении гражданина П., который ранее к административной ответственности не привлекался. Изучив материалы дела об административном правонарушении, суд установил, что гражданин П. был задержан сотрудником Росгвардии и доставлен в помещение ОМВД России по городу Северодвинску по подозрению в совершении административного правонарушения, которое требовало принятия мер к установлению его личности либо задержания и доставления в дежурную часть полиции. Однако протоколы об административном правонарушении в отношении П., кроме рассматриваемого судом по части 1 статьи 19.3 КоАП РФ, не составлялись, и в материалах дела отсутствуют... Не содержат указания на совершение П. административного правонарушения бортовой журнал ..., в котором указано, что по прибытии к охраняемому объекту отдел (адрес) в результате осмотра факт проникновения на объект не установлен. Доказательств того, что П. находился в розыске, также не представлено.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что у сотрудника войск Росгвардии Ф.И.О. не имелось предусмотренных законом оснований для реализации в отношении П. полномочий, предусмотренных пунктами 4 и 7 части 1 статьи 9 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», а также для применения предусмотренной главой 27 КоАП РФ мер обеспечения по делу об административном правонарушении, в том числе для его задержания и доставления в помещение ОМВД России по городу Северодвинску, в связи с чем в действиях П. отсутствует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьей 19.3 КоАП РФ.

В силу пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ, в случае отсутствия состава административного правонарушения, производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению»⁴.

В суде Ленинского района г. Иваново, было установлено, что при вынесении постановления о возбуждении производства по делу об административном правонарушении были допущены нарушения норм процессуального права, что привело к отмене административного наказания. «Рассмотрев дело по жалобе об административном правонарушении,

⁴ Постановление Северодвинского городского суда Архангельской области № 5–352/2016 от 22 октября 2016 г. по делу № 5-352/2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 21.06.2022).

суд установил, что должностное лицо Росгвардии необоснованно рассмотрело дело об административном правонарушении в отсутствие Ф.И.О. Извещения о месте и времени рассмотрения дела не поступали, согласие на СМС-информирование заявитель не давал. Протокол об административном правонарушении составлен более месяца после выявления правонарушения, что является нарушением ст. 28.5 КоАП РФ.

Исходя из положений ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ, обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагает не только наличие законных оснований для применения административного наказания, но и соблюдение установленного законом процессуального порядка привлечения лица к административной ответственности.

Допущенные должностными лицами нарушения процессуальных требований являются существенными, которые не позволили всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело, в связи с чем вынесенное ДД.ММ.ГТТГ постановление по делу об административном правонарушении является незаконным и подлежит отмене⁵.

Таким образом, судебная практика подтверждает наличие проблем в указанной сфере.

Для улучшения качества осуществления исследуемых полномочий, необходимо, на наш взгляд, *вести штатную должность дознавателя в подразделениях Росгвардии*, поскольку специалисты, имеющие юридическое образование, способны своевременно, оперативно и профессионально оформить необходимые процессуальные документы по административному правонарушению для привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Рассматривая правовое регулирование внутренней функции подразделений Росгвардии, уделим внимание правовым проблемам осуществления организации проведения расследований авиационных происшествий.

Так, в ФЗ «О войсках Росгвардии» не нашли своего логического развития нормы, предусматривающие полномочия сотрудников исследуемого федерального органа государственной власти, закрепленные в Положении о Росгвардии, согласно которым ведомство «проводит расследование, классификацию и учет авиационных происшествий и инцидентов в авиации войск национальной гвардии» (пп. 53 п. 9 «Положения о Росгвардии»).

В этой связи стоит отметить, что на сегодняшний день в законодательстве страны не определены

категории уголовных дел, которые обуславливают расследуются сотрудниками Росгвардии.

В УПК РФ такие преступления, как «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов» (ст. 222 УК РФ), «Незаконное изготовление оружия» (ст. 223 УК РФ), отнесены к подсудственности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Однако, учитывая нормативно закрепленные правила, установленные в Положении о Росгвардии, эта сфера деятельности причислена к Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в п. 1 ст. 9 ФЗ «О войсках Росгвардии» и дополнить ее п. 35 следующего содержания: *«проводить расследование, классификацию и учет авиационных происшествий и инцидентов в авиации войск национальной гвардии»*.

В статью 151 УПК РФ внести изменения и дополнить п. 3, подпунктом 10, изложив его в следующей редакции: *«дознавателями Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 222 частью первой, четвертой; 223 частью первой, четвертой Уголовного кодекса Российской Федерации»*.

Продолжая исследовать проблемы в указанном направлении, отметим, что расследование происшествий и инцидентов в авиации войск национальной гвардии производится согласно Правилам, установленным в Постановлении Правительства Российской Федерации от 2 декабря 1999 № 1329 «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации»⁶, где «организация и проведение расследования осуществляется федеральными органами исполнительной власти или организациями (по принадлежности воздушного судна)»⁷. На основании указанного нормативного правового акта Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации совместно с иными федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации определен «Порядок взаимодействия органов безопасности полетов государственной авиации в Рос-

⁵ Решение Ивановского суда, Ленинского района № 12 – 18/2018 от 15 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://guardinfo.online/> (дата обращения: 21.06.2022).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 1999 № 1329 (ред. от 10.09.2016) «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 50. – Ст. 6218.

⁷ Там же.

сийской Федерации»⁸, которым установлена организация взаимодействия органов безопасности полетов Росгвардии с иными федеральными органами исполнительной власти России, «в целях упорядочения деятельности органов безопасности полетов по: оперативному оповещению об авиационных происшествиях и авиационных инцидентах; организации и проведении расследований (участию в расследованиях) авиационных происшествиях и авиационных инцидентах; проверке полноты учета, объективности расследований и правильности классификации авиационных событий; обмену опытом расследований авиационных происшествий и авиационных инцидентов, реализации мероприятий и программ предотвращения авиационных происшествий»⁹ и т.д.

Однако Росгвардия не может обмениваться опытом расследований в исследуемой сфере деятельности, поскольку в структуре Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федера-

ции нет подразделений, наделенных специальными полномочиями по расследованию авиационных происшествий и авиационных инцидентов.

В этой связи предлагаем в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации *создать отдельное подразделение* с включенными в штатную численность Росгвардии специалистами по расследованию авиационных и иных происшествий и авиационных инцидентов, деятельность которого будет направлена на снижение уровня авиационных и иных происшествий и реализацию мероприятий по предотвращению таких происшествий.

Создание указанных специальных подразделений позволит оптимизировать работу в указанной сфере деятельности Росгвардии и достигнуть поставленной перед федеральным органом исполнительной власти цели в обеспечении государственной и общественной безопасности.

Изложенное позволяет заключить, что правовое регулирование внутренних функций подразделений Росгвардии, включающее в себя организационно-управленческую и процессуальную (процедурную) функцию, направлено на выполнение поставленных перед службой задач. Однако эффективность указанного процесса напрямую зависит от устранения пробелов и коллизий в законодательстве, а также согласованной работы между ведомствами.

⁸ Приказ Министра обороны Российской Федерации № 787, МЧС России № 578, ФСБ России № 726, Росгвардии № 530, ФТС России № 2003, ФСО России № 744, Госкорпорации «Роскосмос» № 436, Общероссийской общественно-государственной организации «ДОСААФ» № 172 от 18.12.2017 «Об утверждении Порядка взаимодействия органов безопасности полетов государственной авиации в Российской Федерации» // Зарегистрирован в Минюсте России 24.01.2018 № 49748.

⁹ Там же.

Литература

1. **Богданов С.А., Козлов О.А., Воронов С.А.** Управленческая деятельность офицера Росгвардии (сущность и содержание) // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 4 (36). – С. 81–87.
2. **Вечерникова Д.В.** Административная деятельность вневедомственной охраны полиции по инспектированию подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 301 с.
3. **Воробьев А.И.** Организация и правовые основы деятельности вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации по обеспечению охраны имущества физических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Псков, 2011. – 27 с.
4. **Гарник Л.Ю.** Правовое регулирование правоохранительной функции Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации как одной из основных элементов системы деятельности созданного органа исполнительной власти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 147–150.
5. **Гарник Л.Ю.** Функции Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 3 (51). – С. 111–115.
6. **Горин Е.В.** Организация деятельности вневедомственной охраны в регионе: на материалах Московской области: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 24 с.
7. **Кинчус Е.В.** О проблемах в сфере правового регулирования частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации // Бизнес в законе. – 2088. – № 1. – С. 219–220.
8. **Коровин Ю.Н.** Теоретические подходы к организации управленческой деятельности офицера войск национальной гвардии Российской Федерации в системе военного управления // Экономика и управление народным хозяйством. – 2018. – № 5. – С. 29–33.

References

1. **Bogdanov S.A., Kozlov O.A., Voronov S.A.** Upravlencheskaya deyatel'nost' oficera Rosgvardii (sushchnost' i sodержanie) // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 4 (36). – S. 81–87.
2. **Vechernikova D.V.** Administrativnaya deyatel'nost' vnevedomstvennoj ohrany policii po inspektirovaniyu podrazdelenij ohrany yuridicheskikh lic s osobymi ustavnymi zadachami: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2015. – 301 s.
3. **Vorob'ev A.I.** Organizaciya i pravovye osnovy deyatel'nosti vnevedomstvennoj ohrany pri organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii po obespecheniyu ohrany imushchestva fizicheskikh lic: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Pskov, 2011. – 27 s.

-
-
4. **Garnik L. Yu.** Pravovoe regulirovanie pravoohranitel'noj funkcii Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii kak odnoj iz osnovnyh elementov sistemy deyatel'nosti sozdannogo organa ispolnitel'noj vlasti // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2021. – № 2 (54). – S. 147–150.
 5. **Garnik L. Yu.** Funkcii Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2020. – № 3 (51). – S. 111–115.
 6. **Gorin E. V.** Organizaciya deyatel'nosti vnevedomstvennoj ohrany v regione: na materialah Moskovskoj oblasti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2011. – 24 s.
 7. **Kinchus E. V.** O problemah v sfere pravovogo regulirovaniya chastnoj detektivnoj i ohrannoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Biznes v zakone. – 2088. – № 1. – S. 219–220.
 8. **Korovin Yu. N.** Teoreticheskie podhody k organizacii upravlencheskoj deyatel'nosti oficera vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v sisteme voennogo upravleniya // Ekonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom. – 2018. – № 5. – S. 29–33.
-
-

(статья сдана в редакцию 29.07.2022)

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО
ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧЧ. 3–5 СТ. 20.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

**FORMATION OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CASES OF
ADMINISTRATIVE OFFENSES PROVIDED FOR IN PART 3–5 OF
ARTICLE 20.1 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF
THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 342.951

Ю.П. ШЕВЧЕНКО,

кандидат юридических наук
(Сибирский институт бизнеса и
информационных технологий,
Россия, Омск)
chief3.56@mail.ru

YURY P. SHEVCHENKO,

Candidate of Law
(Siberian Institute of Business
and Information Technologies,
Omsk, Russia)

В.А. СКОРЕВ

(Сибирский институт бизнеса и
информационных технологий,
Россия, Омск)
v.skorev@yandex.ru

VASILY A. SKOREV

(Siberian Institute of Business
and Information Technologies,
Omsk, Russia)

Аннотация: в связи со становлением и развитием законодательства о государственном регулировании распространения информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, возникает ряд проблем в связи с применением этого законодательства при защите новых публичных пространств от воздействия неприличной информации, выражающей явное неуважение к обществу и государству, государственным символам и органам власти; распределением компетенции между государственными органами в этой сфере и взаимодействием между ними. Проведя исследование, авторы предприняли попытку определенного рода гармонизации государственной политики в области противодействия общественно вредному поведению, посягающему на общественный порядок и общественную безопасность в публичных пространствах со стороны субъектов информационной сферы, на примере специфического вида мелкого хулиганства, предусмотренного ч. 3 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В частности, предлагается наделить Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций правом возбуждения дела об административном правонарушении по указанной статье, а также применять предлагаемую нами меру обеспечения производства. Реализация таких предложений послужит цели оптимизации деятельности при выявлении признаков административных правонарушений, связанных с мелким хулиганством в информационно-коммуникационных сетях.

Ключевые слова: административная ответственность, мелкое хулиганство, компетенция, возбуждение дела, Роскомнадзор, мера обеспечения производства.

Для цитирования: Шевченко Ю.П., Скорев В.А. Формирование правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 3–5 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 31–38.

Abstract: in connection with the formation and development of legislation on state regulation of the dissemination of information in information and telecommunications networks, including the Internet, a number of problems arise in connection with the application of this legislation in protecting new public spaces from the effects of indecent information expressing obvious disrespect for society and the state, state symbols and authorities; the distribution of competence between state bodies in this area and the interaction between them. Having conducted the research, the authors attempted a certain kind of harmonization of state policy in the field of countering socially harmful behavior that encroaches on public order and public safety in public spaces by the subjects of the information sphere, using the example of a specific type of petty hooliganism provided for in Part 3 of Article 20.1 of the Code of Administrative

Offences of the Russian Federation. In particular, it is proposed to give the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications the right to initiate proceedings on an administrative offense under this article, as well as to apply the measure we propose to ensure the proceedings in such cases. The implementation of such proposals will serve the purpose of optimizing activities in identifying signs of administrative offenses related to petty hooliganism in information and communication networks.

Keywords: administrative responsibility, petty hooliganism, competence, initiation of a case, Roskomnadzor, a measure to ensure production.

For citation: Shevchenko Yu.P., Skorev V.A. Formation of law enforcement practice in cases of administrative offenses provided for in part 3–5 of article 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 31–38.

В 50-е гг. прошлого века К. Шмитт отмечает одно важное обстоятельство: благодаря понятию «суверенитета», введенного во Франции в конце XVI века Ж. Боденом, было покончено с гражданской войной, которую вели противоборствующие религиозные партии; дефиниции государственного суверенитета распространялись с невероятной скоростью, суверенное государство перевернуло пространственный порядок Средневековья, заменяет его «совершенно другим пространственным порядком» [12, с. 143–145]. Замечая, что глобализация, существенно влияя на общественно-политические и экономические процессы, трансформирует положение и значение национальных и международных институтов, важно осознать, что историческая миссия и роль государства не ослабевает и в первой четверти XXI в.

Современная эпоха интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий меняет общество и общественные отношения. В научной сфере появились и прочно заняли свое положение такие понятия, как «цифровой» или «информационный суверенитет» [1], «суверенитет в информационном пространстве», подчеркивается их неразрывная связь с государственным суверенитетом и национальной безопасностью Российской Федерации [2, с. 76–89].

В первой четверти XXI в. в России отмечается эффективное решение задач построения цифрового государства как нового этапа развития российского общества. Общеизвестно, что Россия входит в десятку стран по цифровизации публичного управления¹, аудитория госпабликов уже превышает 36 миллионов человек, с 1 декабря 2022 г. официальные страницы в соцсетях должны иметь уже все без исключения школы, поликлиники, дет-

ские сады и другие государственные учреждения². Несмотря на риски и угрозы цифровой этап в развитии государства является уже необратимым процессом, от него зависит в том числе сохранение государственного суверенитета в целом.

Верно отмечено О.А. Дизером, что на любом из этапов развития общества и государства в качестве важного условия их нормального существования выступает защита прав и свобод граждан; само по себе формирование суверенного цифрового государства, по сути, является одним из современных способов реализации прав граждан, а «успех такой деятельности возможен при формировании на официально-властном уровне консолидированного подхода» [3, с. 64]. К публичным пространствам им отнесена также информация в сети Интернет, поскольку граждане реализуют свои права, заложенные в статье 3 Конституции Российской Федерации, на всей территории Российской Федерации и публично. При этом особо принципиально отмечается, что защита прав и свобод граждан напрямую связана с охраной общественного порядка и общественной безопасности [4, с. 5–8].

Есть и иные позиции. Например, Я.Е. Верховлядов, М.В. Кукасов находят проблемами нормативного регулирования административной ответственности за «оскорбление власти» относительную недоработанность закона, дающую возможность произвольным действиям в силу неясности, что именно попадает под «оскорбление», а также возникновению «эффекта Стрейзанд» [5, с. 142–144]. В исследовании В.С. Климентьевой принципиально подчеркнут вывод, что развитие правовой культуры в киберпространстве – неизбежная необходимость, являющаяся одной из обязательных элементов гражданского общества и правового государства [7, с. 79–81]. В.В. Соловьева убеждает в том, что постоянное увеличение влияния со-

¹ Россия вошла в топ-10 стран по цифровизации госуправления. 17 ноября 2022 года / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Официальный интернет-сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/events/42223/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f

² Аудитория госпабликов в соцсетях превысила 36 млн человек 1 декабря 2022 года / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Официальный интернет-сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/42262/>

циальных сетей блогосферы на индивидуальное и коллективное сознание и поведение свидетельствуют об одном из информационных феноменов XXI века, изученном пока еще мало и в теории, и в законодательной практике [9, с. 86–89].

Сравнительно недавно, в 2015 г. Роскомнадзор в публикациях на своем официальном интернет-сайте³ отмечал, что несмотря на обнаруженные им нарушения закона о блогерах ни в одном из случаев правоохранительные органы не привлекали блогеров к ответственности, полиция не штрафует за мат в блогах, поскольку не считает Интернет общественным местом. Вместе с тем из публикации видно, что 60% занимает нецензурная брань, 24% – пропаганда наркотических средств, 6% – оскорбление чувств верующих, 5% – экстремизм и 5% – пропаганда нацистской атрибутики.

Доктрина информационной безопасности России, утвержденная Президентом Российской Федерации Указом от 05.12.2016 № 646⁴, зафиксировала наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Новый этап в развитии института ответственности за хулиганство должен был объективно наступить в связи с активной информационной индустриализацией государства, развитием цифровых и информационно-коммуникационных технологий, необходимостью эффективной защиты в новом публичном пространстве прав и свобод человека и гражданина, общества, государства, охраны общественного порядка и общественной безопасности – от новых видов «озорства», «буйства», «бесчинства», «бесстыдства» и «наглости».

18.03.2019 Федеральным законом № 28-ФЗ⁵ статья 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» была дополнена частями 3–5. Одновременно 18.03.2019 Федеральным законом № 30-ФЗ⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, инфор-

мационных технологиях и о защите информации»⁷ дополнен своеобразной инновационной статьей 15.1-1, регулирующей порядок ограничения доступа к «хулиганской» информации. Эта норма определила и варианты механизма ограничений, связанных с вредоносной информацией. При этом применение таких ограничительных мер может находиться как в связи с производством по делу об административном правонарушении, так и в дистанции от него, например, при наличии признаков состава административного правонарушения в соответствии с диспозицией части 3 ст. 20.1 КоАП РФ, но при неустановлении субъекта данного нарушения либо наличия оснований, исключающих производство по нему.

Одни исследователи стали говорить о новом виде мелкого хулиганства, иные утверждать о новом составе правонарушения, временно помещенного в ст. 20.1 КоАП РФ. Например, Н.А. Дудина, оценивая позиции, обоснованно приходит к выводу, что несмотря на то, что практика применения частей 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ только формируется, уже существует необходимость конкретизации и систематизации норм, предусматривающих данный вид ответственности [6, с. 219–221].

Для объективности выводов исследования необходимо сделать исторический экскурс. Хулиганство как самостоятельный состав правонарушения имеет уже более чем вековую правовую традицию в России, если вести отсчет с Декрета от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах»⁸, возложившего дела по борьбе с хулиганством на революционные трибуналы, а также Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁹

В дальнейшем нормы изменялись. Уже 10.07.1923 из числа преступных были исключены маловажные виды хулиганства; ВЦИК разграничил хулиганство на деликт и преступление; понятие хулиганства сужено, из него исключено произнесение грубой брани как признак хулиганства-преступления¹⁰, часть проступков «типа хулиганства и озорства» вновь переданы от судов к административным органам.

³ Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций / Официальный интернет-сайт. Пресс служба. Публикации [Электронный ресурс]. – URL: <https://rkn.gov.ru/press/publications/news30852.htm>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁵ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях о защите информации»: Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об информации, информационных технологиях о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Декрет о революционных трибуналах. 4 мая 1918 г. / Декреты Советской власти. Т. 2. Москва, 1959; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/18-05-04-2.htm>

⁹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР, 01.06.1922, № 80, ст. 153.

¹⁰ Ср. проект изменений статьи 176 в объяснительной записке к изменениям и дополнениям Уголовного кодекса РСФСР (ЕЮ 1924 г. № 35–36) и доклад комиссии на 2-й сессии – ВЦИК XI созыва. Бюллетень, стр. 434.

УК РСФСР 1926 г.¹¹ начиная с 17.08.1940¹² определил публичность как обязательный признак хулиганства, и оно отнесено к преступлениям против порядка управления (ст. 174). 10.05.1935¹³ выделены специальные признаки хулиганства: «если означенные действия заключались в буйстве или бесчинстве или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1966 «Об усилении ответственности за хулиганство»¹⁴ хулиганство определено как «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу», Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.¹⁵ отнес хулиганство к 10 главе «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и порядка управления». Указ Президиума ВС СССР от 26.07.1966¹⁶ ввел в законодательство понятие мелкого хулиганства. КоАП РСФСР, утвержденный ВС РСФСР 20.06.1984, воспроизвел состав мелкого хулиганства практически без изменений (ст. 158). Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001, вобрав правовые традиции прошлого, определил действующую юридическую формулировку понятия хулиганство.

В целом, развитие института юридической ответственности за хулиганские действия опиралось на соответствующие этапы развития общества, включающие урбанизацию и индустриализацию страны (20-е, 40-е, 60-е и 80-е годы XX в.), когда наблюдался рост городского населения и городских агломераций, происходило развитие новых общественных пространств и территорий, промыш-

ленности, технологий, транспорта, изменялась культура и коммуникации. В настоящее время происходит естественное продолжение борьбы с различными проявлениями хулиганства, связанное с появлением новых публичных и общественных пространств, необходимостью защиты в нем прав и свобод граждан, общественного порядка, национальных интересов и безопасности государства. Включение в ст. 20.1 КоАП РФ частей 3–5 в их совокупности являлось необходимым, объективным и своевременным процессом.

Поскольку дела, предусмотренные ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, вошли в практику судов общей юрисдикции достаточно недавно, практика применения нового вида мелкого хулиганства действительно находится в стадии формирования.

Насколько часто судами Российской Федерации рассматриваются дела о мелком хулиганстве, можно определить, опираясь на судебную статистику, представленную следующей таблицей (без разделения на части ст. 20.1. КоАП РФ (см. таблицу 1. Количество дел о мелком хулиганстве, рассмотренных судами общей юрисдикции¹⁷)).

Таким образом, в последние 5 лет наметилась тенденция, при которой удельный вес рассмотренных судами дел о мелком хулиганстве среди прочих административных правонарушений не превышает 3,5% и ежегодно снижается; введение в ст. 20.1 КоАП РФ дополнительных составов, предусмотренных частями 3, 4 и 5 ст. 20.1, не повлияли существенным образом на статистические данные и правоприменительную практику не активизировали.

Для целей исследования с помощью запросов в системе ГАС «Правосудие» были проанализированы решения судов кассационной инстанции различных регионов Российской Федерации. По состоянию на декабрь 2022 г. первый кассационный суд общей юрисдикции (далее – КСОЮ) рассмотрел 3 жалобы лиц, привлеченных по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, второй КСОЮ – две жалобы, четвертый КСОЮ – четыре, а восьмой КСОЮ – шесть дел. В практике работы третьего, пятого, шестого, седьмого и девятого КСОЮ такие дела не рассматривались, что подтверждает гипотезу о неравномерном географически и сравнительно нераспространенном выявлении подобных административных правонарушений и предании виновных суду. Таким образом, количество дошедших до кассационных инстанций дел категории ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ сравнительно невелико.

¹¹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 августа 1940 года («Известия Советов депутатов трудящихся СССР» № 190 от 17 августа 1940 года).

¹³ 10 мая 1935 года (СУ, № 14, ст. 146).

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1966 № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI Об усилении ответственности за хулиганство (в ред. Указа Президиума ВС СССР от 05.06.1981, утв. Законом СССР от 24.06.1981 – Ведомости ВС СССР, 1981, № 23, ст. 782; № 26, ст. 840; с изм. и доп., внесенными Указами Президиума ВС СССР от 15.10.1982 – Ведомости ВС СССР, 1982, № 42, ст. 793; от 21.01.1985 – Ведомости ВС СССР, 1985, № 4, ст. 56; от 16.05.1985 – Ведомости ВС СССР, 1985, № 21, ст. 369).

¹⁷ Анализ проведен на основании сводных статистических сведений по форме № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за периоды 2018 – первое полугодие 2022 г. / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Официальный интернет-сайт. Раздел Судебная статистика [Электронный ресурс] – URL: <https://www.cdep.ru>

Таблица 1. Количество дел о мелком хулиганстве, рассмотренных судами общей юрисдикции

период	всего	по ст. 20.1 КоАП РФ (% от общего количества)	из них предупреждение	штраф	административный арест	прекращено
2018	5 943 047	202 438 (3,4%)	51	90 412	111 975	2181
2019	5 911 019	193 449 (3,3%)	13	87 350	106 086	1 575
2020	6 226 721	142 663 (2,3%)	65	66 564	76 034	1 114
2021	7 364 404	149 658 (2%)	112	70 815	78 731	1 021
6 мес. 2022	3 290 636	81 092 (2,5%)	62	37 432	43 598	568

По проанализированным решениям очевидно, что практика их применения в различных регионах складывается в целом единообразно, определенные обстоятельства, подлежащих доказыванию, и объектов посягательств в целом идентичны.

Например, решением Шарьинского районного суда Костромской области от 13.08.2019 г. по делу № 12-133/19 было оставлено без изменений определение участкового уполномоченного полиции МО МВД России «Шарьинский» К.Г.Г., вынесенное по заявлению гражданина об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении за отсутствием состава правонарушения. По делу установлено, что Кузнецов А.В. обратился с жалобой в МО МВД России «Шарьинский» о привлечении к административной ответственности по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ лица, которое в «ВКонтакте» опубликовало запись оскорбительного содержания в адрес автора поста. Участковый уполномоченный определением отказал в возбуждении административного дела за отсутствием состава правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ)¹⁸, поскольку в объективную сторону данного состава не входит оскорбление гражданина. Вышестоящие судебные инстанции с решением согласились¹⁹.

Все иные дошедшие до кассационных судов общей юрисдикции анализируемые дела были связаны с оскорблением институтов и символов федеральной государственной власти, а не в целом общества или отдельных граждан (групп граждан).

Изученные дела показали, что суды общей юрисдикции признавали в качестве относимых, допустимых и в своей совокупности достаточных

следующие виды доказательств: протокол по делу об административном правонарушении; рапорта сотрудников полиции об обнаружении признаков состава административного правонарушения; протоколы осмотра страниц в сети Интернет и «публичков», фотоматериалы к протоколам осмотров; письма руководителей органов внутренних дел прокурорам по фактам выявления административных правонарушений; объяснения граждан, привлекаемых к административной ответственности; показания свидетелей, в том числе сотрудников отделений исполнения административного законодательства органов внутренних дел; результаты мониторинга информационно-телекоммуникационной сети Интернет, полученные специализированными подразделениями органов внутренних дел; лингвистические исследования в виде заключений специалистов, содержащие выводы о наличии признаков публичности распространенного материала, его направленности широкому кругу пользователей сети, а также об использовании ненормативной лексики.

Проанализированные материалы дел не позволили сделать вывод о том, что органы прокуратуры принимали активное участие в рассмотрении дел данной категории. В решениях не имелось сведений, что при проведении производства по делам об административных правонарушениях были использованы механизмы по ограничению распространения негативной и общественно вредной информации.

Анализ исследованных дел не дал в настоящий период практики применения ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ в связи с обнаружением информации, являющейся оскорбительной для российского общества, многонационального народа России или государства в целом. Все завершенные дела связаны с посягательствами на символы и органы государственной власти Российской Федерации. Возможно, направлению практики в такое русло способствовали Методические указания МВД России от 18.07.2019 № 187615, предлагавшие использовать в работе алгоритм действий сотрудников полиции при получении информации, содержащей при-

¹⁸ Шарьинский районный суд Костромской области / Официальный интернет-сайт [Электронный ресурс] – URL: // https://sharinsky--kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=47419823&delo_id=1502001&new=&text_number=1

¹⁹ Костромской областной суд / Официальный Интернет-сайт [Электронный ресурс]. – URL: // https://oblsud--kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3201897&delo_id=1513001&new=&text_number=1

знаки административного правонарушения, предусмотренного частями 3–5 статьи 20.1 КоАП РФ²⁰. Так, в частности, алгоритм предлагал выявлять информацию, в первую очередь, содержащую оскорбления в адрес Конституции Российской Федерации; официальных государственных символов и органов, осуществляющих государственную власть в Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 11 Конституции Российской Федерации. А вот в случае отсутствия таковых условий предлагалось выносить определения об отказе в возбуждении дела. Конечно, данные рекомендации не носят обязательного характера, тем не менее, они задавали вектор формирования правоприменительной практики.

Механизм существующего взаимодействия в области выявления и предания суду подобных административных правонарушений в целом выглядит логично.

Согласно статье 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частями 3–5 статьи 20.1 КоАП РФ, составляют должностные лица органов внутренних дел (полиции). Рассмотрение дел данной категории подсудно судьям районных судов. Должностные лица Роскомнадзора не наделены полномочиями по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях, предусмотренных частями 3–5 статьи 20.1.

Здесь особо следует обратить внимание на примечания к статье 20.1 КоАП РФ, согласно которым обо всех (без каких-либо исключений) случаях возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных частями 3–5 статьи, в течение двадцати четырех часов уведомляются органы прокуратуры Российской Федерации. Представляется, что единственная реальная цель данного примечания к ст. 20.1 КоАП РФ – это проверка и инициация прокурором установленного ст. 15.1-1 Федерального Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» внесудебного порядка ограничения доступа к общественно вредной информации.

Взаимодействие Роскомнадзора и МВД России регулируется заключенным 23.08.2017 между данными федеральными органами исполнительной власти Соглашением²¹. Указанным Соглашением

определены семь основных направлений взаимодействия. Но несмотря на введение в 2019 г. новых видов административной ответственности и совершенствование внесудебного ограничения доступа к информации, содержащей признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, такое направление взаимодействия, как пресечение распространения «хулиганской» информации в сети Интернет, в числе приоритетных не определено, в действующее Соглашение изменений не вносилось.

Следует отметить, что в рамках данного Соглашения Роскомнадзор наделен правом направлять в МВД России материалы для решения вопроса о возбуждении дел. Также Роскомнадзор должен оперативно информировать МВД России о выявленных в ходе осуществления функций по контролю и надзору в рамках установленной компетенции фактах нарушений законодательства Российской Федерации, в том числе в сети Интернет, относящихся к компетенции МВД России, в целях дальнейшего принятия мер по пресечению выявленных нарушений.

Необходимо учесть, что нормативно-правовая составляющая деятельности Роскомнадзора в данной сфере постоянно совершенствуется. Так, в течение 2021 г. в Положение об этой службе²² веден ряд значительных полномочий по контролю и мониторингу функционирования информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В настоящее время, получив от граждан, организаций, органов публичной власти сведения о распространяемой в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, «хулиганской» информации или получив такую информацию в результате самостоятельного мониторинга, Роскомнадзор направляет информацию в орган внутренних дел. Должностные лица органов внутренних дел, получив такую информацию от Роскомнадзора (иных источников), в том числе при осуществлении обязанности выявлять административные правонарушения, согласно п. 11 ст. 12 ФЗ «О полиции» вправе составить протокол по ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ, проинформировав об этом органы прокуратуры и направив материалы дела об административном правонарушении в суд для рассмотрения по существу. Органы прокуратуры, в свою очередь, в лице Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителей,

²⁰ Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/ec3/Methodichka_MVD_o_neuvazhenii_po_KOAP.pdf

²¹ Соглашение о взаимодействии Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (утв. МВД России, Роскомнадзором 23.08.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций») [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

при наличии оснований, после проведения собственной проверки поступивших материалов действуют механизм ст. 15.1-1 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ, вновь обращаясь с требованием в Роскомнадзор. Круг замкнулся. По нашему мнению, в подобной ситуации наблюдается избыточное администрирование. Следует отметить, что прокуроры полномочие, предоставленное законом, используют активно. Например, А. Паламарчуком данное направление работы названо приоритетным [8, с. 3–9].

Таким образом, из процедуры привлечения к административной ответственности по ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ выпали меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, которые бы могли применить самостоятельно должностные лица, ведущие производство, в том числе административное расследование по делу в случаях, указанных в ст. 27.1 КоАП РФ.

Обобщая изложенное, на наш взгляд, имеет право существовать такая мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как временное ограничение доступа к интернет-ресурсам, содержащим информацию, содержащую признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ, до рассмотрения по существу такого дела и вступления в законную силу судебного постановления. Уполномоченное должностное лицо, в производстве которого находится данное дело об административном правонарушении, способно по своей инициативе и в пределах своих полномочий такие меры применить, исходя их обстоятельств дела и характера распространяемой информации.

Предложенная нами мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении во многом созвучна уже существующей мере, такой как временный запрет деятельности (п. 10 ч. 1 ст. 27.7 КоАП РФ) и должна быть связана с ограничительным административным воздействием, направленным на временное пресечение (приостановление, блокировку и т.п.) контента, а в дальнейшем, при определенных обстоятельствах, и удаление вредоносной информации, ограничение доступа к подобным информационным ресурсам. Данная мера окажет обеспечительное воздействие и на составы правонарушений, указанных в пп. 58 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

Согласно пп. 58 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица Роскомнадзора наделены полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях по 48 составам административных правонарушений, в числе которых административные правонарушения, посягающие на права граждан; посягающие

на здоровье и общественную нравственность; посягающие на установленный порядок управления. Кроме того, в соответствии со ст. 23.44 КоАП РФ Роскомнадзор рассматривает дела и составляет протоколы еще по более чем 30 статьям КоАП РФ.

Таким образом, результаты исследования убедили нас в возможности и необходимости наделяния должностных лиц органов Роскомнадзора, наряду с должностными лицами органов внутренних дел, правом составления протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ, и применения мер обеспечения производства по делам подобной категории, что повлечет не только здоровую конкуренцию в сфере борьбы с данными нарушениями, но и мобильное, слаженное и оперативное реагирование на подобные нарушения, консолидацию усилий в борьбе за права и свободы граждан и суверенитет государства от угроз, поступающих в информационное пространство и исходящих оттуда.

Есть и более решительная позиция. Например, представитель прокуратуры И.В. Христинич предлагает вообще изменить процедуру рассмотрения этой категории дел, наделив полномочиями по ограничению доступа к вредоносным сайтам органы исполнительной власти [11]. В этой связи Н.В. Тиунова (Ландерсон) ранее также рассматривала возможность Роскомнадзора осуществлять блокировку интернет-страниц в качестве вопроса, находящегося на стыке взаимодействия органов государственной власти между собой [10, с. 152–162].

Необходимо отметить, что административно-правовое регулирование деятельности уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия административным правонарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность в цифровой среде, находится в стадии становления, а правоприменительная практика – в стадии формирования. Целью настоящей статьи не являлся анализ всех проблем, возникающих в процессе наработки правоприменительной практики, а рассмотрены точечные вопросы, обуславливающие, на наш взгляд, снижение оперативности реагирования на подобные нарушения в случае их обнаружения. Отдельные изменения в действующее административное законодательство, предложенные в рамках статьи, как представляется, имеют право на существование и способны повысить качество административной деятельности уполномоченных органов государственной власти при выявлении признаков таких административных правонарушений.

Литература

1. **Ашманов И.** Информационный суверенитет - новая реальность // Ашманов и партнеры [Электронный ресурс]. – URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf?ysclid=lc3nut9jzv240328799> (дата обращения: 25.12.2022).
2. **Бухарин В.В.** Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО. – 2016. – № 6 (51). С. 76–91.
3. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). С. 63–70.
4. **Дизер О.А.** Ответственность за мелкое хулиганство: современное состояние и перспективы развития / О.А. Дизер, И.В. Сидорова, О. Ю. Филиппов // Законодательство и практика. – 2020. – № 2 (45). – С. 5–8. – EDN TIHZKY.
5. **Верхогляд Я.Е., Кукасов М.В.** Административная ответственность за «оскорбление власти» в сети Интернет / Проблемы совершенствования российского законодательства: электронный сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. С. 142–144.
6. **Дудина Н.А.** Мелкое хулиганство или оскорбление в сети Интернет? // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 219–221.
7. **Клементьева В.С.** К вопросу об ответственности за размещение «Фейковых новостей» и оскорбление государственных органов в киберпространстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 78–81.
8. **Паламарчук А.** Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия правонарушениям в сети Интернет // Законность. – 2016. – № 12. – С. 3–9.
9. **Соловьева В.В.** Новеллы информационного законодательства в контексте развития гражданского общества и инструментов демократии в современной России // Вестник экспертного совета. – 2019. – № 1 (16). – С. 86–91.
10. **Тунова Н.В.** Некоторые проблемные аспекты осуществления государственного контроля и привлечения к административной ответственности за нарушения прав покупателей не санкционированными и обезличенными интернет-магазинами в России // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 152–162.
11. **Христинич И.В.** Информационная безопасность в сети Интернет // Законность. – 2022. – № 4. – С. 20–23.
12. **Шмитт К.** Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum / под ред. Д. Кузницына; пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. – 669 с.

References

1. **Ashmanov I.** Informacionnyj suverenitet - novaya real'nost' // Ashmanov i partnery [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf?ysclid=lc3nut9jzv240328799> (data obrashcheniya: 25.12.2022).
2. **Buharin V.V.** Komponenty cifrovogo suvereniteta Rossijskoj Federacii kak tekhnicheskaya osnova informacionnoj bezopasnosti // Vestnik MGIMO. – 2016. – № 6 (51). S. 76–91.
3. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya ohrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti v usloviyah formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). S. 63–70.
4. **Dizer O.A.** Otvetstvennost' za melkoe huliganstvo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya / O.A. Dizer, I. V. Sidorova, O.Yu. Filippov // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2020. – № 2 (45). – S. 5–8. – EDN TIHZKY.
5. **Verhoglyadov Ya.E., Kukasov M.V.** Administrativnaya otvetstvennost' za «oskorblenie vlasti» v seti Internet / Problemy sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva: elektronnyj sbornik tezisov Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii kursantov, slushatelej i studentov / pod red. Yu.V. Anohina. – Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2021. S. 142–144.
6. **Dudina N.A.** Melkoe huliganstvo ili oskorblenie v seti Internet? // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2019. – № 4. – S. 219–221.
7. **Klement'eva V.S.** K voprosu ob otvetstvennosti za razmeshchenie «Fejkovyh novostej» i oskorblenie gosudarstvennyh organov v kiberprostranstve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 5. – S. 78–81.
8. **Palamarchuk A.** Prokurorskiy nadzor za ispolnieniem zakonodatel'stva v sfere protivodejstviya pravonarusheniyam v seti Internet // Zakonnost'. – 2016. – № 12. – S. 3–9.
9. **Solov'eva V.V.** Novelly informacionnogo zakonodatel'stva v kontekste razvitiya grazhdanskogo obshchestva i instrumentov demokratii v sovremennoj Rossii // Vestnik ekspertnogo soveta. – 2019. – № 1 (16). – S. 86–91.
10. **Tunova N.V.** Nekotorye problemnye aspekty osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya i privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya prav pokupatelej ne sankcionirovannymi i obezlichennymi internet-magazinami v Rossii // Permskij yuridicheskij al'manah. – 2019. – № 2. – S. 152–162.
11. **Hristinich I.V.** Informacionnaya bezopasnost' v seti Internet // Zakonnost'. – 2022. – № 4. – S. 20–23.
12. **Shmitt K.** Nomos Zemli v prave narodov Jus publicum Europaeum / pod red. D. Kuznitsyna; per. s nem. K. Loshchevskogo i Yu. Korinca. – Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2008. – 669 s.

(статья сдана в редакцию 26.01.2023)

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ
ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF ABUSE OF OFFICE

УДК 343.9

А.С. ЛИМАРЬ,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ani.limar@yandex.ru

ANNA S. LIMAR',

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.А. МИХАЙЛОВА,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Mihailova140361@yandex.ru

IRINA A. MIKHAILOVA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены различные точки зрения по поводу характеристики некоторых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, а также особенности квалификации превышения должных полномочий с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 14.07.2022 № 307 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Авторами обращено внимание на существование в литературе и в правоприменительной практике неоднозначного подхода к определению формы деяния, образующего объективную сторону превышения должностных полномочий. В статье подвергнуто анализу содержание одной из форм превышения должностных полномочий, указанных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Авторами обосновывается мнение о том, что та или иная дефиниция в законе, в том числе и уголовном, должна иметь единообразное содержание, а не различное для определенной группы норм или для одной отдельно взятой. В частности, это касается понятия «должностное лицо», данного законодателем в примечании к ст. 274² УК РФ. Отмечены проблемные вопросы, требующие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: должностное лицо, превышение должностных полномочий, формы превышения должностных полномочий, квалификация.

Для цитирования: Лимарь А.С., Михайлова И.А. Особенности квалификации превышения должностных полномочий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 39–44.

Abstract: this article discusses various points of view regarding the characteristics of some of the signs of the crime under Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the features of qualification of exceeding due powers, taking into account the changes introduced by the Federal Law of 14.07. 2022 № 307 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation». The authors draw attention to the existence in the literature and in law enforcement practice of an ambiguous approach to determining the form of an act that forms the objective side of abuse of power. The article analyzes the content of one of the forms of abuse of power specified by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the Decree of 16.10.2009 № 19 «On judicial practice in cases of abuse of power and abuse of power». The authors substantiate the opinion that one or another definition in the law, including the criminal one, should have a uniform content, and not different for a certain group of norms or for one taken separately. In particular, this applies to the concept of «official», given by the legislator in the note to Art. 274² of the Criminal Code of the Russian Federation. Problematic issues that require clarification by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are noted.

Keywords: official, abuse of official authority, forms of abuse of official authority, qualification.

For citation: Limar' A.S., Mikhailova I.A. Features of the qualification of abuse of office // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 39–44.

Экономическое развитие государства, права и свободы членов общества способны обеспечить только нормально функционирующие органы государственной власти и органы местного самоуправления. Правильная работа государственного аппарата предполагает, чтобы каждое должностное лицо действовало в строгом соответствии с теми правами, которыми оно наделено законом для выполнения своих служебных обязанностей. Нарушение этого требования при наличии определенных условий образует должностное преступление – превышение должностных полномочий. Решая вопрос о виновности лица в превышении должностных полномочий, исключительно важно установить его компетенцию – круг прав и обязанностей, установленных законом, соответствующими подзаконными актами, инструкциями, уставами, должностными регламентами и т.д.

Согласно законодательному определению, объективная сторона превышения должностных полномочий заключается в «совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»¹.

В широком смысле действием является любое мотивированное поведение (как действие, так и бездействие). Однако систематическое толкование норм уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что «действие» в диспозиции ч.1 ст. 286 УК РФ предполагает совершение должностным лицом активных действий. Данное обстоятельство находит подтверждение в материалах следственно-судебной практики и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «В отличие от предусмотренной статьей 285 УК РФ ответственности за совершение действий (бездействия) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы ответственность за превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ) наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное

лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий»².

Однако в литературе имеются и иные точки зрения. В.Н. Шиханов считает, что превышение должностных полномочий может быть совершено как путем действия, так и «бездействия, которое внешне выглядит как действие и состоит в уклонении от выполнения действия» [1, с. 82]. П.С. Яни предлагает укрытие преступлений от учета, т.е. бездействие, квалифицировать как превышение должностных полномочий в отсутствие мотива корыстной или иной личной заинтересованности, а при установлении этого мотива – как злоупотребление должностными полномочиями [2, с. 12]. Подобный подход, как отмечает С.В. Смелова, имеет место и в правоприменении, когда в силу недоказанности корыстной или иной личной заинтересованности как обязательной составляющей злоупотребления полномочиями лицо привлекается к ответственности по ст. 286 УК РФ [3, с. 129].

Позволим не согласиться с указанными мнениями по следующим основаниям. Квалификация содеянного должностным лицом зависит, в первую очередь, от содержания объективной стороны. При превышении должностных полномочий – это действие, явно выходящее за пределы должностных полномочий, при злоупотреблении – использование (как действие, так и бездействие) должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы. В судебной практике должностное укрывательство преступлений сотрудниками органов внутренних дел квалифицируется по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление служебными полномочиями» [4, с. 22].

Что же касается установления обязательного мотива, то представляется справедливым мнение П.Ю. Иванова: «Несмотря на отсутствие регламентации мотива совершения преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, нельзя говорить о его неприменении на практике. В большинстве случаев именно низменные побуждения и цели являются катализатором превышения должностных полномочий» [5]. К тому же, Федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч.3 ст. 286 УК РФ дополнена п. «е» - «из корыстной

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

или иной личной заинтересованности»³ в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁴ разъясняет, что превышение должностных полномочий может выражаться в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые: относятся к полномочиям другого должностного лица; могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом.

С.В. Смелова отмечает, что трактовка последней из названных форм противоречит внутреннему содержанию ст. 286 УК РФ, т.к. подобные действия не могут составлять компетенцию ни одного должностного лица. Указанная характеристика применима к любым преступлениям, субъект которых незаконно использует предоставленные ему должностные полномочия [3, с. 128].

Представляется справедливым мнение С.В. Ермакова о том, что выделение рассматриваемого вида действий вполне оправданно, «поскольку действия, которые никто не вправе совершать, выходят за пределы полномочий, совершаются специальным субъектом, посягают на нормальное осуществление власти, таким образом, они должны квалифицироваться по ст. 286 УК РФ» [6, с. 135].

Превышение должностным лицом пределов предоставленных ему по закону прав и полномочий должно быть явным, т.е. бесспорным, очевидным. Также важно учесть, что как превышение должностных полномочий могут рассматриваться лишь такие действия должностного лица, совершение которых было связано с выполнением им своих служебных обязанностей.

По своей конструкции данный состав материальный, преступление окончено с момента наступления последствий – существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства. Оценочный характер этого признака вызы-

вает определенные трудности у правоприменителя при квалификации превышения должностных полномочий несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда, согласно которым под существенным нарушением прав граждан и организаций следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. В связи с этим В.Л. Андреев и Ю.А. Дронова предлагают заменить термин «существенное нарушение» на «нарушение прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации» [7, с.11] и, кроме того, определить минимальный размер материального ущерба, причиненного превышением должностных полномочий [7, с.13]. Однако следует согласиться с Л.М. Угольниковым о том, что «Верховный Суд Российской Федерации излишне конкретизировал примеры прав, которые являются существенными. По логике Суда абсолютно все нарушения прав – существенные, поскольку все существующие права так или иначе закреплены в основном законе или в международных актах» [8, с. 11].

Субъективная сторона выражается в умышленной форме вины. Явность «выхода совершаемых лицом действий должна быть очевидна и для него, и для окружающих, ставших очевидцами или потерпевшими от преступления» [9, с. 91]. Виновный сознает, что явно выходит за пределы предоставленных ему по службе прав и полномочий, и имеет прямое намерение причинить своими действиями определенные вредные последствия, либо, умышленно превышая свои полномочия, допускает наступление каких-либо вредных последствия или безразлично к этому относится. Таким образом, данное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Однако К.В. Федосеев и П.А. Попов считают это утверждение противоречащим законодательной конструкции состава превышения должностных полномочий, а равно не соответствующим явному, очевидному криминальному характеру этого деяния [9, с. 91].

Субъект преступления – должностное лицо, понятие которого указано в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. При этом в примечании указано, что данное определение распространяется только на нормы главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Представляется, что та или иная дефиниция в законе, в том числе уголовном, должна иметь единообразное содержание, а не различное для определенной группы норм или для одной отдельно взятой. В связи с этим вызывает определенные вопросы содержание примечания к ст. 274² УК РФ «Нарушение правил централизованного

³ Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5274.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования», введенной Федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁵. Согласно этому примечанию «под должностным лицом в настоящей статье понимается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации»⁶. Что же имел в виду законодатель, если, согласно примечанию к ст. 201 УК РФ, управленческие функции включают в себя, в том числе, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции?

К сожалению, эти вопросы не нашли отражения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»⁷.

Часть 2 ст. 286 УК предусматривает совершение того же деяния лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, или главой органа местного самоуправления. Превышение этими лицами имеющихся полномочий делает преступление более тяжким, может причинить самый серьезный вред личности, государственным или общественным интересам.

Федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁸ в ст. 286 УК РФ внесены измене-

⁵ Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5274.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 3.

⁸ Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»

ния, в связи с чем представляется важным остановиться на некоторых вопросах квалификации.

В п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ предусмотрена ответственность за превышение должностных полномочий, совершенных с применением насилия или угрозой его применения. Насилие при превышении должностных полномочий может быть физическим (удары, побои, причинение вреда здоровью, незаконное лишение свободы и другие насильственные действия) или психическим, выражающимся в угрозе применения физического насилия (угроза убийством, причинением вреда здоровью и т.п.). Если насилие выражается в действиях, которые сами по себе образуют более опасное преступление, чем превышение должностных полномочий, содеянное квалифицируется по совокупности. Максимальный срок наказания, предусмотренный в санкции ч. 3 ст. 286 УК, – до десяти лет лишения свободы, является более строгим, чем в ч. 1 и ч. 2 ст. 111 УК РФ, следовательно квалификация по совокупности требуется в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью при наличии особо квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 111 УК РФ или смерти (ст. 105 УК РФ).

Применение оружия или специальных средств (п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ) является по существу одной из форм насилия и включает его фактическое использование для физического воздействия на потерпевшего путем причинения вреда его здоровью, а также для психического воздействия путем угрозы применения такого насилия.

Применение специальных средств при отсутствии законных оснований существенно повышает опасность превышения служебных полномочий.

Приговором Центрального районного суда города Симферополя от 24.09.2019 Шведов В.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Шведов В.В., являясь должностным лицом органа внутренних дел, совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства, с применением насилия и с применением специальных средств⁹.

Тяжкие последствия в составе данного преступления (п. «в» ч. 3) – категория оценочная. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномо-

// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5274.

⁹ Приговор по п. «а,б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий) / Дело № 1-278 / 2019 // pravoiievo.ru

чий»¹⁰ разъяснил, что «под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком данного преступления следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.». Однако следует иметь в виду, что к тяжким последствиям, охватываемым п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, не относятся причинение смерти по неосторожности или тяжкого вреда здоровью, явившиеся последствием применения пытки (ч. 5 ст. 286 УК РФ).

Совершение данного преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ) означает выполнение объективной стороны превышения должностных полномочий двумя или более должностными лицами. Если же в совершении этого преступления участвовало лицо, не являющееся должностным, оно несет ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя или пособника (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Исключение составляет квалификация превышения должностных полномочий, совершенного организованной группой, членами которой могут быть не только должностные лица, но и субъекты, не обладающие специальными признаками должностного лица. Действия всех членов организованной группы следует квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

В п. «д» ч. 3 ст. 286 УК РФ предусмотрена ответственность за превышение должностных полномочий, совершенных в отношении несовершеннолетнего. Несмотря на отсутствие указания на необходимость достоверного знания виновным несовершеннолетнего возраста потерпевшего Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹¹ разъяснил, что квалификация преступлений по соответствующему признаку возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет.

Превышение должностных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтере-

сованности (п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Корыстный мотив предполагает стремление виновного получить материальную выгоду, деньги, материальные ценности либо желание освободиться от исполнения материальных обязанностей. Иная заинтересованность может выражаться в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера, вызываемом такими побуждениями, как карьеризм, желание приукрасить действительное положение вещей, скрыть свою неосведомленность¹².

Особо квалифицирующий признак превышения должностных полномочий (ч. 4) устанавливает уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей ст. 286 УК РФ, совершенные с применением пытки. Ранее понятие пытки было дано в примечании к ст. 117 УК РФ: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических и нравственных страданий в целях принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Тем самым Россия высказалась за отражение в национальном законодательстве положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая была ратифицирована в 1987 г. [10, с. 277].

В действующем законодательстве определение пытки, данное в примечании к ст. 286 УК РФ, имеет несколько иное содержание: «Под пыткой понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера»¹³.

Физические и нравственные страдания потерпевшего могут заключаться в нанесении телесных повреждений, в побоях, истязаниях, издевательствах, действиях, которые унижают честь и достоинство человека, целью которых, в частности, является подавление воли потерпевшего, вынужденного выполнить требования должностного лица.

В соответствии с ч. 3 ст. 5 Федерального закона Российской Федерации № 3-ФЗ «О полиции»

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание. Применение сотрудником полиции мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом¹⁴.

В то же время законодатель обращает внимание, что «не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неиз-

бежно сопряжены с такими действиями»¹⁵. Очевидно, что требуются разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу, потому как трудно себе представить пытки как правомерные действия должностного лица.

Ч. 5 содержит квалифицирующий признак деяния, предусмотренного частью четвертой ст. 286 УК РФ, т.е. за превышение должностных полномочий, совершенных с применением пытки, если это повлекло по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью. Санкция за совершение преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 286 УК РФ, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Таким образом, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в том числе и при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 111 – ч. 4 ст. 111 УК РФ), полностью охватывается ч. 5 ст. 286 УК РФ.

¹⁴ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

¹⁵ Там же.

Литература

1. **Шиханов В.Н.** Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. – Москва: Волтерс Клувер, 2011. – 176 с.
2. **Яни П.** Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. – 2008. – № 2. – С. 10–12.
3. **Смелова С.В.** Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий: проблемы правоприменения / Человек, общество и культура в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород, 2017. – С. 128–131.
4. **Макаров С.** Должностное укрывательство преступлений // Законность. – 2007. – № 4. – С. 22–25.
5. **Иванов П.Ю.** Проблемы при квалификации превышения должностных полномочий // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2019. – № 5.
6. **Ермаков С.В.** Сложности толкования преступного деяния в составе превышения должностных полномочий // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (40). – С. 135–136.
7. **Андреев В.Л., Дронова Ю.А.** О проблемных вопросах квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2016. – № 1. – С. 9–17.
8. **Угольников Л.М.** Уголовно-правовая характеристика состава злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Юридический факт. – 2022. – № 172. – С. 10–15.
9. **Федосеев К.В., Попов П.А.** Субъективные признаки превышения должностных полномочий // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2022. – № 2 (45). – С. 89–96. DOI: 10.34988/2226-2326.2022.45.2.013.
10. **Журтов А.Б.** Применение пытки при истязании: некоторые проблемы квалификации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 4. – С. 118–120.

References

1. **Shihanov V.N.** Ugolovno-pravovaya harakteristika prestuplenij protiv gosudarstvennoj vlasti, interesov gosudarstvennoj sluzhby i sluzhby v organah mestnogo samoupravleniya. – Moskva: Volters Kluver, 2011. – 176 s.
2. **Yani P.** Uкрытие prestuplenij ot ucheta: dejstvie ili bezdejstvie? // Zakonnost'. – 2008. – № 2. – S. 10–12.
3. **Smelova S.V.** Razgranichenie zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami i prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij: problemy pravoprimeniya / Chelovek, obshchestvo i kul'tura v XXI veke: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshch. red. E.P. Tkachevoj. – Belgorod, 2017. – S. 128–131.
4. **Makarov S.** Dolzhnostnoe ukryvatel'stvo prestuplenij // Zakonnost'. – 2007. – № 4. – S. 22–25.
5. **Ivanov P.Yu.** Problemy pri kvalifikacii prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Dnevnik nauki». – 2019. – № 5.
6. **Ermakov S.V.** Slozhnosti tolkovaniya prestupnogo deyaniya v sostave prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (40). – S. 135–136.
7. **Andreev V.L., Dronova Yu.A.** O problemnyh voprosah kvalifikacii zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami i prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». – 2016. – № 1. – S. 9–17.
8. **Ugol'nikova L.M.** Ugolovno-pravovaya harakteristika sostava zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami i prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij // Yuridicheskij fakt. – 2022. – № 172. – S. 10–15.
9. **Fedoseev K.V., Popov P.A.** Sub'ektivnye priznaki prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij // Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. – 2022. – № 2 (45). – S. 89–96. DOI: 10.34988/2226-2326.2022.45.2.013.
10. **Zhurtov A.B.** Primenenie pytki pri istyazanii: nekotorye problemy kvalifikacii // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2017. – № 4. – S. 118–120.

(статья сдана в редакцию 28.09.2022)

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЮ ДОПИНГА В СПОРТЕ

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO THE USE OF DOPING IN SPORTS

УДК 343.575.2

А.А. ГРЕБЕНЬКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
grebenkov@gmail.com

ALEKSANDR A. GREBENKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Southwest State University,
Russia, Kursk)

Р.С. СЕРЕНКО

(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
romanserenko@bk.ru

ROMAN S. SERENKO,

(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: спортсмены многих стран ощутили на себе повышенное внимание к вопросу применения допинга со стороны Всемирного антидопингового агентства, следствием которого стали достаточно негативные последствия, отразившиеся как на самих спортсменах, так и на представляемых ими странах. Не является исключением и Российская Федерация, оказавшаяся в гуще событий допингового скандала, разгоревшегося в 2016 году из-за обнаружения факта применения допинга многими спортсменами, в том числе и российскими. Целью работы является разрешение вопросов, возникающих в сфере международно-правового и внутригосударственного противодействия допингу в спорте, а также выявление и раскрытие основных проблем, связанных с разработкой и применением на практике антидопингового законодательства Российской Федерации. Авторы предлагают пути разрешения проблем, связанных с применением норм уголовного законодательства, направленных на противодействие допингу. Для исследования нормативных и иных источников использованы общенаучные и специально-юридические методы, в том числе документальный, для исследования опубликованных для всеобщего доступа материалов, описывающих факты совершения общественно опасных деяний, связанных с применением допинга в спорте; формально-юридический метод, позволяющий осуществить толкование нормативных актов. В результате проведенного исследования выявлено, что установление уголовной ответственности за деяния, связанные с применением допинга, является социально обусловленным и необходимым для сохранения возможности участия российских спортсменов в международных соревнованиях. В то же время закрепление данных норм в УК РФ имеет определенные недостатки. Авторы предлагают пути их преодоления в форме законодательных поправок, которые могут быть реализованы субъектами законодательной инициативы. Предлагается рассмотреть возможность выделения в УК РФ отдельного раздела о преступлениях в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: допинг, антидопинговое законодательство, уголовная ответственность, административная ответственность, противодействие допингу, криминализация, презумпция вины.

Для цитирования: Гребеньков А.А., Серенко Р.С. Проблемы уголовно-правового противодействия применению допинга в спорте // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 45–51.

Abstract: athletes from many countries have felt increased attention to the issue of doping by the World Anti-Doping Agency, which resulted in rather negative consequences that affected both the athletes themselves and the countries they represent. The Russian Federation is no exception. Our country found itself in the thick of the doping scandal that erupted in 2016. The purpose of the work is to resolve issues that arise in the field of international and domestic legal counteraction of using doping in sports, as well as to identify and disclose the main problems associated with the development and application of the anti-doping legislation of the Russian Federation in practice. The authors suggest ways to resolve the problems associated with the application of the norms of criminal law aimed at combating doping. To study normative and other sources, generic and specific scientific methods were used, including documentary analysis of publicly available facts of illegal use of doping in sports; a formal legal method that allows the interpretation of normative acts. As a result of the study, it was revealed that the introduction in Russian legislation of criminal liability for acts related to the use of doping is socially determined

and necessary to preserve the possibility of Russian athletes participating in international competitions. At the same time, the consolidation of these norms in the Criminal Code of the Russian Federation has certain disadvantages. The authors suggest ways to overcome them in the form of legislative amendments that can be implemented by the subjects of the legislative initiative. It is proposed to consider the possibility of allocating a separate section on crimes in the field of physical culture and sports in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: doping, anti-doping legislation, criminal liability, administrative liability, anti-doping, criminalization, presumption of guilt.

For citation: Grebenkov A.A., Serenko R.S. Problems of criminal legal counteraction to the use of doping in sports // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 45–51.

На сегодняшний день применение допинга выступает в качестве одной из ключевых проблем в спорте, поскольку его применение, с одной стороны, оказывает негативное влияние на состояние здоровья спортсменов, а с другой – порождает обман, вследствие чего значительно снижается дух честного соперничества, присущий всем видам спорта. Негативное влияние допинга, помимо спортсменов, непосредственно применяющих его, затрагивает и других участников соревнований.

Нельзя также не учитывать, что спорт в современных условиях выступает в качестве своеобразного инструмента внешней политики государства. Победа в соревновании не только является заветной целью спортсмена, указывающей на его профессионализм и повышающей статус, но и способствует возвышению страны, признанию ее лучшей в рамках конкретного вида спорта, повышению ее авторитетности среди других стран. В связи с этим на спортсмена возлагается большая ответственность. Достижение им цели требует постоянных, изнурительных тренировок, дисциплины и огромного количества времени, в связи с чем для облегчения своего пути недобросовестные спортсмены идут на риск и применяют запрещенные методы, к числу которых относится использование допинга. Это ставит их в заведомо более выгодное положение по отношению к соперникам. В условиях, когда использование допинга становится систематическим явлением, другие спортсмены, даже изначально настроенные на честную конкуренцию, также вынуждены прибегнуть к такому способу увеличения своих спортивных показателей [1].

Понимание этого привело к тому, что на современных соревнованиях осуществляется строжайший допинг-контроль. Установление факта применения спортсменом допинга, помимо непосредственных неблагоприятных последствий в виде дисквалификации, отрицательно сказывается на репутации спортсмена, спонсоров, имеющих с ним соглашения, его команды, ставит под вопрос достижения страны, представляемой спортсменом, а также разочаровывает болельщиков.

Тем не менее желающие рискнуть все равно находятся. Это ставит перед государством, осу-

ществляющим политику в области спорта, задачи, связанные с обоснованием, разработкой и принятием комплекса мер, направленных на противодействие допингу. Необходима регламентация порядка осуществления контроля за рассматриваемым явлением, а также механизма привлечения лиц, уличенных в нарушении установленных правил, к ответственности. Национальные меры противодействия допингу должны разрабатываться в соответствии с межгосударственными обязательствами, а также учитывать положения нормативных актов, регулирующих спорт.

Впервые вопросы противодействия допингу на международном уровне оказались отражены в принятой в 1967 году Комитетом министров Совета Европы Резолюции о допинге спортсменов. Этот и другие документы, принятые впоследствии в сотрудничестве с Олимпийским движением, стали основой, на которой разрабатывалась и в дальнейшем была принята Конвенция против применения допинга или Антидопинговая конвенция, вступившая в силу с 1 марта 1990 года. В 2004 году к Антидопинговой конвенции был принят Дополнительный протокол, которым вводилось новое в рамках данного вопроса понятие «взаимного признания» итогов исследований, предполагающее возможность одной страны, присоединившейся к данному документу, в лице ее контролеров свободно осуществлять деятельность в рамках рассматриваемой сферы на территории другого государства, а также способствующее осуществлению эффективного сотрудничества стран с Всемирным антидопинговым агентством.

Однако несмотря на условную открытость вышеуказанной Конвенции ей все же присущ региональный характер, что обусловило необходимость принятия универсального международного правового акта, который, наряду с прочим, должен был решить актуальные проблемы противодействия допингу. В качестве такого акта выступила принятая 19 октября 2005 года на Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры Международная конвенция о борьбе

с допингом в спорте, обеспечившая дальнейшее выполнение государствами своих обязательств.

Существует большое разнообразие форм и методов борьбы с допингом, используемых международными и национальными спортивными федерациями, а также государственными органами. Среди них правовые, суть которых состоит в принятии соответствующих нормативных правовых актов; финансово-экономические; организационные, предполагающие создание специальных органов, с последующим наделением их полномочиями в сфере противодействия рассматриваемому явлению [2]. Эффективная реализация этих мер позволяет успешно осуществлять профилактику и пресечение применения допинга. Однако они должны обязательно подкрепляться мерами юридической ответственности, направленными на недопущение применения допинга. Вид и степень такой ответственности зависит от серьезности нарушения.

Отметим тот факт, что наиболее заинтересованными в борьбе с применением допинга являются международные федерации или ассоциации по конкретному виду спорта, поскольку наличие такого явления негативно сказывается как на морально-этическом облике спортсменов и работающих с ними специалистов, так и на данном виде спорта в целом. Кроме того, именно федерации и ассоциации способны вносить огромный вклад в решение проблемы допинга, определять основные направления борьбы с ним, применять своевременные и эффективные меры воздействия, определять основания их применения, поскольку именно они обладают глубокими знаниями всех аспектов конкретного вида спорта. Однако Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) достаточно негативно относится к наделению федераций и ассоциаций полномочиями по антидопинговой деятельности, назвав это пародией на такую деятельность. В то же время к деятельности ВАДА также имеется достаточно большое число претензий, в том числе в связи с действиями, которые представляются политически мотивированными и предвзятыми [9].

«Допинговые скандалы» во многом стали инструментом для недопущения на соревнования российских спортсменов, уверенно занимающих места на пьедестале почета. Для многих политиков зарубежных государств неприемлемой является мысль о том, что «отсталая», по их мнению, Россия может осуществлять продуманную политику развития спорта высших достижений. Выявление «допинга» зачастую выступало лишь удобным предлогом для отстранения претендентов на призовые места. В то же время для российского спорта – это всего лишь очередной барьер, который необходимо преодолеть, в частности,

проведением системных антидопинговых мероприятий, которые сделают невозможным предъявление слабо обоснованных обвинений.

Одной из составляющих таких мероприятий стало ужесточение законодательства в сфере противодействия применению спортсменами допинга, в том числе путем введения в Уголовный кодекс Российской Федерации новых составов преступлений.

Важным шагом стала также правовая регламентация понятия «допинг». В литературе до этого допинг определяли как некое вещество, оказывающее на организм человека воздействие, выражающееся в усилении на определенный промежуток времени как физической, так и психической деятельности организма, применение которого спортсменами запрещено в особенности в период участия в соревнованиях [3]. Однако правового определения допинга долгое время не было.

Оно появилось в принятом в 2007 году Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», в соответствии с которым допингом в спорте признается нарушение антидопингового правила, подразумевающее использование либо попытку использования субстанций и методов, входящих в перечень субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте. Данное определение соответствует положениям Конвенции против применения допинга 1989 года, Международной конвенции 2005 года, а также Всемирного антидопингового кодекса ВАДА.

В то же время несмотря на признание существования проблемы допинга и закрепления запрета на его использование в регулятивном законодательстве на протяжении достаточно продолжительного периода времени меры борьбы с использованием запрещенных субстанций и методов в профессиональном спорте, предпринимаемые Российской Федерацией, были достаточно мягкими. Ситуация изменилась после событий 2016 года, вследствие которых были введены более строгие меры ответственности, связанные с использованием допинга [4]. В настоящий момент к числу нормативных актов, направленных на противодействие допингу, относятся:

– Федеральный закон от 27.12.2006 № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте»;

– Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 28.02.2008 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», которым в Трудовой кодекс Российской Федерации была введена глава 54.1, содержащая особенности регулирования труда спортсменов и тренеров;

– приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 13.05.2009 № 293 «Об утверждении Порядка проведения допинг-контроля»;

– Федеральный закон от 06.12.2011 № 413-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», которым в КоАП РФ была введена ст. 6.18, предусматривающая ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним;

– Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)», которым предусматривалось введение в Уголовный кодекс Российской Федерации статей 230.1 и 230.2;

– постановление Правительства Российской Федерации от 28.03.2017 № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»;

– приказ Министерства спорта Российской Федерации от 24.06.2021 № 464 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил».

В соответствии с данными нормативными правовыми актами в Российской Федерации за совершение правонарушений и преступлений, связанных с применением допинга, предусматривается несколько видов юридической ответственности, а именно: дисциплинарная, административная и уголовная.

Особое внимание следует уделить уголовной ответственности за применение допинга, поскольку она позднее остальных была закреплена в законодательстве. Еще до принятия Федерального закона от 22.11.2016, в соответствии с которым в Уголовный кодекс Российской Федерации были введены статьи 230.1 и 230.2, непосредственно предусматривающие уголовную ответственность за нарушение антидопинговых правил, высказывались мнения о том, что действовавшие до этого нормы уголовного законодательства могут рассматриваться как устанавливающие ответственность за нарушение антидопингового законодательства.

Так, при определенных условиях возможным было привлечение к уголовной ответственности по ст. 228.2 УК РФ и по ст. 235 УК РФ за нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ и незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической

деятельности соответственно. В то же время даже те авторы, которые придерживались такого мнения, отмечали, что указанные нормы не охватывают весь перечень субстанций и методов, запрещенных Всемирным антидопинговым агентством [10].

Ввиду этого все же можно считать, что однозначное закрепление уголовной ответственности за нарушение антидопингового законодательства произошло лишь с введением в УК РФ ст. 230.1 и ст. 230.2, предусматривающих ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте, и за использование в отношении спортсмена субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте, соответственно. Их введение, помимо прочего, устраняет вопросы о применении уголовного закона по аналогии, возникавшие ранее при квалификации подобных действий по другим статьям, не содержащим такой четкой формулировки объективных и субъективных признаков данного преступления.

Уже из названия указанных статей понятно, что их воздействие направлено не на спортсменов, уличенных в применении допинга, а на лиц, находящихся в их окружении. Мотивация данного решения следующая: предполагается, что нарушение антидопинговых правил не является самостоятельным решением спортсмена, а навязывается или внушается ему лицами, участвующими в его подготовке. Также достаточно распространенными являются ситуации, в которых спортсмен, потребляя предоставляемые ему врачами или другими лицами средства, не знает о том, что они являются запрещенными.

Рассмотрим подробнее некоторые особенности составов преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и ст. 230.2 УК РФ. Они отнесены законодателем к категории преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, что, однако, не в полной мере соответствует характеру их общественной опасности. Видимо, законодатель руководствовался близостью объективной стороны данных составов к уже имеющимся в данной главе составам деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Однако в отличие от наркотизма употребление допинга спортсменами ни как отдельный акт, ни как системное явление не причиняет ущерб здоровью населения в целом. Более того, далеко не всегда допинг причиняет вред здоровью самого спортсмена. Некоторые «допинговые» средства, например, нашумевший мельдоний, который является компонентом лекарственного средства «Милдронат», которое применяется в клинической практике.

Лишь некоторые допинговые средства причиняют вред здоровью спортсменов, однако и

в этом случае нет оснований предполагать, что даже их системное употребление одной, относительно малочисленной, группой населения причинит вред здоровью населения в целом. Общественная опасность допинга связана не с тем, что при его распространении будет подорвано медицинское благополучие широких народных масс, а с тем, что его применение искажает результаты спортивных состязаний, наносит удар по репутации страны, представляемой таким спортсменом на международных соревнованиях, и авторитету спорта в целом.

По сути, общественная опасность деяний, связанных с использованием допинга, аналогична общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Желаемый субъектом преступный результат здесь тот же: искажение результатов спортивного соревнования.

В то же время вряд ли желательным было бы отнесение преступных деяний, связанных с использованием допинга, к числу преступлений в сфере экономической деятельности. Современный спорт является уникальным сплавом общественных отношений, благ и интересов, которые относятся и к личным правам и свободам человека, и к экономическим отношениям, посягательство на которые угрожает интересам не только отдельных лиц, но и всего общества, а также затрагивает интересы государства. Ввиду этого перспективным является выделение в Особой части УК РФ отдельного раздела, посвященного посягательствам в сфере физической культуры и спорта, в который могли бы быть выделены не только деяния, предусмотренные ст. 184, ст. 230.1 и 230.2, но и другие посягательства в спортивной сфере.

Важным признаком рассматриваемых составов преступлений выступает предмет. Изначально правоприменитель сталкивался со значительными проблемами при решении вопроса об отнесении того или иного вещества к числу запрещенных и способных выступать в качестве предмета. Такое положение дел обусловило необходимость принятия постановления Правительства «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Встает вопрос также и об оперативности обновления данного перечня. Нежелательной является ситуация, когда те или иные средства признаются международными организациями как относящиеся к допингу, но это еще не отражено в вышеуказанном постановлении [5]. Вероятно, обоснованным можно назвать включение в

УК РФ нормы, аналогичной ст. 234.1 УК РФ «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ», позволяющей оперативно устанавливать правовой режим для появляющихся новых допинговых средств и методов.

Объективная сторона данных преступлений включает в себя деяние в форме действия. В ст. 230.1 УК РФ в качестве преступного действия выступает склонение спортсмена к использованию допинга, а в ст. 230.2 УК РФ – использование допинга в отношении спортсмена. По конструкции элементов объективной стороны составы данных преступлений являются формальными, то есть не требующими наступления общественно опасных последствий для привлечения лица, совершившего деяние, к уголовной ответственности. Фактически при квалификации не имеет значения: произошло ли реальное употребление спортсменом запрещенной субстанции или использован запрещенный метод, важен сам факт совершения соответствующим лицом действий, направленных на это. В данных нормах предусмотрены квалифицированные составы преступлений, в которых обязательным признаком являются последствия, включающие причинение по неосторожности смерти спортсмену или «иные тяжкие последствия», которые должны быть аналогичны по степени тяжести причинению смерти по неосторожности. Под ними может пониматься причинение тяжкого вреда здоровью, развитие у потерпевшего душевной болезни, прерывание беременности, совершенные по неосторожности.

Это вызывает резонный вопрос: неужели степень общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 230.1 и ч. 1 ст. 230.2 одинакова в случае, когда использование запрещенных средств и методов не повлияло на результат спортивных состязаний, и в случае, когда результат был искажен, нарушение правил выявлено, и это повлекло дисквалификацию спортсмена, причинение ущерба престижу государства в спортивной сфере? Представляется обоснованным выделение квалифицированного состава данных деяний, который бы включал указанные общественно опасные последствия.

В качестве субъектов преступлений могут выступать тренеры, специалисты в области спортивной медицины, а также иные специалисты в области физической культуры и спорта. Субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла, поскольку лицо должно осознавать, что нарушает антидопинговые правила, регламентированные Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Интересным является тот факт, что непосредственно к самим спортсменам уголовная ответ-

ственность за нарушение антидопингового законодательства не применяется [6]. Спортсмены несут ответственность только за совершение административного правонарушения, а также специальную ответственность в сфере спорта в виде дисквалификации. При этом применяется презумпция вины спортсмена. Такое положение дел рассматривается в качестве проявления дискриминации в спорте, эффективных способов преодоления которой до сегодняшнего дня нет [9].

Сложившаяся модель регулирования является нелогичной сразу с нескольких позиций. Во-первых, непризнание спортсмена субъектом преступления было бы обоснованным, если бы речь шла только о возможном причинении им вреда своему же здоровью, либо о зависимости спортсмена от допинговых средств и методов. Очевидно, что здесь законодатель опять опирался на формальное сходство антидопинговых норм с антинаркотическими: немедицинское употребление наркотических средств и психотропных веществ также представляет собой административное правонарушение. Однако при этом игнорируется внутренняя логика такого решения: добровольное употребление наркотических средств, с одной стороны, не причиняет вреда никому, кроме самого лица, их употребляющего, а с другой стороны, зачастую является проявлением болезненной наркотической зависимости. Поэтому вводить уголовную ответственность за немедицинское употребление наркотиков нецелесообразно: нет опасности для общества в целом, а не для отдельного лица, и это будет наказанием больного за то, что он болен.

В отношении же применения допинга спортсменом эта логика не работает: спортсмен причиняет вред не только себе, но и другим спортсменам, организаторам соревнований, обществу и государству. Кроме того, он действует полностью добровольно.

Во-вторых, как указывает Т.Г. Понятовская, по сути, речь здесь идет о криминализации подстрекательства к административному правонарушению, которая должна иметь серьезные обоснования, чем «предположение о родстве запрещенных в спорте субстанций с наркотиками» [7].

Ввиду изложенного считаем целесообразным провести более четкое разграничение между нарушением антидопинговых правил, образующим преступление и административное правонарушение. Добровольное и осознанное (то есть совершенное с прямым умыслом) применение спортсменом запрещенных допинговых средств и методов, повлекшее искажение результатов спортивных состязаний,

дисквалификацию других спортсменов или установление в отношении спортивных организаций Российской Федерации ограничений, должно быть уголовно наказуемым.

Административная же ответственность должна быть предусмотрена за попытку совершения действий, связанных с применением допинговых средств и методов, за их совершение, не повлекшее вышеуказанных последствий.

Кроме того, следует отметить, что общественно опасные последствия, аналогичные тем, которые связаны с применением допинга, могут быть связаны и с нарушением других антидопинговых правил, в частности с отказом спортсмена от взятия у него проб в целях осуществления допингового контроля, действиями, осуществляемыми в целях фальсификации результатов такого контроля, а также за нарушение некоторых иных правил. Целесообразным представляется введение уголовной ответственности за данные действия, повлекшие общественно опасные последствия, и административной ответственности при отсутствии таких последствий.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что на сегодняшний день в мире создан в достаточной степени эффективный механизм противодействия допингу, основанный на хорошо организованной системе законодательства, предусматривающей жесткие меры ответственности. В Российской Федерации антидопинговое законодательство постепенно ужесточается, чтобы обеспечить отсутствие претензий к российским спортсменам на международных соревнованиях. Однако несмотря на такие положительные тенденции Российской Федерации «спортивные» нормы в уголовном законодательстве нуждаются в развитии. В первую очередь, следует уточнить их место в системе уголовного законодательства, что позволит должным образом исследовать их сущность. Далее необходимым представляется введение квалифицированных материальных составов преступлений, связанных с нарушением антидопинговых правил, поскольку общественная опасность такого нарушения может отличаться в зависимости от тяжести и характера причиненных последствий. Наконец, целесообразно введение уголовной ответственности для спортсменов, сознательно нарушающих антидопинговые правила, если это влечет искажение результатов спортивных состязаний, дисквалификацию других спортсменов или установление в отношении спортивных организаций Российской Федерации ограничений.

Литература

1. **Марриотт-Ллойд П.** Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте / UNESCO Цифровая библиотека [Электронный ресурс] – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000188405> (дата обращения: 05.02.2023).
2. **Бальсевич В.К.** Спорт без допинга: фантастика или неотвратимость? // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 3. – С. 29–30.
3. **Чеботарев А.В.** Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 76–97.
4. **Литовченко В.В.** Россия и Китай: совершенствование законодательства в области борьбы с допингом // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – № 3. – С. 157–166.
5. **Соловьев А.А., Шевченко О.А.** Современные тенденции в правовом регулировании допинга в спорте: российский и зарубежный опыт // Наркология. – 2014. – № 3. – С. 3–7.
6. **Булаевский Б.А.** Презумпция вины как основание принципа строгой ответственности в антидопинговых правилах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – № 5. – С. 99–101.
7. Фармацевтическое уголовное право России: монография / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин, Т.Г. Понятовская и др.; отв. ред. А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2019. – 216 с.
8. **Питулько К.В., Сергеева А.А., Горбатова М.А.** Правовые проблемы противодействия использованию в спорте запрещенных субстанций и методов // Человек. Спорт. Медицина. – 2021. – № 1. – С. 130–135.
9. **Питулько К.В., Сергеева А.А.** Правовые основы и проблемы противодействия дискриминации в спорте // Человек. Спорт. Медицина. – 2021. – № 2. – С. 137–141.
10. **Брусникина О.А., Песков А.Н.** Правовые проблемы борьбы с допингом в профессиональном спорте // Право и государство. Теория и практика. – 2014. – № 9. – С. 117–129.

References

1. **Marriott-Lloyd P.** Mezhdunarodnaya konvenciya o bor'be s dopingom v sporte / UNESCO Cifrovaya biblioteka [Elektronnyj resurs] – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000188405> (data obrashcheniya: 05.02.2023).
2. **Bal'sevich V.K.** Sport bez dopinga: fantastika ili neotvratimost'? // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2004. – № 3. – S. 29–30.
3. **Chebotarev A.V.** Yuridicheskaya otvetstvennost' za narushenie antidopingovyh pravil v Rossii: problemy i perspektivy // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2019. – № 3. – S. 76–97.
4. **Litovchenko V.V.** Rossiya i Kitaj: sovershenstvovanie zakonodatel'stva v oblasti bor'by s dopingom // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. – 2020. – № 3. – S. 157–166.
5. **Solov'ev A.A., Shevchenko O.A.** Sovremennye tendencii v pravovom regulirovanii dopinga v sporte: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Narkologiya. – 2014. – № 3. – S. 3–7.
6. **Bulaevskij B.A.** Prezumpciya viny kak osnovanie principa strogoj otvetstvennosti v antidopingovyh pravilah // Zhurnal zarubeznogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2012. – № 5. – S. 99–101.
7. Farmaceuticheskoe ugovnoe pravo Rossii: monografiya / A.A. Bimbinov, V.N. Voronin, T.G. Ponyatovskaya i dr.; отв. ред. А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2019. – 216 с.
8. **Pitul'ko K.V., Sergeeva A.A., Gorbatova M.A.** Pravovye problemy protivodejstviya ispol'zovaniyu v sporte zapreshchennyh substancij i metodov // Chelovek. Sport. Medicina. – 2021. – № 1. – S. 130–135.
9. **Pitul'ko K.V., Sergeeva A.A.** Pravovye osnovy i problemy protivodejstviya diskriminacii v sporte // Chelovek. Sport. Medicina. – 2021. – № 2. – S. 137–141.
10. **Brusnikina O.A., Peskov A.N.** Pravovye problemy bor'by s dopingom v professional'nom sporte // Pravo i gosudarstvo. Teoriya i praktika. – 2014. – № 9. – S. 117–129.

(статья сдана в редакцию 17.04.2023)

**К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРЕДИТНЫЕ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ КООПЕРАТИВЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**ON THE ISSUE OF THE QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD
OF INVESTMENT ACTIVITY IN CREDIT CONSUMER COOPERATIVES
USING INFORMATION TECHNOLOGY**

УДК 343.375

А.В. КРЕХОВЕЦ,
кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
alexa-xa500@mail.ru

А.А. НИКИФОРОВА,
кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
luckyalenka@rambler.ru

ALEXANDRA V. KREKHOVETS,
Candidate of Law
(Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

ALENA A. NIKIFOROVA,
Candidate of Law
(Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в представленной статье авторами рассмотрены вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности, инвестиционных платформ, в том числе через призму уголовного законодательства, также предпринята попытка выделить наиболее распространенные нормы об ответственности за совершение преступлений в сфере инвестиционной деятельности в кредитные потребительские кооперативы с использованием информационных технологий, а также исследованы особенности их квалификации посредством рассмотрения объективных и субъективных признаков таких уголовно наказуемых деяний, как мошенничество, мошенничество в сфере кредитования, присвоение, растрата, организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, злоупотребление полномочиями; авторами проанализированы законодательная база, доктринальные источники, а также примеры и данные следственно-судебной практики, в числе которых данные Следственного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, позволившие максимально подробно раскрыть проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере инвестиционной деятельности в кредитные потребительские кооперативы с использованием информационных технологий; в результате авторы приходят к выводу о том, что на сегодняшний день присутствует значительное число сложностей в квалификации преступлений, совершаемых в исследуемой сфере, вызванных в первую очередь проблематичными конкурентными отношениями уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиционная платформа, кредитный потребительский кооператив, финансовая пирамида, мошенничество.

Для цитирования: Креховец А.В., Никифорова А.А. К вопросу о квалификации преступлений в сфере инвестиционной деятельности в кредитные потребительские кооперативы с использованием информационных технологий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 52–58.

Abstract: in the presented article, the authors have studied the issues of legal regulation of investment activities, investment platforms, including through the prism of criminal legislation, an attempt has also been made to identify the most common norms on liability for crimes in the field of investment activities in consumer credit cooperatives using information technology, as well as the peculiarities of their qualification by considering objective and subjective signs of such criminally punishable acts like fraud, fraud in the field of lending, embezzlement, embezzlement, organization of activities to attract funds and (or) other property, malicious evasion from repayment of accounts payable, abuse of authority; the authors analyzed the legislative framework, doctrinal sources, as well as examples and data of investigative and judicial practice, including data from the Investigative Department at the Supreme Court of the Russian Federation, which allowed the most detailed disclosure of problematic issues of qualification of crimes in the field of investment in consumer credit cooperatives using information technology; as a result, the

authors come to the conclusion that today there is a significant number of difficulties in the qualification of crimes committed in the field under study, caused primarily by problematic competitive relations of criminal law norms.

Keywords: investment activity, investment platform, consumer credit cooperative, pyramid scheme, fraud.

For citation: Krekhovets A.V., Nikiforova A.A. On the issue of the qualification of crimes in the field of investment activity in credit consumer cooperatives using information technology // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 52–58.

На сегодняшний день инвестиционная деятельность представляет собой важнейшее направление экономики как в России, так и во всем мире. Содействие привлечению инвестиций в экономику нашего государства является одной из ключевых задач Министерства экономического развития Российской Федерации. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ осуществляется деятельность по реализации Плана действий по подготовке отраслевых мер по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению до двадцати пяти процентов их доли в валовом внутреннем продукте, а также по созданию условий для их привлечения.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» под *инвестиционной деятельностью* понимается «вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта»².

В качестве одной из приоритетных задач, стоящих перед государством, еще в 2019 году в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации обозначил следующую: «Все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность»³. Действительно, активное развитие многих видов экономической деятельности в XXI веке, в т.ч. инвестиционной, обусловило возникновение такой формы данной деятельности, как инвестиционная платформа. Важно отметить, что такие платформы активно используются за рубежом длительное время, в России они получили законодательное

закрепление и начали функционировать только с 2020 года.

В ст. 2 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» *инвестиционная платформа* определяется как «информационная система в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы»⁴. Благодаря данному инструменту обеспечивается инвестирование в различные сектора экономики, при этом с помощью краудинвестиционных и краудфандинговых площадок у предпринимателей появляется возможность заинтересовать своим проектом не только отечественных, но и зарубежных инвесторов, что способствует расширению экономических связей и взаимодействию на международном уровне.

Как известно, краудфандинг по своей сути является не чем иным, как привлечением денежных средств, наиболее популярным способом которого в настоящее время, пожалуй, является инвестирование в деятельность кредитных потребительских кооперативов (далее – КПК).

По официальной информации Банка России по состоянию на декабрь 2020 года в государственный реестр КПК входит 1322 юридических лица⁵. С учетом активного развития инвестирования, расширения спектра возможностей, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, что значительно упрощает процесс инвестиционной деятельности, в частности в рамках КПК, оно стало привлекательным не только для добросовестных субъектов предпринимательской деятельности, но и для тех, кто преследует цель извлечения прибыли незаконным путем.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

² Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.

³ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

⁴ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

⁵ Государственный реестр кредитных потребительских кооперативов [Электронный ресурс]. – URL: <http://cbr.ru>

В целях предупреждения возможных правонарушений в отношении вкладчиков российским государством был принят ряд документов. Так, Указом Президента Российской Федерации от 26 апреля 1995 года № 416 «О мерах по обеспечению интересов инвесторов и приведению в соответствие с законодательством Российской Федерации предпринимательской деятельности юридических лиц, осуществляемой на финансовом и фондовом рынках без соответствующих лицензий» в качестве важнейшей задачи было закреплено обеспечение интересов инвесторов, в том числе путем «пресечения незаконной деятельности юридических лиц по привлечению без соответствующих лицензий денежных средств физических и юридических лиц для хранения, инвестирования, доверительного управления или иных операций»⁶. Кроме того, в 2017 году Банком России был утвержден Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих КПК. Данный стандарт был принят, прежде всего, в целях обеспечения соблюдения прав и законных интересов получателей финансовых услуг и обязателен к применению всеми кредитными кооперативами (ст. 1). Вместе с тем практика показывает, к сожалению, злоупотребления в сфере кооперативных отношений – довольно распространенное явление, которое требует противодействия на должном уровне⁷.

Анализ судебных решений показал, что чаще всего в сфере кредитных кооперативных правоотношений совершаются следующие преступления:

- ст. 159 УК РФ (Мошенничество);
- ст. 159¹ УК РФ (Мошенничество в сфере кредитных отношений);
- ст. 160 УК РФ (Присвоение и растрата);
- ст. 172² УК РФ (Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества);
- ст. 177 (Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности);
- ст. 201 (Злоупотребление полномочиями).

Остановимся на некоторых вопросах квалифика-

ции противоправных деяний в исследуемой сфере, которые, на наш взгляд, подлежат дополнительной конкретизации для дальнейшего грамотного и справедливое правоприменения.

Наибольшие трудности у правоприменителей возникают в вопросе соотношения ст. 159 УК РФ и ст. 172² УК РФ, и это, в первую очередь, подтверждается многочисленными примерами подач представителями защиты апелляционных жалоб по переквалификации ст. 159 УК РФ на ст. 172² УК РФ. Распространенным аргументом со стороны адвокатов при этом выступает отсутствие доказательств корыстного мотива в действиях виновных лиц⁸. Стоит отметить, что случаи удовлетворения подобных апелляционных жалоб единичны.

На сегодняшний день уголовно-правовая доктрина, а также судебно-следственная практика характеризуются дискуссионностью подходов в решении вопроса соотношения указанных уголовно-правовых норм.

Для начала стоит подчеркнуть, что ст. 172² является относительно новой для действующего российского уголовного законодательства. УК РФ был дополнен данной статьей в 2016 году по инициативе Следственного комитета Российской Федерации. Пояснительная записка к данному законопроекту в качестве основного аргумента включения ст. 172² в действующий уголовный закон обозначила негативное влияние деятельности таких организаций на российский финансовый рынок, которое, в свою очередь, может повлечь потерю денежных средств значительной части населения, а также подрыв доверия граждан к финансовым инструментам⁹. Следует сказать, что новый состав преступления демонстрирует низкие статистические показатели по количеству осужденных лиц. Так, по данным Следственного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2016 года по первое полугодие 2020 года по ст. 172² на всей территории Российской Федерации было осуждено всего 19 человек¹⁰. Такие результаты, в том числе, объясняются тем, что финансовая пирамида зачастую представляет собой мошенническую схему извлечения прибыли, за основу которой взято постоянное привлечение новых вкладчиков, а не инвестирование в различные доходные активы,

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 26.04.1995 № 416 «О мерах по обеспечению интересов инвесторов и приведению в соответствие с законодательством Российской Федерации предпринимательской деятельности юридических лиц, осуществляемой на финансовом и фондовом рынках без соответствующих лицензий» // Российская газета. № 84.28.04.1995.

⁷ Ivanov M.G., Andreev V.V., Bezverkhov A.P., Ivanova O.M., Kuznetsov A.P. Official Economic Abuse in Economic Management as a Criminological and Legal Category. In: Bogoviz A.V., Suglovov A.E., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Lobova S.V. (eds) Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics. Studies in Systems, Decision and Control, vol 316. Springer, Cham. PP.1001-1008.

⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 30.05.2016 по делу №10-5830/2016; Постановление Московского городского суда от 25.10.2016 № 4У-4421/2016 и др.

⁹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/881156-6>

¹⁰ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: www.cdep.ru/

исходя из чего вполне закономерно, что с момента появления в составе УК РФ ст. 172² появились сложности в разграничении указанной нормы со ст. 159 УК РФ.

Рассмотрим существующие точки зрения по вопросу соотношения указанных составов в уголовно-правовой доктрине.

Так, А.М. Сапрыкин не исключает возможность вменения ст. 172² УК РФ и ст. 159 УК РФ в совокупности и объясняет свою позицию следующим образом: ст. 172² УК РФ может использоваться для ужесточения ответственности «при мошенничестве на суммы, значительно превышающие нижнюю границу особо крупного размера» [1, с. 24]. Более мелкие привлечения денежных средств при этом, по мнению автора, будут охватываться составом мошенничества. Такой подход вызывает определенные сомнения, поскольку вопрос соотношения ст. 159 УК РФ и ст. 172² УК РФ раскрывается Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: дополнительная квалификация по ст. 172² не требуется, если лицо под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан, юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляет, похищает денежные средства. Умысел лица в подобном случае направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, однако, действительно, стоит согласиться, что на основании исключительно данного признака несколько проблематично четко отграничить действия по мошенничеству в сфере деятельности КПК от организации деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества.

Е.Н. Бархатова и А.А. Вакутин полагают, что ст. 159 УК РФ и ст. 172² УК РФ являются взаимоисключающими и акцентируют внимание в числе прочих различающихся признаков объективного и субъективного характера на содержании субъективной стороны: «умыслом субъекта преступления, предусмотренного 172² УК РФ, не охватывается безвозмездное завладение чужим имуществом, затраты возмещаются в течение определенного времени, и субъект преступления рассчитывает на то, что ему удастся осуществлять свою деятельность длительное время, привлекая вкладчиков и обеспечивая их соответствующей прибылью, извлекая некоторый доход и для себя» [2, с. 82]. Также, прежде всего, на основании признаков субъективной стороны предлагают разграничивать смежные ст. 172² УК РФ и ст. 159 УК РФ. Авторы А.В. Зарубин («при неустановлении прямого умысла, направленного на изъятие чужих денежных средств и (или) иного имущества, возникшего до начала совершения пре-

ступления, применяется ст. 172² УК РФ») [3, с. 11] и коллектив авторов ВНИИ МВД России («мошенничество совершается только путем обмана или злоупотребления доверием и всегда с корыстной целью, а при организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества эти способы возможны и при отсутствии корыстной цели») [4, с. 17] придерживаются данной точки зрения.

Достаточно справедливым видится соотношение анализируемых норм В.И. Гладких: «установление уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества направлено на предупреждение мошеннических действий» [5, с. 188]. Если же факт создания финансовой пирамиды сопряжен с непосредственным присвоением денежных средств, то такие действия, по мнению ученого, должны быть квалифицированы уже как мошенничество.

В первую очередь при решении вопроса об отграничении рассматриваемых преступлений считаем необходимым определить основные элементы состава преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 159, 172² УК РФ. Так, *непосредственным объектом* преступления в ст. 159 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану права собственности лица, тогда как в ст. 172² УК РФ *основным непосредственным объектом* являются общественные отношения в сфере охраны нормального функционирования инвестиционной деятельности, а *факкультативным* – общественные отношения, охраняющие право собственности.

Объективная сторона мошеннических действий под видом инвестиционной деятельности (ст. 159 УК РФ) включает в себя в обязательном порядке последствие в виде причинения ущерба собственнику, тогда как в ст. 172² УК РФ последствия не предусмотрены в качестве обязательного признака объективной стороны. Кроме того, ст. 159 УК РФ содержит указание на способ совершения деяния – обман или злоупотребление доверием, то есть потерпевшим сообщаются заведомо ложные сведения о том, что виновный якобы занимается инвестиционной деятельностью, после чего похищаются денежные средства.

В свою очередь, в *объективной стороне* ст. 172² УК РФ такой признак отсутствует, однако он также может иметь место в случае, когда лицо нарушает порядок осуществления инвестиционной деятельности и не уведомляет об этом инвесторов. В частности, для осуществления инвестиционной деятельности необходимо, прежде всего, получить лицензию в Департаменте допуска и прекращения деятельности финансовых организаций, предварительно уплатив необходимые пошлины, сборы, и получить соответствующие документы, что

позволит вести работу на финансовых рынках¹¹. При этом субъект ст. 172² УК РФ не получает соответствующей лицензии и не регистрирует свою деятельность в установленном законом порядке, но привлекает денежные средства и даже выплачивает проценты «вкладчикам». Однако выплаты производятся не из доходов, полученных организацией, а из «вкладов» тех лиц, которые внесли свои денежные средства несколько позднее, так как отсутствуют иные источники. Как верно отмечают Е.Н. Бархатова, А.А. Вакутин «происходит некое «перераспределение денежных средств и имущества» между лицами-участниками организации. Деяние опасно тем, что лица, осуществившие вклад последними, рискуют остаться без прибыли в случае, если организатору привлечения средств не удастся больше никого привлечь»¹². Соответственно те, которые осуществляют свой «вклад» одними из последних, и терпят наибольшие убытки, так как нет источника для выплат им процентов.

Так, в качестве примера следует привести следующую ситуацию: *в мае 2019 г. прокуратурой Центрального района г. Тольятти была проведена проверка производственного кооператива «Фабрика Продуктов ВС», в ходе которой установлено, что данный кооператив осуществлял деятельность по привлечению денежных средств граждан путем заключения договоров займа и инвестиционного займа. Анализ движения денежных средств по расчетному счету организации показал, что обязанность по возврату суммы займа с процентами за пользование денежными средствами не исполнялась, фактически у кооператива отсутствовала возможность обеспечить выплату дохода по заключенным договорам средствами, полученными от производства продукции или от иной законной предпринимательской или иной деятельности. На основании материалов прокурорской проверки СУ УМВД России по г. Тольятти возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 172² УК РФ¹³.*

Обман в данном случае касается неведения «вкладчиков» о том, что выплаты, которые они будут получать, – не результат пред-

принимательской или иной деятельности, а денежные средства, вложенные иными лицами, «осведомленность возникает на более поздних этапах, когда первые вовлеченные в организацию лица получают постоянную и возрастающую прибыль»¹⁴.

Субъект преступления в ст. 159 УК РФ и ст. 172² УК РФ является общим, то есть вменяемым физическим лицом, достигшим 16-летнего возраста.

Особого внимания заслуживает *субъективная сторона данных составов*. Так, мошенничество совершается только с умышленной формой вины и в силу того, что является хищением, преследует корыстную цель, то есть извлечение выгоды для себя или третьих лиц. Вместе с этим ст. 172² УК РФ также в рамках субъективной стороны предусматривает прямой умысел, но у виновного отсутствует цель на безвозмездное завладение имуществом «вкладчиков». Прежде всего умысел направлен на извлечение выгоды для себя и других лиц путем привлечения максимально большего количества денег в течение значительного количества времени, выплачивая им денежные средства в качестве процентов.

Исходя из этого следует, что основными отличительными признаками мошеннических действий от действий по организации и привлечению денежных средств или иного имущества являются признаки объективной и субъективной стороны.

Позиция судебных органов по вопросу соотношения ст. 159 УК РФ и ст. 172² УК РФ представляется более однозначной, чем в теории: указанные уголовно-правовые нормы являются однозначно взаимоисключающими и в качестве оснований для их разграничения суды обозначают следующие признаки:

1. Ст. 172² УК РФ не предполагает обман в качестве завладения денежными средствами потерпевших¹⁵.

2. Ст. 159 УК РФ предполагает направленность умысла на хищение принадлежащих потерпевшим денежных средств¹⁶.

3. Ст. 159 УК РФ характерно осознание лицом объективной невозможности возратить потерпевшим денежные средства¹⁷.

4. Ст. 159 УК РФ представляет собой хищение чу-

¹¹ Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4562.

¹² Бархатова Е.Н., Вакутин А.А. Вопросы отграничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 82–90.

¹³ Решение Центрального районного суда г. Тольятти (Самарская область) № 2-3882/2019 2-3882/2019-М-3147/2019 М-3147/2019 от 2 августа 2019 г. по делу № 2-3882/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/LIR5hflyCtX/> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁴ Бархатова Е.Н., Вакутин А.А. Вопросы отграничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 82–90.

¹⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 22.08.2019.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

жого имущества под видом привлечения денежных средств для целей законной деятельности, которая фактически не осуществляется¹⁸.

5. Умыслом субъекта преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, не охватывается причинение ущерба другим лицам¹⁹.

Вызывает определенные сомнения позиция Челябинского областного суда, высказанная в апелляционном определении по делу № 10-5261/2016: действия виновного подлежат переквалификации со ст. 159 УК РФ на ст. 172² УК РФ, поскольку в соответствии со ст. 10 УК РФ ст. 172² УК РФ (введенная в 2016 году) улучшает положение лица, совершившего преступные деяния в период с 2006 года по 2008 год²⁰. Такое решение фактически означает признание на уровне судебного органа соотношение ст. 159 УК РФ и ст. 172² УК РФ в качестве общей и специальной нормы, что, на наш взгляд, является недопустимым.

В заключение следует отметить, что сфера финансовых услуг, очевидно, становится все более социальной и автоматизированной. С одной сто-

роны, это способствует реализации потенциальных возможностей потребителей, с другой – расширяет арену для действий недобросовестных лиц. Современные информационные технологии породили новые спектры финансовых отношений: эмиссию криптовалют, различные способы онлайн-финансирования, кредитования. Отсутствие должного уровня регламентации деятельности по организации привлечения денежных средств и (или) иного имущества, в том числе с использованием цифровых платформ, профессиональных стандартов делают данную сферу весьма уязвимой. Практика показывает, что злоупотребления преступного характера в сфере кооперативных отношений – явление достаточно распространенное. Учитывая возрастающую популярность инвестиционных платформ в развитии предпринимательской деятельности, растет и число противоправных деяний с их использованием, а также появляются новые способы их совершения, что, несомненно, требует соответствующего реагирования со стороны законодателя посредством принятия мер, в том числе уголовно-правового характера. При этом изучение положений уголовного закона, примеров следственно-судебной практики, мнений юристов свидетельствует о наличии определенных сложностей в квалификации преступлений, совершаемых в исследуемой сфере, вызванных, в первую очередь, сложными конкурентными отношениями норм.

¹⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 22.08.2019.

¹⁹ Постановление Президиума Республики Башкортостан от 05.07.2017 по делу № 44-127/2017.

²⁰ Определение №10-5261/2016 от 9 ноября 2016 г. по делу № 10-5261/2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/KSOblNiiZC6l>

Литература

1. **Сапрыкин А.М.** Статья 172.2. УК РФ: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 4 (35). – С. 24–28.
2. **Бархатова Е.Н., Вакутин А.А.** Вопросы отграничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 82–90.
3. **Зарубин А.В.** Вопросы ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст.172.2 УК РФ) // Криминалистика. – 2017. – № 1 (20). – С. 11–14.
4. Расследование преступлений, связанных с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ): методические рекомендации / В.В. Улейчик, Л.В. Яковлева, Е.И. Майорова, В.А. Рязанцев. – Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018.
5. **Гладких В.И.** К вопросу об обоснованности криминализации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ) / Научные исследования: векторы развития: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2018. С. 187–190.
6. **Сурхаева Я.Д.** Понятие инвестиционной деятельности // Вестник магистратуры. – 2019. – № 1-1 (88). – С. 46–49.
7. **Кретов И.А.** Инвестиционная деятельность предприятия // StudNet. – 2022. – № 4. – С. 2535–2543.
8. **Рогозин В.С.** Понятие инвестиций и инвестиционной деятельности // Вестник науки. – 2022. – № 6 (51). – С. 361–372.
9. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация: учебное пособие / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 464 с.
10. **Яковенко И.А.** Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств // Наука и образование сегодня. – 2020. – № 12 (59). – С. 58–59.

References

1. **Saprykin A.M.** Stat'ya 172.2. UK RF: problemy ugovolno-pravovoy ocenki i pravoprimeneniya // Evrazijskaya advokatura. – 2018. – № 4 (35). – S. 24–28.
2. **Barhatova E.N., Vakutin A.A.** Voprosy otgraniicheniya moshennichestva v sfere predprinimatel'stva ot smezhnykh sostavov prestuplenij i grazhdansko-pravovykh deliktov // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2019. – № 5. – S. 82–90.

3. **Zarubin A.V.** Voprosy otvetstvennosti za organizaciyu deyatel'nosti po privlecheniyu denezhnyh sredstv i (ili) inogo imushchestva (st.172.2 UK RF) // Krimnialist». – 2017. – № 1 (20). – S. 11–14.
4. Rassledovanie prestuplenij, svyazannyh s organizaciej deyatel'nosti po privlecheniyu denezhnyh sredstv i (ili) inogo imushchestva (st. 172.2 UK RF): metodicheskie rekomendacii / V.V. Ulejchik, L.V. Yakovleva, E.I. Majorova, V.A. Ryazancev. – Moskva: FGKU «VNII MVD Rossii», 2018.
5. **Gladkih V.I.** K voprosu ob obosnovannosti kriminalizacii organizacii deyatel'nosti po privlecheniyu denezhnyh sredstv i (ili) inogo imushchestva (stat'ya 172.2 UK RF) / Nauchnye issledovaniya: vektory razvitiya: sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Cheboksary, 2018. S. 187–190.
6. **Surhaeva Ya.D.** Ponyatie investicionnoj deyatel'nosti // Vestnik magistratury. – 2019. – № 1-1 (88). – S. 46–49.
7. **Kretov I.A.** Investicionnaya deyatel'nost' predpriyatiya // StudNet. – 2022. – № 4. – S. 2535–2543.
8. **Rogozin V.S.** Ponyatie investicij i investicionnoj deyatel'nosti // Vestnik nauki. – 2022. – № 6 (51). – S. 361–372.
9. Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti: edinstvo i differenciaciya: uchebnoe posobie / otv. red. I.V. Ershova, A.A. Mohov. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2017. – 464 s.
10. **Yakovenko I.A.** Ugolovnaya otvetstvennost' za organizaciyu deyatel'nosti po privlecheniyu denezhnyh sredstv // Nauka i obrazovanie segodnya. – 2020. – № 12 (59). – S. 58–59.

(статья сдана в редакцию 01.08.2022)

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДКУП ЭКСПЕРТА В
СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ**
**CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY OF EXPERTS IN THE SPHERE
OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES**

УДК 343.3/.7

Г.Н. МИРОНОВА,
кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
mgn2007@mail.ru

GALINA N. MIRONOVA,
Candidate of Law
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: статья посвящена отдельным проблемным вопросам законодательного регулирования отношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как одного из направлений борьбы с коррупционными проявлениями. Проведенный автором анализ положений уголовного законодательства, руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, правоприменительной практики выявил ряд законодательных пробелов в части обеспечения уголовно-правовой охраны указанных общественных отношений. В частности, отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации норм, предусматривающих ответственность за подкуп эксперта либо уполномоченного лица экспертной организации в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, не позволяет осуществлять полноценную уголовно-правовую охрану правоотношений. Определена роль эксперта, состоящая в оценке правильности проведения процедуры закупки (или отдельных ее элементов), влияющая на возможность наступления (ненаступления) неблагоприятных последствий для участников закупки. В целях устранения установленного противоречия автором предложены меры по коррекции правоприменительной практики в части квалификации преступлений, а также совершенствованию норм ст. 200.5 УК РФ путем уточнения и дополнения субъектов данного преступления.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, коррупция, эксперт, уголовная ответственность, сфера закупок товаров и услуг, субъект преступления.

Для цитирования: Миронова Г.Н. Уголовная ответственность за подкуп эксперта в сфере закупок товаров, работ, услуг // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 59–62.

Abstract: the article is devoted to certain problematic issues of legislative regulation of relations in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs as one of the areas of combating corruption. The author's analysis of the provisions of criminal legislation, the guiding explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, and law enforcement practice revealed a number of legislative gaps in the provision of criminal legal protection of these public relations. In particular, the absence of norms in the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for bribery of an expert or an authorized person of an expert organization in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs does not allow for full-fledged criminal legal protection of legal relations. The role of the expert is defined, which consists in assessing the correctness of the procurement procedure (or its individual elements), affecting the possibility of occurrence (non-occurrence) of adverse consequences for the procurement participants. In order to eliminate the established contradiction, the author proposes measures to correct law enforcement practice in terms of the qualification of crimes, as well as to improve the norms of Article 200.5 of the Criminal Code by clarifying and supplementing the subjects of this crime.

Keywords: commercial bribery, corruption, expert, criminal liability, procurement of goods and services, subject of crime.

For citation: Mironova G.N. Criminal liability for bribery of experts in the sphere of procurement of goods, works, services // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 59–62.

Сформировавшийся тренд на усиление охраны интересов государства от неправомерных коррупционных действий в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд на сегодняшний день проявляется в нескольких направлениях законодательства и правоприменения. Во-первых, это усиление ответственности (увеличение размеров

наказаний в санкциях статей Особенной части УК РФ, введение дополнительных видов наказаний, введение дополнительных ограничений на различные средства смягчения наказания и т.д.). Во-вторых, законодатель планомерно детализирует и дополняет УК РФ новыми нормами, предусматривающими уголовную ответственность различных субъектов указанной деятельности за коррупционные действия. К ним можно отнести составы ст. 200.4–200.6 УК РФ.

Относительная новизна правоотношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд требует детального анализа как характера складывающихся правоотношений, так и их субъектного состава. Определение же перечня общественно опасных деяний должно происходить на основе критериев криминализации и принципов системности уголовно-правовых запретов.

На сегодняшний день в рамках ст. 200.5 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за подкуп: 1) работника контрактной службы, 2) контрактного управляющего, 3) члена комиссии по осуществлению закупок, 4) лица, осуществляющего приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо 5) иного уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика.

Механизм причинения вреда охраняемым правоотношениям в случае подкупа указанных лиц выражается в нарушении непредвзятости и конкурентности установленного порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В то же время перечисленные лица являются не единственными участниками обозначенных отношений, которые могут оказать влияние на процедуру закупок, а, соответственно, могут быть подвержены коррупционному воздействию со стороны заинтересованных лиц. В соответствии со ст. 41, 94 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» заказчики вправе привлекать экспертов, экспертные организации в целях экспертной оценки извещения об осуществлении закупки, документации о закупке, заявок на участие в закупке¹.

В рамках ст. 200.6 УК РФ предусматривается ответственность за дачу *экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации* заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Указанные лица представляются самостоятельными независимыми участниками рассматрива-

емой сферы правоотношений, действия которых могут оказывать существенное влияние на оценку правомерности осуществляемых закупок.

Таким образом, указанные лица выделены в качестве самостоятельных участников, осуществляющих независимую экспертизу. Выделение их в самостоятельную группу связано с тем, что они не обладают всеми необходимыми признаками субъектов преступления, предусмотренных ст. 200.5, 204, 285, 291 УК РФ. В то же время их включенность в рассматриваемые правоотношения очевидна, а их роль имеет существенное значение для соблюдения установленного порядка закупок.

Особенность статуса эксперта в рамках уголовного, административного либо гражданского судопроизводства предопределила и существование аналогичной нормы – ст. 307 УК РФ, предусматривающей ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста либо неправильный перевод.

Предполагается, что именно особенности процессуальных статусов указанных субъектов повлияли на выбор законодателем подхода при формировании норм ст. 200.5 и 200.6 УК РФ. Однако следует отметить, что проводимая аналогия имеет ряд недостатков и вряд ли применима для охраны анализируемых нами правоотношений.

Так, процессуальный статус эксперта в рамках уголовного судопроизводства предполагает использование его заключения исключительно в рамках данной процедуры, в то время как заключение эксперта в сфере государственных, муниципальных и корпоративных закупок может быть необходимо для:

- проверки документа на предмет соответствия действующему законодательству Российской Федерации и других стран;
- анализа условий договора и определения их состоятельности;
- проверки данных сторон, заключивших договор, и т.д.

Суть проводимой экспертизы состоит в выяснении соответствия полученных заказчиком услуг, товаров или работ, заявленным по спецификации, соответствия количества и качества товара, работы или услуги, заявленным в условиях контракта, соответствия сроков поставки или исполнения обозначенным в рамках контракта.

Давая указанное заключение, эксперт фактически определяет, насколько правильно была проведена процедура закупки (или отдельные ее элементы), предполагая возможность наступления (ненаступления) неблагоприятных последствий для участников закупки.

В такой ситуации коррупционная заинтересованность лиц, допускающих нарушения, представляет-

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2022) [Электронный ресурс]. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

ся очевидной, однако на сегодняшний день она не находит должного отражения и соответствующего запрета в нормах УК РФ. Так, в случае подкупа члена комиссии по осуществлению закупок, непосредственно участвующего в принятии решения о закупке, такое лицо будет подлежать ответственности по ч. 4 ст. 200.5 УК РФ. Также по данной норме будет подлежать ответственности и лицо, передавшее подкуп (ч. 1 ст. 200.5 УК РФ).

В то же время если в аналогичной ситуации окажутся эксперт и лицо, заинтересованное в получении «нужного» заключения, то ответственности за сам подкуп для обоих субъектов не наступит. Круг субъектов ст. 200.5 УК РФ не предусматривает возможности привлечения эксперта, а равно и лица, осуществляющего его подкуп, к уголовной ответственности. При этом если эксперт в случае подкупа и последующего составления заведомо ложного заключения может подлежать уголовной ответственности хотя бы за данные действия, то субъект, осуществивший такой подкуп, уголовной ответственности избежит. Для охраны указанной сферы правоотношений от противоправного влияния на конкурентные и независимые отношения в сфере закупок очевидна необходимость полноценного исключения возможности оказания такого влияния.

Следует согласиться с Е.И. Чекмезовой, которая отмечает, что «если учитывать, что ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ являются своего рода реперными точками для построения системы противодействия коррупции и конфликту интересов, то законодателю необходимо стремиться к синхронизации указанных составов» [1, с. 453–455]. При этом необходимо уточнить, что согласованность норм должна происходить в том числе и с другими составами (ст. 200.5, 200.6, 285, 309 УК РФ и др.) [2, с. 9–16; 5, с. 231–234].

Необходимо отметить, что аналогичная ситуация в сфере правосудия нашла свое отражение в рамках ст. 309 УК РФ, закрепляющей уголовную ответственность за подкуп или принуждение эксперта либо специалиста к даче ими заведомо ложного заключения [6, с. 105–109; 7, с. 137–142; 8, с. 10].

Указанный законодательный пробел в части уголовно-правовой охраны интересов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд фактически приводит к незащищенности от коррупционного воздействия со стороны заинтересованных лиц непредвзятости и объективности экспертного заключения. Указанная незащищенность может приводить не только к коррупционному воздействию в отношении экспертов, но и к насильственному воздействию на них. Так, требование заинтересованного лица подготовить «нужное» заключение эксперта также остается вне рамок

уголовно-правовых отношений. Если данные требования не содержат признаков иных составов преступлений (например, угроза убийством (ст. 119 УК РФ)), то фактически лицо, достигнув поставленной криминальной цели, не понесет уголовной ответственности. Возвращаясь к положениям ст. 309 УК РФ, необходимо отметить, что эксперты в данной области все же более защищены уголовным законом от неправомерного воздействия [9, с. 85–100; 10 с. 71–73].

Выход из сложившейся ситуации на сегодняшний день представляется возможным в следующих двух направлениях. Во-первых, в части осуществления правоприменительной практики признание эксперта лицом, осуществляющим свои организационно-распорядительные полномочия (в понимании их Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (п. 4 ППВС РФ от 16.10.2009 № 19²)), на наш взгляд, будет являться достаточным основанием для признания его субъектом преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, особенно учитывая, что получаемое заключение (экспертиза) имеет статус официального документа и предполагает опосредованное наступление юридически значимых последствий.

Во-вторых, в целях унификации уголовной ответственности за коррупционные проявления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд считаем необходимым (возможным) в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.5 УК РФ, определить *эксперта либо уполномоченное лицо экспертной организации, с внесением соответствующих изменений в диспозицию чч. 1, 4 ст. 200.5 УК РФ*.

Кроме того, считаем необходимым в целях усиления уголовно-правовой защищенности лиц, выступающих в роли экспертов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности за *принуждение эксперта к даче заведомо ложного заключения* (по аналогии со ст. 309 УК РФ).

² К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии) // О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Чекмезова Е.И.** Некоторые вопросы применения норм об уголовной ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Т. 15. – № 4. – С. 453–455.
2. **Борков В.Н.** Новое понимание взяточничества: проблемы и решение // Уголовное право. – 2019. – № 1. – С. 9–16.
3. **Намнясева В.В., Борисов В.И.** Понятие подкупа и принуждения в составах преступлений, предусмотренных статьями 302 и 309 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 87.
4. **Коновалов В. А.** Особенности противодействия коррупции в законодательных органах власти Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 102–108.
5. **Белецкий И.А., Борков В.Н.** Квалификация получения взятки в виде скидки на товары, работы или услуги // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 467. – С. 231–234.
6. **Кашин О.В.** Об уголовной ответственности за подкуп свидетеля, потерпевшего, истца, эксперта, специалиста или переводчика // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 1. – С. 105–109.
7. **Павловская Н.В.** Ответственность за подкуп свидетелей и иных участников судопроизводства в Российской Федерации // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2017. – № 10. – С. 137–142.
8. **Борисов В.И.** Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2012. – 260 с.
9. **Михайлов В.И.** Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № 6. – С. 85–100.
10. **Зрелов А.П.** Обзор актуальных предложений по совершенствованию антикоррупционного законодательства // Гражданское право. – 2013. – № 8. – С. 71–73.

References

1. **Чекмезова Е.И.** Nekotorye voprosy primeneniya norm ob ugovolnoj otvetstvennosti za podkup rabotnika kontraktnoj sluzhby, kontraktного upravlyayushchego, chlena komissii po osushchestvleniyu zakupok // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. – 2018. – Т. 15. – № 4. – С. 453–455.
2. **Borkov V.N.** Novoe ponimanie vzyatochnichestva: problemy i reshenie // Uголовное право. – 2019. – № 1. – С. 9–16.
3. **Namnyaseva V.V., Borisov V.I.** Ponyatie podkupa i prinuzhdeniya v sostavah prestuplenij, predusmotrennykh stat'yami 302 i 309 Uголовного kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2011. – № 3. – С. 87.
4. **Konovалov V.A.** Osobennosti protivodejstviya korrupcii v zakonodatel'nyh organah vlasti Rossijskoj Federacii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 3. – С. 102–108.
5. **Beleckij I.A., Borkov V.N.** Kvalifikaciya polucheniya vzyatki v vide skidki na tovary, raboty ili uslugi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 467. – С. 231–234.
6. **Kashin O.V.** Ob ugovolnoj otvetstvennosti za podkup svidetelya, poterpevshego, istca, eksperta, specialista ili perevodchika // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2016. – № 1. – С. 105–109.
7. **Pavlovskaya N.V.** Otvetstvennost' za podkup svidetelej i inyh uchastnikov sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. – 2017. – № 10. – С. 137–142.
8. **Borisov V.I.** Problemy otvetstvennosti za podkup ili prinuzhdenie lica, dayushchego pokazaniya, eksperta, specialista i perevodchika v rossijskom ugovolnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. – Volgograd, 2012. – 260 s.
9. **Mihajlov V.I.** Kommercheskij podkup i vzyatochnichestvo: napravleniya razvitiya zakonodatel'stva // Lex Russica (Russkij zakon). – 2017. – № 6. – С. 85–100.
10. **Zrelov A.P.** Obzor aktual'nyh predlozhenij po sovershenstvovaniyu antikorrupcionnogo zakonodatel'stva // Grazhdanskoe pravo. – 2013. – № 8. – С. 71–73.

(статья сдана в редакцию 02.02.2023)

**ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ
ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ
РАССЛЕДОВАНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ
В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ**

**FEATURES OF ESTABLISHING CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT
CIRCUMSTANCES IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL
BANKRUPTCY IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX**

УДК 343.985.3

С.В. ПАХОМОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский юридический институт
МВД России,
Россия, Ростов-на-Дону)
svpakhomov@inbox.ru

SERGEY V. PAKHOMOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia)

Аннотация: автором рассматриваются некоторые вопросы учета следователем особенностей отраслевого правового регулирования общественных отношений, развивающихся в рамках процедур банкротства агропромышленных организаций, обуславливающих возникновение криминалистически значимой информации о преступлении, выражающейся в отражении признаков умышленного несоблюдения установленного порядка ведения финансово-хозяйственной деятельности, приведшего к возникновению уголовно наказуемых последствий. Осуществлению расследования преступлений, связанных с банкротствами, предшествуют гражданско-правовые отношения, порождающие экономические споры между субъектами агропромышленной деятельности, обуславливающие необходимость удовлетворения имущественных интересов кредиторов. Процедуры банкротства агропромышленных организаций отличны от аналогичных процедур банкротства иных юридических лиц, поэтому в рамках реализации установленных требований о банкротстве могут возникать предпосылки для совершения действий, нарушающих законные права кредиторов как со стороны должника и аффилированных с ним лиц, так и арбитражных управляющих, причиняя тем самым крупный материальный ущерб. Кроме того, на этапе судебного рассмотрения дел о банкротстве агропромышленных организаций судом в действиях участников экономического спора могут выявляться признаки преступлений, связанных с использованием подложных документов, а также с противоправными деяниями экономической направленности. Совокупность всех вышеуказанных особенностей подлежит оценке следователем, поскольку позволяет определить умышленность осуществления противоправных действий субъектами агропромышленной деятельности, создающих условия для достижения преступных целей.

Ключевые слова: преступления в сфере агропромышленного комплекса, криминальные банкротства агропромышленных предприятий, обстоятельства, подлежащие установлению.

Для цитирования: Пахомов С.В. Особенности установления криминалистически значимых обстоятельств при расследовании криминальных банкротств в агропромышленном комплексе // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 63–68.

Abstract: the author considers some issues of taking into account by the investigator the features of the sectoral legal regulation of public relations that develop within the framework of bankruptcy proceedings of agro-industrial organizations, causing the emergence of forensically significant information about a crime, expressed in the reflection of signs of deliberate non-compliance with the established procedure for conducting financial and economic activities, which led to the emergence of criminally punishable consequences. The investigation of crimes related to bankruptcy is preceded by civil law relations that give rise to economic disputes between the subjects of agro-industrial activity, which necessitate the satisfaction of the property interests of creditors. The bankruptcy procedures of agro-industrial organizations are different from similar bankruptcy procedures of other legal entities, therefore, as part of the implementation of the established bankruptcy requirements, prerequisites may arise for actions that violate the legal rights of creditors both on the part of the debtor and its affiliates, and arbitration managers, thereby causing major material damage. In addition, at the stage of judicial review of cases of bankruptcy of agro-industrial organizations by the court, the actions of participants in an economic dispute may reveal signs of crimes related to the use of forged documents, as well as illegal acts of an economic nature. The totality of all the above features is subject to assessment by the investigator, since it allows to determine the intent of the implementation of illegal actions by the subjects of agro-industrial activity, creating conditions for achieving criminal goals.

Keywords: crimes in the field of agro-industrial complex, criminal bankruptcies of agro-industrial enterprises, circumstances to be established.

For citation: Pakhomov S.V. Features of establishing criminalistically significant circumstances in the investigation of criminal bankruptcy in the agro-industrial complex // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 63–68.

Преступления, связанные с процедурами банкротства в сфере агропромышленного комплекса в правоприменительной деятельности, – явление распространенное. Проводимое нами исследование, в частности, анкетирование следователей органов внутренних дел и следственного комитета России (всего по специально разработанной анкете был проведен опрос 223 следователей), показало, что лидирующее место среди рассматриваемых преступлений занимают деяния, направленные на осуществление преднамеренного банкротства предприятий (ст. 196 УК РФ) агропромышленного комплекса (51,2% из числа опрошенных). В свою очередь, неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ) находятся в пределах 34,1% и 29,3% соответственно. Приведенные данные в целом соответствуют результатам, полученным при изучении нами судебной практики, путем анализа вступивших в силу приговоров судов, где триумvirат указанных деяний располагается в указанной последовательности.

Несмотря на то, что в общей системе преступлений, отнесенных нами к сфере агропромышленного комплекса [1, с. 32–41], криминальные банкротства составляют относительно небольшой процент, тем не менее по характеру вреда, причиняемого государству юридическими и физическими лицам, они находятся на ведущих позициях среди прочих преступных деяний, включенных в вышеуказанную систему. Однако репрезентативность полученных нами данных не отражает объективных количественных показателей, поскольку обосновано считается, что преступления, связанные с банкротствами в целом, и в сфере АПК в частности, обладают выраженным латентным характером [2].

Это обстоятельство обусловлено тем, что организации или физические лица (кредиторы) в первую очередь заинтересованы в получении денежной или вещной компенсации в рамках развития гражданско-правовых отношений между хозяйствующими субъектами; их цель – максимальное удовлетворение искового требования. Меры же уголовно-правового воздействия для них являются по большей части обременительными, разрешение гражданского иска в уголовном судопроизводстве не позволяет компенсировать ущерб посредством передачи кредитору (потерпевшему), например, движимого или недвижимого имущества должника, а в орбиту уголовного судопроизводства они вовлекаются в

силу различных обстоятельств и, в первую очередь, по причине совершения должником уголовно-наказуемых деяний, приведших к банкротству, сведения о которых установлены арбитражным судом, арбитражным управляющим и т. д.

На основании ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») банкротство – это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Сам по себе факт банкротства не образует уголовно-наказуемых последствий, так как институт банкротства функционирует в области гражданско-правовых отношений. Но умышленные действия (или бездействия) должника, руководителя должника или контролирующего лица должника, которые привели его к состоянию неплатежеспособности, а тем самым к неисполнению финансовых (и иных) обязательств перед кредиторами, что причинило им крупный ущерб, образуют соответствующий состав преступления. Именно поэтому часто в ходе рассмотрения экономических споров арбитражным судом в действиях участвующих в процессе лиц выявляются признаки преступлений [3; 4, с. 4–5].

К типичным признакам преступлений, возникающих при рассмотрении дел арбитражными судами, относятся прежде всего сведения, указывающие на фальсификацию какой-либо стороной процесса документов, отражающих недостоверные сведения (например, договоры, акты приема-передачи, счета-фактуры и пр.), подтверждающие проведение полностью или частично мнимых финансово-хозяйственных операций. Но могут быть выявлены и иные признаки преступлений, указывающие на преднамеренность действий по приведению предприятия к банкротству либо на создание условий для организации фиктивного банкротства (мошенничество, присвоение или растрата, коммерческий подкуп и др.). Во всех вышеуказанных ситуациях арбитражным судом после рассмотрения дела по существу и принятия судебного решения о банкротстве назначается отдельное заседание, на котором выносится частное определение в соответствии с ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ, а его копия направляется в орган предварительного расследования.

Признаки преднамеренного или фиктивного банкротства организации выявляются также и арбитражным управляющим в рамках соответствующих процедур в соответствии с Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855). В случае, если в заключении, подготовленном арбитражным управляющим о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, устанавливается факт причинения крупного ущерба, оно направляется в органы предварительного расследования.

Здесь важно отметить, что между действиями (бездействиями) должника и наступившими последствиями в виде причинения имущественного ущерба кредиторам должна прослеживаться причинно-следственная связь, а сами действия (бездействия) по своей направленности должны иметь умышленный характер, и умышленность действий должника должна предопределять причинение крупного ущерба кредиторам.

Таким образом, основанием для принятия процессуального решения следователем является частное определение суда или заключение арбитражного управляющего, содержащее сведения о признаках преступления. При этом судебный акт выносится уже после признания судом организации или физического лица банкротом, тогда как заключение, направленное в правоохранительный орган, отражает сведения о противоправности действий лица, которое еще банкротом не признано. Это обстоятельство предопределяет особенности проведения следователем предварительной проверки и принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Правоприменительная практика идет по пути, когда следователями в возбуждении уголовного дела о преступлениях, связанных с банкротствами, отказывается до момента, пока не будет вынесено судом решение о признании лица несостоятельным (банкротом) [5, с. 13]. Однако и при наличии такого решения возбуждению уголовного дела чаще всего предшествует проведение предварительной проверки.

Учет признания судом факта несостоятельности должника обусловлен спецификой развития общественных отношений в рамках протекания процедуры банкротства на всех его этапах, на которых должником могут быть устранены условия для дальнейшего признания его несостоятельности. Так, в соответствии с некоторыми положениями ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» вплоть до момента вынесения судом решения о признании лица банкротом кредитор и должник имеют возможность примириться либо последний может возместить причиненный кредиторам ущерб. При возникновении подобных обстоятельств отпадают правовые основания для проведения дальнейшей процедуры бан-

кротства. Следовательно, отсутствуют и предпосылки для уголовного преследования.

Пожалуй, необходимо высказать и еще одну причину, по которой уголовное преследование может осуществляться только после признания судом организации или физического лица банкротом. Речь идет об определении размера материального ущерба, причиненного неправомерными действиями должника как непосредственно организации-должнику, так и кредиторам в лице ее контрагентов. Несмотря на очевидность существующей проблемы, до настоящего времени нет единой методики определения такого ущерба, поскольку арбитражный управляющий и суд решают разные задачи и, соответственно, используют разные способы разрешения данного обстоятельства [6, с. 1074].

Так, в рамках судебного разбирательства суд выносит определение о назначении экспертизы в порядке, установленном ст. 82 АПК РФ. На основании п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» объектами экспертизы могут быть вещественные доказательства, документы, предметы, образцы для сравнительного исследования, пробы, материалы дела, по которому производится судебная экспертиза, а также сведения, содержащиеся в материалах, заверенные копии которых могут быть представлены эксперту на исследование. В части разрешения вопросов, связанных с определением ущерба, назначается оценочная экспертиза, в ходе производства которой, как правило, решаются две основные задачи, связанные с установлением стоимости сделок с имуществом и определением размера материальных последствий в результате завышения или занижения оценки материальных объектов и дальнейших сделок с ними [7, с. 36].

Арбитражный управляющий проводит оценку финансового состояния должника, его финансовую, хозяйственную и инвестиционную деятельность, положение на товарных и иных рынках для поиска путей вывода организации из кризисной ситуации и удовлетворения интересов кредиторов.

При проведении финансового анализа арбитражный управляющий, выступая как временный управляющий, использует результаты ежегодной инвентаризации, проводимой должником, как внешний (конкурсный) управляющий – результаты инвентаризации, которую он проводит при принятии в управление (ведение) имущества должника, как административный управляющий – результаты инвентаризации, проводимой должником в ходе процедуры финансового оздоровления, независимо от того, принимал ли он в ней участие (Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа (утв. постановлением Правительства Российской

Федерации от 25 июня 2003 г. № 367)). При этом не исключается возможность по личной инициативе арбитражного управляющего привлекать специалистов-оценщиков для разрешения определенных вопросов относительно рыночной стоимости объектов.

Таким образом, следователи, определяя размер причиненного ущерба, необходимого для принятия процессуального решения, руководствуются сведениями, отраженными в судебных актах, а также в заключениях арбитражных управляющих, в которых содержатся расчеты и обоснования вывода о признаках фиктивного банкротства; расчеты и обоснования вывода о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного банкротства с указанием сделок должника и действий (бездействия) органов управления должника, проанализированных арбитражным управляющим, а также сделок должника или действий (бездействия) органов управления должника, которые стали причиной или могли стать причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и (или) причинили реальный ущерб должнику в денежной форме, вместе с расчетом такого ущерба (при наличии возможности определить его величину).

Вместе с тем обстоятельства, установленные в ходе судебного рассмотрения или финансового анализа арбитражным управляющим, отраженные в материалах, направленных в правоохранительные органы, не исключают необходимости их оценки следователем как на этапе предварительной проверки, так и в рамках расследования. Поэтому одно из направлений деятельности следователя в данном аспекте связано с изучением особенностей правового регулирования отношений в области агропромышленной деятельности и порядка инициирования и проведения процедур банкротства агропромышленных организаций, поскольку, несмотря на схожесть таких процедур для всех юридических и физических лиц, существуют и некоторые особенности отраслевого характера. Эти особенности непосредственным образом влияют на возникновение криминалистически значимой информации о предмете преступного посягательства, потерпевших и преступниках, механизме совершения преступления и т. д.

Первая особенность обуславливается спецификой организации и осуществления агропромышленной деятельности предприятий или отдельных субъектов хозяйствования, которая выражается, например, в особенностях обращения земель сельскохозяйственного назначения, предопределяющих возникновение правосубъектности в части распоряжения землями, их отчуждением, передачей во временное пользование и пр. Кроме того, эти особенности проявляются в специфике функционирования имущественных комплексов, предопределенной их целевым назначением, ограничивающим задей-

ствование таких комплексов в иных отраслях хозяйственной деятельности. Наконец, циклы отраслевых (сельскохозяйственных) производственных процессов, связанных с сезонностью их осуществления, также оказывают влияние на особенности поступления (выбытия) материальных ценностей, денежных средств, выполнение работ и пр.

Вторая особенность обусловлена юридическими аспектами проведения процедур банкротства сельскохозяйственных организаций, а также крестьянско-фермерских хозяйств, предусмотренных отдельными положениями Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 177–179 и ст. 217–223 соответственно).

Например, на основании ч. 1 ст. 177 Закона к сельскохозяйственным организациям отнесены юридические лица, к основным видам деятельности которых относятся производство или производство и переработка сельхозпродукции. Поэтому если агропромышленная организация осуществляет деятельность, связанную исключительно с переработкой продукции (например, мясокомбинат, молокозавод, сахарный завод и т. д.), то специальный порядок проведения процедуры банкротства к таким организациям не применим.

Вытекающая из предыдущей третья особенность заключается в преимущественном праве продажи имущественных долей в праве общей собственности сельскохозяйственных организаций специальным субъектам, обладающим преимущественным правом их приобретения на основании ст. 250 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Законодательством определено, что организации или индивидуальные предприниматели, которые занимаются производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, обладают преимущественным правом выкупа имущества организаций или КФХ, реализуемого на стадии банкротства, при условии, что они владеют земельными участками, имеющими общую границу с земельными участками, подлежащими реализации. При этом объекты капитального строения на данных участках также реализуются с учетом вышеуказанных требований. Отметим, что не имеет значения, находятся ли прилегающие земельные участки у потенциального покупателя в собственности или он владеет ими на праве аренды.

Четвертая особенность обусловлена особым порядком продажи имущества и имущественных прав сельскохозяйственных организаций, который устанавливается ст. 179 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Данная норма направлена на исключение возможности злоупотребления арбитражным управляющим правом дробления единого имущественного комплекса (например, предприятия) без первоначального выставления его на торги единым

лотом и определения его окончательной стоимости по результатам данных торгов.

Поэтому анализ следователем порядка реализации имущества должника арбитражным управляющим является одной из задач установления криминалистически значимой информации.

Пятой особенностью является то, что преступления, связанные с банкротствами агропромышленных предприятий, совершаются специальными субъектами, которые наделены полномочиями единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющего организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях (прим. 1 к ст. 201 УК РФ) [8, с. 152].

Однако здесь важным обстоятельством, требующим установления, является, в личных интересах или в интересах третьих лиц указанные субъекты осуществляют неправомерные действия, приводящие организацию в состояние неплатежеспособности, направленные на препятствие формированию конкурсной массы из числа имущественных объектов организации и пр.

Здесь нами подмечена некоторая закономерность, выраженная в том, что осуществление действий руководителем организации, направленных на его преднамеренное банкротство, связано с удовлетворением не только личных интересов, но и интересов третьей стороны, заинтересованной либо в завладении ликвидными активами организации для последующей реализации по более высокой цене, присоединения имущества банкротящейся организации к активам собственных организаций, внесения имущества в качестве уставного фонда во вновь создаваемый организации и т. д. Поэтому типично то, что инициирование банкротства организации осуществляется по инициативе кредиторов, которые имеют перспективу первоочередного приобретения имущества должника по заниженной стоимости каждого актива.

В связи с этим следователю необходимо устанавливать непосредственную роль заинтересованной стороны в создании условий для приведения организации в состояние банкротства (оказывают мнимые услуги, участвуют в мнимых сделках купли-продажи и пр.)

Однако в правоприменительной практике нередки ситуации, когда при фактическом признании лица банкротом, и даже при наличии отдельных признаков, указывающих на преднамеренность осуществления ими неправомерных действий, на момент принятия процессуального решения нет достаточных оснований возбудить уголовное дело по признакам преступлений, связанных с банкротствами. Поэтому довольно типичны примеры, когда

следователи выносят постановления о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений, которые схожи с точки зрения объективной стороны с преступлениями, связанными с банкротствами. К таким преступлениям, как правило, относятся деяния, подпадающие под действие ст. 160 УК РФ – присвоение или растрата, ст. 201 УК РФ – злоупотребление полномочиями, 204 УК РФ – коммерческий подкуп, ст. 199.2 УК РФ – сокрытие денежных средств, за счет которых должно осуществляться взыскание налоговой задолженности [9, с. 178].

В свою очередь фиктивные банкротства инициируются руководителями организации или индивидуальными предпринимателями исходя из собственных корыстных интересов, например, с целью уклонения от исполнения обязательств перед контрагентами, перед бюджетами и пр. При этом должник способен удовлетворить все требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) об уплате обязательных платежей без существенного осложнения или прекращения хозяйственной деятельности.

Независимо от того, какое преступление, связанное с процедурами банкротства, совершается, важно то, что выбор способа их совершения и сокрытия опосредуется созданием видимости совершения законной финансово-хозяйственной деятельности путем искажения учетно-отчетных показателей, выполнения мнимых хозяйственных операций [10, с. 153–154]. Поэтому задача следователя заключается в умелом соотношении отраженных в следовой картине действий, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием преступления с правовым порядком осуществления финансово-хозяйственной агропромышленной деятельности, а также условиями инициирования и проведения процедур банкротства как меры обеспечения законных прав и экономических интересов кредиторов.

Таким образом, преступления, связанные с процедурами банкротства, совершаемые в сфере агропромышленного комплекса, характеризуются рядом криминалистически значимых признаков, характерных для всех видов преступлений рассматриваемой категории, которые необходимо устанавливать следователю в ходе их раскрытия и расследования:

- какие недостоверные сведения, внесенные в финансово-хозяйственные документы, или какие подложные по форме документы использовались в целях совершения преступлений;

- осуществлялась ли деятельность преступника в личных интересах или в интересах третьих лиц, какова роль преступника в осуществлении неправомерных умышленных действий, направленных на приведение предприятия в состояние неплатежеспособности (ложной неплатежеспособности) или сокрытие имущественных ценностей для включения в конкурсную массу;

- каков каждый временной этап совершения умышленных действий по приведению предприятия в состояние неплатежеспособности, отчуждению или сокрытию имущества (и прочее), и как он отражается в следовой картине;

- какие положения нормативных правовых актов, регулирующих процедуру банкротства агропромышленной организации, были нарушены, что привело к созданию благоприятных условий для совершения преступления.

Литература

1. **Пахомов С.В.** Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере агропромышленного комплекса и их криминалистическая классификация // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – № 1 (88). – 2019. – С. 32–41.
2. **Гаврилова Н.А.** Методика расследования преднамеренных банкротств: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 238 с.
3. **Поплаухина Т.Д.** Фиктивные банкротства как экономические последствия коррупции // Молодой ученый. – 2016. – № 27 (131). – С. 479–482.
4. **Кряжев В.С., Прошутинская Е.П.** Отдельные вопросы расследования преднамеренного банкротства // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 91–97.
5. **Глушков Е.Л., Максименко А.В.** Некоторые проблемы в оперативной и следственной деятельности при выявлении и расследовании криминальных банкротств предприятий (организаций) // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2022. – № 1. – С. 11–15.
6. **Балабушок К.В.** Некоторые особенности расследования преднамеренного банкротства // Синергия наук. – 218. – № 30. – С. 1071–1075.
7. **Климович Л.П.** Научные основы современной судебной экономической экспертизы: монография. – Москва: Проспект, 2014. – 144 с.
8. **Ключихин В.А., Русанов М.С.** Уголовно-правовые и криминалистические вопросы расследования фиктивного банкротства // Systems and management. – 2019. – Т. 1. – № 3. – С. 150–158.
9. **Сафонов Г.И., Коновалова И.О.** Современные перспективы расследования и раскрытия криминальных банкротств // Общественное знание и социальная психология. – 2022. – № 11 (41). – С. 177–181.
10. **Сочнева Е.Н., Шадаева В.Т.** Финансово-экономический анализ как инструмент проведения судебной экспертизы при расследовании случаев преднамеренного банкротства юридических лиц // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2018. – № 1 (7). – С. 150–160.

References

1. **Paخomov S.V.** Ugolovno-pravovaya harakteristika prestuplenij v sfere agropromyshlennogo kompleksa i ih kriminalisticheskaya klassifikaciya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – № 1 (88). – 2019. – S. 32–41.
2. **Gavrilova N.A.** Metodika rassledovaniya prednamerennyh bankrotstv: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2017. – 238 s.
3. **Poplauhina T.D.** Fiktivnye bankrotstva kak ekonomicheskie posledstviya korrupcii // Molodoy uchenyj. – 2016. – № 27 (131). – S. 479–482.
4. **Kryazhev V.S., Proshutinskaya E.P.** Otdel'nye voprosy rassledovaniya prednamerennogo bankrotstva // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process. – 2017. – № 4. – S. 91–97.
5. **Glushkov E.L., Maksimenko A.V.** Nekotorye problemy v operativnoj i sledstvennoj deyatelnosti pri vyyavlenii i rassledovanii kriminal'nyh bankrotstv predpriyatij (organizacij) // Problemy pravoohranitel'noj deyatelnosti. – 2022. – № 1. – S. 11–15.
6. **Balabuyuk K.V.** Nekotorye osobennosti rassledovaniya prednamerennogo bankrotstva // Sinergiya nauk. – 218. – № 30. – S. 1071–1075.
7. **Klimovich L.P.** Nauchnye osnovy sovremennoj sudebnoj ekonomicheskoy ekspertizy: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2014. – 144 s.
8. **Klyuchihin V.A., Rusanov M.S.** Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie voprosy rassledovaniya fiktivnogo bankrotstva // Systems and management. – 2019. – T. 1. – № 3. – S. 150–158.
9. **Safonov G.I., Konovalova I.O.** Sovremennye perspektivy rassledovaniya i raskrytiya kriminal'nyh bankrotstv // Obshchestvoznaniye i social'naya psihologiya. – 2022. – № 11 (41). – S. 177–181.
10. **Sochneva E.N., Shadaeva V.T.** Finansovo-ekonomicheskij analiz kak instrument provedeniya sudebnoj ekspertizy pri rassledovanii sluchaev prednamerennogo bankrotstva yuridicheskikh lic // Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal. – 2018. – № 1 (7). – S. 150–160.

(статья сдана в редакцию 14.02.2023)

ГЕНЕЗИС И НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА КРИМИНАЛИСТИКИ

GENESIS AND SOME MODERN TRENDS IN THE FORMATION OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF CRIMINOLOGY

УДК 343.9

А.А. СВЕТЛИЧНЫЙ,
кандидат юридических наук, доцент
(Тульский государственный университет,
Россия, Тула)
alexandrsvetl@rambler.ru

ALEXANDER A. SVETLICHNY,
Candidate of Law, Associate Professor
(Tula State University,
Tula, Russia)

Аннотация: статья посвящена анализу особенностей формирования и развития терминологического аппарата криминалистики. Данный вопрос представляется весьма актуальным, так как сформированность понятийно-терминологического аппарата науки является одним из показателей, характеризующих ее качественное состояние на текущий момент времени.

Исследование в ретроспективе показало, что терминологический аппарат криминалистики развивался и совершенствовался параллельно со всей наукой в целом, при этом в работе автор акцентирует внимание на влияние на процесс формирования терминологии криминалистики не только тех наук, в рамках которых она изначально развивалась (уголовный сыск, уголовный процесс и уголовный розыск), но и множества естественных, технических, экономических и общественных наук, достижения которых криминалистика в себе успешно сочетает.

Цель работы заключается в анализе генезиса терминологического аппарата криминалистики, исследовании современной терминологической системы криминалистики. Для этого автором рассматриваются происходящие в этой системе процессы, выделяются и описываются различные категориальные модели данной науки, обозначаются некоторые проблемы в данной сфере, например, приводятся примеры, когда термин в криминалистике не соответствует понятию, что вызывает разногласия в теории науки и приводит к недопониманию среди субъектов правоприменительной деятельности.

Делается вывод о том, что понятия криминалистики образуют сложную, многоуровневую, целостную систему, а обозначенные особенности формирования терминологического аппарата криминалистики обуславливают необходимость стремления к системности, единообразию и однозначности восприятия всеми субъектами всех используемых терминов как в теории, так и на практике, что будет способствовать взаимопониманию и повышению эффективности их взаимодействия. Особенно важно это в рамках единого терминологического пространства, образуемого всеми науками уголовно-правового блока, предполагающего выработку унифицированного подхода ко всем элементам терминологического аппарата, который в нем используется.

Ключевые слова: криминалистика, термины, терминологический аппарат, терминология, криминалистическое терминоведение, уголовно-правовые науки, категориальные модели, единое терминологическое пространство.

Для цитирования: Светличный А.А. Генезис и некоторые современные тенденции формирования терминологического аппарата криминалистики // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 69–74.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the peculiarities of the formation and development of the terminological apparatus of criminology. This question seems to be very relevant, since the formation of the conceptual and terminological apparatus of science is one of the indicators characterizing its qualitative state at the current time.

The study in retrospect showed that the terminological apparatus of criminalistics developed and improved in parallel with the whole science, while in the work the author focuses on the influence on the process of forming the terminology of criminalistics not only of those sciences within which it was originally developed (criminal investigation, criminal procedure and criminal investigation), but also a variety of natural, technical, economic and social sciences, the achievements of which criminology successfully combines.

The purpose of the work is to analyze the genesis of the terminological apparatus of criminology, the study of the modern terminological system of criminology. To do this, the author examines the processes taking place in this system, identifies and describes various categorical models of this science, identifies some problems in this area, for example, provides examples when the term in criminology does not correspond to the concept, which causes disagreement in the theory of science and leads to misunderstanding among the subjects of law enforcement.

It is concluded that the concepts of criminology form a complex, multilevel, integral system, and the designated features of the formation of the terminological apparatus of criminology necessitate the desire for consistency, uniformity and unambiguity of perception by all subjects of all terms used both in theory and in practice, which will contribute to mutual understanding and increase the effectiveness of their interaction. This is especially important within the framework of a single terminological space formed by all the sciences of the criminal law block, which involves the development of a unified approach to all elements of the terminological apparatus that is used in it.

Keywords: criminalistics, terms, terminological apparatus, terminology, criminalistic terminology, criminal law sciences, categorical models, unified terminological space.

For citation: Svetlichny A.A. Genesis and some modern trends in the formation of the terminological apparatus of criminology // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 69–74.

Язык как средство взаимодействия субъектов и инструмент накопления и передачи информации появился существенно раньше начала периода формирования научной области знания. Произошло это более 600 тыс. лет назад. С той поры, находясь в постоянном развитии, он воплотил в себе многие аспекты человеческого бытия и сознания, следовательно, вопросы о его значении и сущности затрагивают глобальные философские проблемы познания.

Своеобразным инструментом приобретения, хранения, воспроизводства и передачи специальной информации выступают термины, образующие в своей совокупности особую систему языкового выражения специальных понятий (терминологию).

Согласимся с позицией ученых о том, что «каждая наука имеет свои терминологию и понятийно-категориальный аппарат, усвоение и пользование которым является свидетельством профессионализма в той или иной области знания» [1, с. 20; 2, с. 101]. В то же время «сформированность понятийно-терминологического аппарата науки является одним из показателей, характеризующих ее качественное состояние на текущий момент времени» [3, с. 178]. Не является исключением и криминалистическая наука, также обладающая своей «системой понятий и их определений, а также обозначающих их терминов и знаков» [4, с. 43], в совокупности именуемых языком криминалистики.

Важность и актуальность проблемных аспектов терминологического аппарата криминалистики подчеркивается повышенным вниманием ученых к данному вопросу. Так, например, отдельным проблемам в этой области были посвящены публикации Т.В. Аверьяновой, О.Я. Баева, А.Р. Белкина, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Т.С. Волчецкой, А.Ю. Головина, Е.А. Зайцевой, А.М. Зинина, Н.П. Майлис, Е.Р. Россинской, А.А. Эйсмана, Н.П. Яблокова и других ученых.

В настоящее время в научной среде позиция о том, что криминалистика, обладая своим предметом и объектом исследования, является самостоятельной областью знания, занимает доминирующее положение, но, с другой стороны, мы не можем оспорить тот факт, что развитие она получила на базе и под непосредственным влиянием и воздействием иных различных наук уголовно-правового цикла, в частности, уголовного права, уголовно-процессуального права и др. Из этого вполне логично следует тот факт, что формирование и развитие криминалистической терминологии напрямую связано с терминологическим аппаратом этих базовых наук уголовно-правового блока. Поэтому и имеющиеся терминологические противоречия и ряд неурегулированных дискуссионных вопросов в системе терминологического аппарата, например, уголовного или уголовно-процессуального права, вызывает определенные сложности и в терминологической системе криминалистики.

Как следует из анализа исторических научных трудов о становлении криминалистики как самостоятельной науки [5, с. 43; 6, с. 496; 7, с. 140; 8, с. 153; 9, с. 131], ее терминологический аппарат развивался и совершенствовался параллельно со всей наукой в целом. Однако здесь следует особо отметить, что на процесс ее формирования существенное влияние оказали те науки, в рамках которых она изначально развивалась, т.е. уголовный сыск, а в дальнейшем уголовный процесс и уголовный розыск. Поэтому до сего времени возникают терминологические проблемы в отношении, например, одной из частных теорий криминалистики – криминалистического учения о розыске. Так, в начале XX века (1926–1929 гг.) некоторые ученые рассуждали о том, что розыск преступника, преследование и его задержание, а также розыск предметов, добытых преступным путем, относится исключительно к проблемам уголовной (криминалистической) тактики [10, с. 46–50].

В этой связи И.Н. Якимов полагал, что «розыскное искусство должно быть отнесено к числу труднейших искусств, так как оно своим объектом имеет не мертвый материал..., а человека. В этом отношении оно ближе к военному искусству, так как и то, и другое имеют дело с живым человеком и опираются на психологию как отдельной личности, так и масс» [10, с. 43].

Подобную точку зрения разделяли В.И. Громов, П.П. Михеев, Н.Н. Семенов, понимая под розыском деятельность по расследованию и раскрытию преступлений в целом и полагая, что следователь (дознатель), т.е. организатор, более заинтересован в раскрытии преступления, нежели «исполнитель поручений и директив, диктуемых чужой волей» [11, с. 20–21; 12, с. 6]. Лишь в 1939 году Б.М. Шавером и С.А. Голунским в литературе упоминается термин «оперативно-розыскные действия», обозначающий комплекс негласных действий органов дознания по расследованию преступлений [13, с. 26].

Только в 1949 году А.И. Винбергом и Б.М. Шавером впервые была предпринята попытка оставить за криминалистикой только решение вопросов по розыску известного преступника и похищенных ценностей [14, с. 162, 215]. В этом же году Н.В. Терзиевым введено понятие «розыск без вести пропавших» [15, с. 182–184].

На качественно ином уровне к пониманию глубинных процессов розыскной деятельности в криминалистике подошел М.П. Шаламов, который первым установил, что розыскные действия в процессе расследования преступления – это «обычные следственные действия: осмотры, обыски, допросы, и др., производимые с целью розыска, а также оперативно-розыскные мероприятия, ... которые должны не чередоваться, а представлять собой единый, согласованный, проводимый одновременно процесс активного, не ослабевающего от начала до конца поиска» [16, с. 328–329], т.е. предложил рассматривать следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия как систему действий по раскрытию преступлений. В 1963 году А.Н. Колесниченко введен термин «розыскные действия следователя» [17, с. 352].

На обозначенном примере хорошо видно, как появившийся термин «розыскная деятельность следователя» прошел длительный путь развития (с 1926 года вплоть до 70-х годов прошлого столетия), приобретая те или иные стороны или оттенки в зависимости от эволюционных поворотов формирования области знания о раскрытии и расследовании преступлений. Примечательно, что разработка отдельных теоретических положений в данном направлении продолжается и в настоящее время [18, с. 23].

Анализ современной терминологической системы криминалистики показывает, что ее формиро-

вание происходило на основе различных источников: слов и словосочетаний, образованных на основе греколатинских терминологических элементов (дактилоскопия, габитоскопия, одорология, пороскопия, полиграф, фоноскопия, гомеоскопия и др.); лексических единиц, заимствованных русским языком из иностранных языков (например, криминалистическая диагностика, криминалистическая тактика, криминалистически значимая информация); словесных единиц русского происхождения (например, раскрытие преступления – установление, преследование и задержание лица, совершившего преступление; «по горячим следам»; задержание с поличным; установление целого по его частям; пояска обтирания).

Отметим, что, на наш взгляд, современный русский литературный язык обладает с точки зрения понятийного аппарата криминалистики такой особенностью, что у одного слова (словосочетания) наличествует несколько значений, то есть большинство слов полисемантические, тогда как термин должен точно обозначать то или иное понятие в науке. Однако это совсем не влияет на формулировку определений понятий. «Неоднозначность, неопределенность пояснений и, как следствие, неверное понимание читателем сформулированной ученым мысли – отнюдь не результат использования в языке научного языка естественного, а наоборот, показатель слабого владения русским литературным языком», – отмечает Е.С. Лапин [19, с. 21].

С конца 50-х гг. прошлого века терминологическая система криминалистики переживает этап ускоренного развития, о чем свидетельствует, с одной стороны, появление новых терминов (например, криминалистическая ситуалогия, криминалистическая дерматоглифика, ядерная криминалистика), с другой стороны, замена имеющихся терминов на другие (с удержанием прежнего значения термина, его смысла) (например, графическая экспертиза – почерковедческая экспертиза; акт эксперта – заключение эксперта; трасеология – трасология; следственная тактика – криминалистическая тактика; судебная версия – следственная версия – криминалистическая версия; одорология – ольфактроника; микрочастицы – микрообъекты – микроследы; криминалистическая взрывотехника – криминалистическое взрывоведение; криминалистическое оружейное дело; уголовная регистрация – криминалистическая регистрация). Заметим, что появление новых направлений в криминалистике служило всякий раз толчком к развитию языка криминалистики [20, с. 17]. При этом, как справедливо отмечают ученые, появление нового категориального аппарата связано не только с научно-техническим прогрессом, но и с расширением и развитием собственно криминалистического научного знания, что, в свою очередь, доказывает

нам о непрекращающемся развитии криминалистики [21, с. 535; 22, с. 12].

Также происходит процесс унификации (приведение к единообразию) терминологии [23, с. 26], который связан, прежде всего, с сокращением числа терминов, обозначающих один и тот же объект (например, винтовка с укороченным стволом обозначалась и как «обрез», и как «отрез»; проверка показаний на месте в качестве самостоятельного следственного действия именовалась в литературе и следственной практике «выходом на место», «воспроизведением показаний на месте», «проверкой и уточнением показаний на месте», «проверкой показаний на месте»).

Не вызывает сомнений, что понятия криминалистики образуют сложную, многоуровневую, целостную систему. В терминологии криминалистики можно выделить различные категориальные модели, например, предельно общие, не обобщаемые далее в рамках данной науки понятия, например, след преступления, криминалистическая рекомендация, способ преступления. Данная модель включает другие понятия, находящиеся в отношении подчинения. Так, категория «способ преступления» включает в себя «способ подготовки преступления», «способ совершения преступления» и «способ сокрытия преступления».

Основываясь на философии и работах основателей учения о языке криминалистики Р.С. Белкина и Н.А. Селиванова, категории криминалистики можно разделить по их происхождению на: внешние – заимствованные (например, молекулярно-генетическая индивидуализация) и внутренние – разработанные в рамках науки криминалистики (например, «полевая криминалистика», «штанцмарка», феномен «Виноградова»).

Как справедливо отметил Е.А. Прянишников, «в соответствии с законами диалектического материализма важнейшим является свойство единства: явление действительности – понятие – термин» [24, с. 114]. Суть данной концепции заключается в том, что основным, определяющим и первичным в нем будет явление действительности. Понятие в этой системе выступает в качестве отражения такого явления в сознании людей, в то время как термин служит словесным выражением понятия. Вполне логично, что спустя определенный промежуток времени различная изменчивость элементов какого-то единства способствует образованию между ними противоречия и несоответствия. Следовательно, возникает потребность в ликвидации указанных противоречий.

Приведем примеры, когда термин в криминалистике не соответствует понятию.

Так, авторы некоторых учебников по криминалистике продолжают включать в число криминалистических версий следственные,

судебные, оперативно-розыскные и экспертные [25, с. 155–156; 26, с. 155–156]. Однако в настоящее время для криминалистики актуальными можно считать только первые две – следственные (включая дознание) и судебные, поскольку две последние являются предметом рассмотрения отдельных, самостоятельных наук – теории оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертологии.

В качестве другого примера представим многим хорошо известный термин «признательные показания». Согласно словарям русского языка слово «признательный» означает испытывающий признательность кому-либо, благодарный, выражающий признательность [27, с. 591]. Поэтому очевиден вывод о некорректности словосочетания «признательные показания». Между тем оно прочно вошло в лексику современного юридического языка, хотя и относительно недавно стало употребительным в научной литературе и документах правоприменительной практики. Оно не вызывает теперь никаких возражений, поскольку не нуждается в особом объяснении, отражая тот факт, что во время допроса лицо (допрашиваемый) признало себя виновным и подробно описало обстоятельства совершения преступления. К тому же слова «признание» и «признательный» однокоренные. Как нам удалось выяснить, изначально используемый термин «сознательные» на термин «признательные» стал заменяться в указанном выражении с середины 1930-х гг. И при этом использовались они не в прямом, а в переносном смысле. Так, в учебнике по криминалистике 1935 г. отмечено: «Сознание дается обвиняемым по разным побуждениям, иногда из раскаяния («чистосердечное признание»)…» [28, с. 203]. Окончательное вытеснение слова «сознание» словом «признание» произошло в 1940-х годах. Например, в первом послевоенном учебнике по криминалистике, в главе, посвященной допросу, Б.М. Шавер пишет: «Одной из наиболее распространенных ошибок является именно то, что получив признание обвиняемого, следователи считают свою задачу выполненной... Отказ обвиняемого от признания своей вины или признание себя виновным не должны являться основанием для прекращения работы над делом... Следователь обязан, вне зависимости от признания или отрицания вины обвиняемым, допросить его по поводу каждого пункта предъявленного обвинения» [29, с. 127].

Нам представляется, что в естественном литературном языке выражение «признательные показания», устоявшись, стало фразеологическим выражением, имеющим свое особое юридическое толкование.

Также особо отметим, что одними из наиболее значимых и масштабных изменений за последние

годы в нашем обществе можно считать интенсивное развитие информационных технологий, их внедрение во все сферы социальных, производственных и иных отношений, что существенным образом отразилось и на используемой как в науке, так и в сфере правоприменительной деятельности терминологии, в том числе, криминалистической. На наш взгляд, в ряде случаев это привело к необоснованному внедрению в научный, юридический язык компьютерного жаргона. Кроме того, в научной литературе обосновываются даже попытки переименования науки, вводятся такие термины, как «цифровая криминалистика», «компьютерная криминалистика», «электронная криминалистика», «киберкриминалистика» и прочие «криминалистики», что, на наш взгляд, только лишь вносит путаницу не только в теорию, но и в сферу правоприменительной деятельности. Полагаем, что появление новых технологий должно служить лишь инструментом, открывать новые возможности в криминалистической технике, тактике, а не служить основанием для пересмотра фундаментальных положений науки, тем более, корректировать ее название. Появятся новые технологии и снова переименуем науку?

Таким образом, формирование терминологического аппарата криминалистики представляет собой длительный и сложный процесс, происходящий под влиянием не только ряда наук уголовно-правового блока, но и множества естествен-

ных, технических, экономических и общественных наук, достижения которых криминалистика в себе успешно сочетает. При этом данный процесс, учитывая постоянные новые открытия во всех этих науках, которые берет на свое вооружение криминалистика, достаточно активно протекает и в настоящее время.

Обозначенные особенности формирования терминологического аппарата криминалистики обуславливают необходимость стремления к системности, единообразию и однозначности восприятия всеми субъектами всех используемых терминов как в теории, так и на практике, что будет способствовать взаимопониманию и повышению эффективности их взаимодействия. Особенно важно это в рамках единого терминологического пространства, образуемого всеми науками уголовно-правового блока, предполагающего выработку унифицированного подхода ко всем элементам терминологического аппарата, который в нем используется. Это тоже является достаточно серьезной проблемой, вызывает трудности не только в теории, но и в правоприменительной практике и требует повышенного внимания со стороны ученых для анализа и обсуждения этих вопросов, поиска соответствующих путей решения, так как в настоящий момент далеко не все используемые термины одинаково трактуются и воспринимаются не только в рамках одной дисциплины, но и, тем более, на образующем междисциплинарном пространстве.

Литература

1. **Павленок П.Д.** О понятийно-категориальном аппарате социологии // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 19–24.
2. **Саламатов А.А.** Проектирование понятийно-категориального аппарата диссертационного исследования // Педагогическое образование и наука. – 2012. – № 12. – С. 100–103.
3. **Берестнев М.А.** Криминалистическая характеристика преступления: терминологические подходы, содержания понятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3–2. – С. 176–185.
4. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – Москва: НОРМА, 2001. – 990 с.
5. **Сорокун П.В., Журавлева О.С.** История развития криминалистики в России // Эпоха науки. – 2018. – № 13. – С. 40–44.
6. **Белкин Р.С.** История отечественной криминалистики. – Москва: Норма, 1999. – 496 с.
7. **Никифоров В.Г.** История развития криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С. 140–141.
8. **Чельшеев А.И.** История становления отечественной криминалистики // Вестник Владимирского юридического института. – 2006. – № 1. – С. 152–155.
9. **Витовцова Н.И.** История развития методологии криминалистики // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 130–133.
10. **Якимов И.Н.** Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. – Москва: ЛексЭст, 2003. – 496 с.
11. **Громов В.И.** Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места преступления. – Москва: ЛексЭст, 2003. – 544 с.
12. Криминалистика: Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы в вопросах и ответах: пособие для внешкольной подготовки сотрудников уголовно-розыскных учреждений / П.П. Михеев, Н.Н. Семенов. – Москва: Авторск. изд., 1926. – 72 с.
13. **Голунский С.А., Шавер Б.М.** Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебник / под ред. А.Я. Вышинского. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 372 с.
14. **Винберг А.И., Шавер Б.М.** Криминалистика: учебник. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: Госюриздат, 1949. – 272 с.
15. Настольная книга следователя / Александров Г.Н., Апуринов А.И., Арзуманян Т.М. и др. / под общ. ред.: Г.Н. Сафонова; редкол.: Розенблит С.Я., Тарасов-Родионов П.И., Шейнин Л.Р. – Москва: Госюриздат, 1949. – 879 с.
16. Криминалистика: учебник / Васильев А.Н., Винберг А.И., Голунский С.А. и др.; отв. ред.: С.А. Голунский. – Москва: Госюриздат, 1959. – 512 с.
17. Криминалистика: учебник / Белкин Р.С., Зотов Б.Л., Карнеева Л.М. и др.; отв. ред.: С.П. Митричев, М.П. Шаламов. – Москва: Юрид. лит., 1963. – 544 с.
18. **Гармаев Ю.П.** Алгоритм проверки результатов оперативно-розыскной деятельности следователем, прокурором (взгляд криминалиста) // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – Вып. 1. – С. 23–32.

19. **Лапин Е.С.** О языке науки криминалистики // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 1 (9). – С. 18–24
20. **Малютина О.А.** Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. – 205 с.
21. **Балалаева М.В.** Теоретические вопросы криминалистической экспертологии и практические аспекты ее реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 535–537.
22. **Белицкий В.Ю.** Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 1. (13). – С. 9–15.
23. **Россинская Е.Р.** Криминалистика: курс лекций. – Москва: Норма, 2003. – 431 с.
24. **Прянишников Е.А.** Единство «явление-понятие-термин» и его значение для законодательства // Советское государство и право. – Москва: Наука, 1971. – № 2. – С. 114–117.
25. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2013. – 971 с.
26. Криминалистика: учебник: в 2-х т. / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. Следственный комитет Российской Федерации. – Москва: Экзамен, 2014. – Т. 1. – 2014. – 559 с.
27. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 938 с.
28. Криминалистика: учебник для слушателей правовых вузов: в 2-х кн. / под ред. А. Я. Вышинского; Научно-исследовательский институт уголовной политики при прокуратуре Союза ССР, Верховном Суде СССР и НКЮ РСФСР. – Москва: Советское законодательство, 1935. Кн. I: Техника и тактика расследования преступлений. – 272 с.
29. **Шавер Б.М., Винберг А.И.** Криминалистика: учебник. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 200 с.

References

1. **Pavlenok P.D.** O ponyatijno-kategorial'nom apparate sociologii // Sociologicheskie issledovaniya. – 2003. – № 4. – С. 19–24.
2. **Salamatov A.A.** Proektirovanie ponyatijno-kategorial'nogo apparata dissertatsionnogo issledovaniya // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. – 2012. – № 12. – С. 100–103.
3. **Berestnev M.A.** Kriminalisticheskaya karakteristika prestupleniya: terminologicheskie podhody, sodержaniya ponyatiya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2016. – № 3–2. – С. 176–185.
4. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – Москва: NORMA, 2001. – 990 с.
5. **Sorokun P.V., Zhuravleva O.S.** Istoriya razvitiya kriminalistiki v Rossii // Epoha nauki. – 2018. – № 13. – С. 40–44.
6. **Belkin R.S.** Istoriya otechestvennoj kriminalistiki. – Moskva: Norma, 1999. – 496 s.
7. **Nikiforov V.G.** Istoriya razvitiya kriminalistiki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2010. – № 4. – С. 140–141.
8. **Chelyshev A.I.** Istoriya stanovleniya otechestvennoj kriminalistiki // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. – 2006. – № 1. – С. 152–155.
9. **Vytovtova N.I.** Istoriya razvitiya metodologii kriminalistiki // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – № 3. – С. 130–133.
10. **Yakimov I.N.** Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovolnoj tekhnike i taktike. Novoe izdanie, perepechatannoe s izdaniya 1925 g. – Moskva: LeksEst, 2003. – 496 s.
11. **Gromov V.I.** Doznanie i predvaritel'noe sledstvie. Metodika rassledovaniya prestuplenij. Osmotr mesta prestupleniya. – Moskva: LeksEst, 2003. – 544 s.
12. Криминалистика: Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы в вопросах и ответах: пособие для внешкольной подготовки сотрудников уголовно-розыскных учреждений / П.П. Мишев, Н.Н. Семенов. – Москва: Автorsk. изд., 1926. – 72 с.
13. **Golunskij S.A., Shaver B.M.** Kriminalistika. Metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenij: uchebnik / pod red. A.Ya. Vyshinskogo. – Moskva: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1939. – 372 s.
14. **Vinberg A.I., Shaver B.M.** Kriminalistika: uchebnik. – 3-e izd., dop. i pererab. – Moskva: Gosyurizdat, 1949. – 272 s.
15. Nastol'naya kniga sledovatelya / Aleksandrov G.N., Apurin A.I., Arzumanyan T.M. i dr. / pod obshch. red.: G.N. Safonova; redkol.: Rozenblit S.Ya., Tarasov-Rodionov P.I., Shejin L.R. – Moskva: Gosyurizdat, 1949. – 879 s.
16. Криминалистика: учебник / Vasil'ev A.N., Vinberg A.I., Golunskij S.A. i dr.; otv. red.: S.A. Golunskij. – Moskva: Gosyurizdat, 1959. – 512 с.
17. Криминалистика: учебник / Belkin R.S., Zotov B.L., Karneeva L.M. i dr.; otv. red.: S.P. Mitrichev, M.P. Shalamov. – Moskva: Yurid. lit., 1963. – 544 с.
18. **Garmaev Yu.P.** Algoritm proverki rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti sledovatelyem, prokurorom (vzglyad kriminalista) // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2022. – Vyp. 1. – С. 23–32.
19. **Лапин Е.С.** О языке науки криминалистики // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 1 (9). – С. 18–24
20. **Малютина О.А.** Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. – 205 с.
21. **Балалаева М.В.** Теоретические вопросы криминалистической экспертологии и практические аспекты ее реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 535–537.
22. **Белицкий В.Ю.** Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 1. (13). – С. 9–15.
23. **Россинская Е.Р.** Криминалистика: курс лекций. – Москва: Норма, 2003. – 431 с.
24. **Прянишников Е.А.** Единство «явление-понятие-термин» и его значение для законодательства // Советское государство и право. – Москва: Наука, 1971. – № 2. – С. 114–117.
25. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2013. – 971 с.
26. Криминалистика: учебник: в 2-х т. / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. Следственный комитет Российской Федерации. – Москва: Экзамен, 2014. – Т. 1. – 2014. – 559 с.
27. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 938 с.
28. Криминалистика: учебник для слушателей правовых вузов: в 2-х кн. / под ред. А. Я. Вышинского; Научно-исследовательский институт уголовной политики при прокуратуре Союза ССР, Верховном Суде СССР и НКЮ РСФСР. – Москва: Советское законодательство, 1935. Кн. I: Техника и тактика расследования преступлений. – 272 с.
29. **Шавер Б.М., Винберг А.И.** Криминалистика: учебник. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 200 с.

(статья сдана в редакцию 18.06.2022)

**ВИДЕОЗАПИСЬ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ
ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

**VIDEO RECORDING AS AN ADDITIONAL WAY OF
RECORDING THE PROGRESS AND RESULTS OF AN
INVESTIGATIVE EXPERIMENT: ORGANIZATIONAL AND
SUBSTANTIVE ASPECTS**

УДК 343.98

А.Б. СОКОЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
Andrey.perm@mail.ru

ANDREJ B. SOKOLOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy of the Interior,
Omsk, Russia)

М.М. ГОРШКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
gmm245@mail.ru

MIKHAIL M. GORSHKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy of the Interior,
Omsk, Russia)

Аннотация: в статье анализируются организационный и содержательный аспекты видеозаписи хода и результатов следственного эксперимента. Авторы на основе результатов проведенного исследования приходят к выводу о неоднозначном подходе к существенному пониманию целесообразности применения видеозаписи при производстве следственного эксперимента. Определено, что законодатель акцентирует внимание на объективизации процесса собирания доказательств и активном применении при этом технических средств фиксации. Установлено, что в практической деятельности применение видеозаписи, как дополнительного способа фиксации хода и результатов следственного действия, в том числе и следственного эксперимента, носит фрагментарный характер. Обозначены положительные стороны использования технических средств видеофиксации при производстве следственного эксперимента. Установлены основополагающие элементы организационной деятельности следователя (дознателя), позволяющие повысить качество производства следственного эксперимента с применением видеозаписи. Авторы отмечают особенности содержания видеозаписи следственного эксперимента применительно к вводной, основной и заключительной частям. Представлен порядок процессуального оформления видеозаписи следственного эксперимента. Определены направления научных дискуссий относительно применения видеофиксации при производстве следственного эксперимента, а также возможности использования полученных результатов в доказывании. Авторы приходят к выводу о том, что знание организационных и содержательных аспектов применения видеозаписи хода и результатов следственного эксперимента позволит сократить количество допускаемых организационных и тактических ошибок, получить надлежащего качества и полноты иллюстративный видеоматериал с минимальными искажениями обстоятельств объективной реальности.

Ключевые слова: видеозапись, видеофиксация, следственный эксперимент, следственное действие, дополнительные способы фиксации.

Для цитирования: Соколов А.Б., Горшков М.М. Видеозапись как дополнительный способ фиксации хода и результатов следственного эксперимента: организационный и содержательный аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 75–81.

Abstract: the article analyzes the organizational and content aspects of the video recording of the progress and results of the investigative experiment. Based on the results of the study, the authors come to the conclusion that there is an ambiguous approach to the essential understanding of the appropriateness of using video recording in the production of an investigative experiment. It is determined that the legislator focuses on the objectification of the process of collecting evidence and the active use of technical means of fixation. It has been established that in practice the use of video recording as an additional method of fixing the course and results of an investigative

action, including an investigative experiment, is fragmentary. The positive aspects of the use of technical means of video recording in the production of an investigative experiment are indicated. The fundamental elements of the organizational activity of the investigator (interrogator) have been established, which make it possible to improve the quality of the production of an investigative experiment using video recording. The authors note the features of the content of the video recording of the investigative experiment in relation to the introductory, main and final parts. The procedure for the procedural registration of a video recording of an investigative experiment is presented. The directions of scientific discussions regarding the use of video recording in the production of an investigative experiment, as well as the possibility of using the results obtained in proving, are determined. The authors come to the conclusion that knowledge of the organizational and content aspects of the use of video recording of the course and results of an investigative experiment will reduce the number of errors made, obtain the proper quality and completeness of illustrative material with minimal distortion of the circumstances of objective reality.

Keywords: video recording, video recording, investigative experiment, investigative action, additional methods of recording.

For citation: Sokolov A.B., Gorshkov M.M. Video recording as an additional way of recording the progress and results of an investigative experiment: organizational and substantive aspects // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 75–81.

Основной объективного расследования преступлений является всесторонний поиск криминалистически значимой информации, выступающий важнейшим звеном в формировании доказательств. Разделяя мнение авторов учебника «Криминалистика» под общей редакцией В.П. Сальникова и И.А. Возгрина, отметим, что получение информации от исследуемого объекта будет эффективнее, если применять технико-криминалистические средства и, при необходимости, прибегать к оказанию помощи специалиста [1].

Анализ правоприменительной деятельности показывает, что использование технико-криминалистических средств в расследовании преступлений, как правило, связано с обнаружением, фиксацией и исследованием обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Одним из наиболее значимых (в силу правового закрепления процедуры) и вместе с тем проблемных аспектов является деятельность по фиксации хода и результатов следственного действия. Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает такие разновидности способа фиксации производимых следственных действий, как составление протокола (протоколирование), который может быть выполнен от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись (ч. 1 и 2 ст. 166 УПК РФ). Изучение специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что законодатель акцентирует внимание на объективизации процесса собирания доказательств, применении при этом технических средств фиксации. Обстоятельность данного тезиса подтверждается, в том числе, результатами анализа положений ст. 170 УПК РФ, где законодатель допускает возможность наличия совокупности условий, при которых обязательный характер участия понятых

при производстве следственного действия может быть компенсирован путем применения технических средств фиксации его хода и результатов.

При составлении протокола следственного действия нередко допускаются неточности и искажения, ошибки, обусловленные спецификой восприятия правоприменителем окружающей действительности и происходящих событий. Применение технических средств фиксации относительно протоколирования имеет ряд преимуществ. Во-первых, полученная таким образом доказательственная информация является более объективной. Следователь (дознатель), составляя протокол следственного действия, является интерпретатором событий настоящего и прошлого времени. Учитывая сказанное, содержание протокола зависит от имеющихся у соответствующего субъекта знаний, их системности, опыта практической деятельности, уровня сформированности умения излагать текст, а также развития криминалистического мышления. Во-вторых, применение технических средств фиксации обладает свойством наглядности, что позволяет упростить понимание и вместе с тем дать оценку осуществленной процедуре, условиям, в которых проводилось то или иное следственное действие, а также полученным при этом результатам. В-третьих, видеозапись позволяет сохранить эмоциональную окраску речи и видимые проявления поведения участников следственных действий. В-четвертых, зафиксированные посредством технических устройств ход и результаты следственного действия позволяют многократное их воспроизведение, а также обеспечение отсутствия каких-либо искажений под воздействием времени. Кроме того, на основе имеющихся результатов применения технических средств фиксации формируется мнение о достоверности соответствующих доказательств, допустимости их применения в доказывании, обо-

сновании принятых процессуальных решений. При этом следует помнить, что самостоятельное закрепление сведений с помощью технических средств при отсутствии протокола в уголовном судопроизводстве ведет к утрате их доказательственного значения [2, с. 29–31].

Анализ результатов проведенного исследования¹ позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенными техническими средствами фиксации хода и результатов следственного действия являются: смартфон (95,8% случаев), цифровой фотоаппарат (89,9%), цифровая видеокамера (43,75%), web-камера (39,9%)².

На вопрос анкеты: «При производстве каких следственных действий Вы применяли технические средства фиксации наряду с протоколированием» результаты опроса распределились следующим образом:

- проверка показаний на месте (79,1% случаев);
- осмотр предметов и документов (48,9% случаев);
- допрос (43,7% случаев);
- обыск (36,4% случаев);
- предъявление для опознания (20,8% случаев);
- выемка (15,6%);
- следственный эксперимент (8,3% случаев);
- освидетельствование (5,2% случаев).
- личный обыск (5,2% случаев);

При этом интересным представляется то, что согласно результату проведенного исследования фотосъемка осуществлялась в 72,9% случаев, а видеозапись хода и результатов следственных действий в 17,1% случаев. Столь небольшой процент применения технических средств видеофиксации хода и результатов следственных действий обусловлен наличием проблем объективного и субъективного характера. К числу объективных возможно отнести недостаточное оснащение правоохранительных органов (подразделений, осуществляющих предварительное расследование) техническими средствами видеофиксации. К субъективным могут быть отнесены: сложность в определении технических средств видеофиксации хода и результатов следственного действия; недостаточный уровень знаний, умений и навыков по применению технических средств видеофиксации; недостаточный уровень знаний и опыта безошибочно и полно реализовать предусмотренную УПК РФ процедуру производства следственного действия.

¹ В рамках проводимого исследования было опрошено 92 сотрудника органов внутренних дел (руководители следственных органов и их заместители, следователи, дознаватели, сотрудники уголовного розыска и специалисты Новосибирской, Омской и Тюменской областей).

² Общая сумма указанных результатов превышает 100%, поскольку респондентами было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Согласно результатам исследования к числу наиболее типичных следственных действий, в ходе которых применялась видеозапись, относятся:

- проверка показаний на месте (40,4% случаев);
- допрос (27,0%);
- обыск (15,0%);
- предъявление для опознания (12,4%);
- следственный эксперимент (5,2%).

Полагаем, что наименьший процент применения видеофиксации при производстве следственного эксперимента обусловлен тем, что указанное следственное действие в правоприменительной деятельности встречается довольно редко³. Большой объем подготовительных действий, непредсказуемость результата обуславливают боязнь следователя (дознавателя) допустить организационные, тактические либо процессуальные ошибки. Сказанное увеличивает вероятность отказа от применения видеозаписи как дополнительного способа фиксации хода и результатов следственного эксперимента.

Учитывая столь проблемный характер исследуемого вопроса, рассмотрим организационные и содержательные аспекты применения видеозаписи хода и результатов следственного эксперимента.

Напомним, следственный эксперимент – следственное действие, состоящее в воспроизведении проверяемого события посредством опытных действий или реконструкции обстановки, проводимых в целях проверки возможности существования в определенных условиях тех или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [3, с. 110].

Максимально точная фиксация хода и результатов опытных действий является очевидным преимуществом видеозаписи в сравнении с иными дополнительными способами фиксации. Данный тезис лежит в основе принятия решения о ее применении. Определившись с данным вопросом, целесообразно спрогнозировать ключевые моменты следственного эксперимента, требующие особого внимания, какими пояснениями и комментариями будет сопровождаться при видеофиксации хода и результатов рассматриваемого следственного действия.

Ознакомление с местом проведения следственного эксперимента является наиболее приемлемым, основополагающим в подготовительной деятельности. При этом целесообразно сделать предположение о том, где и какие именно опытные действия будут осуществляться. От этого зависит выбор места, где будет располагать-

³ Результаты анкетирования восьми судей районных судов Пермского края, Новосибирской и Омской областей показали, что следственный эксперимент в ходе судебного заседания проводится крайне редко, при этом видеозапись не применяется в связи с отсутствием в этом необходимости и целесообразности.

ся видеозаписывающее техническое устройство. Учитывая, что в правоприменительной деятельности наиболее распространены такие разновидности следственного эксперимента, как проверка возможности восприятия каких-либо фактов, а также совершения определенных действий, главные точки фиксации в приведенных ситуациях будут различны. В первом случае местом расположения устройства, осуществляющего видеозапись, является позиция, откуда лицо воспринимало подлежащее проверке событие. Такая точка определяется, исходя из ранее данных показаний о месте нахождения лица, чьи возможности восприятия проверяются. Полученные данные соотносятся с обстановкой и условиями места проведения следственного эксперимента, учитывается состояние зрения, слуха, а также рост лица. Видеозаписывающее устройство в рассматриваемой ситуации устанавливается по высоте на уровне положения глаз наблюдателя, чтобы при наблюдении через видеоскоп устройства воспринималась обстановка, характерная для человеческого зрения.

Иногда при расследовании нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) важно достичь сходства условий, характеризующих динамическую сторону экспериментов, для чего целесообразно детально запланировать осуществление съемки с подвижной точки фиксации, например, из салона транспортного средства. Видеозаписывающее устройство устанавливается в автомобиле в том месте (рядом с ним), где ранее находился наблюдатель. Съемка производится в движении, характер которого задается в соответствии с указанными в показаниях лиц условиями.

Во второй ситуации, когда от субъекта требуется совершение определенных действий, место расположения видеозаписывающего устройства определяется его функциональными возможностями. Основным в данном случае является помещение в видеокادر участника следственного эксперимента, осуществляющего соответствующие действия. При просмотре видеозаписи данное лицо должно быть четко распознаваемо. Целесообразно предусмотреть возможность записи комментирования совершаемых действий со стороны участников следственного эксперимента, использование выносных микрофонов на участниках следственного действия.

В целях качественной подготовки к следственному эксперименту считаем рациональным составление письменного плана следственного эксперимента. В нем целесообразно отметить особенности планируемых при производстве следственного эксперимента действий, фиксация которых имеет значение для оценки его хода и результатов:

а) обстановку, в которой его следует произвести (время суток, освещение, наличие шумов и их интенсивность, погодные условия, рельеф местности, особенности строений и т.п.);

б) используемые объекты и их размещение на месте проведения следственного эксперимента;

в) все, что подлежит фиксации; основные узловые точки, с которых будет осуществляться видеозапись, базовые правила и приемы видеосъемки;

г) содержание каждого опытного действия и его результатов с соблюдением требований к производству следственного эксперимента;

д) используемые средства видеозаписи (наиболее распространенными являются: смартфон, цифровой фотоаппарат, цифровая видеокамера). Подробно понятие «техническое средство» и требования, предъявляемые к таковым в целях фиксации хода и результатов отдельных следственных действий, неоднократно разъясняли ученые в научных публикациях [4; 5; 6; 7 и др.]

Необходимость воссоздания условий, максимально приближенных к тем, в которых происходило исследуемое событие, обеспечивается подробным планированием. В случае, когда экспериментальным действиям предшествовала реконструкция обстановки, целесообразно зафиксировать первоначальный вид места производства следственного действия, этапы реконструкции и обстановку после ее проведения.

При планировании считаем целесообразным обратить внимание на подготовку текста, содержащего сведения о времени начала, месте и процессуальном порядке проведения следственного эксперимента, об участниках следственного действия, разъяснении каждому из них процессуальных прав и обязанностей.

Правильным представляется проверка исправности работы видеозаписывающей аппаратуры, ее комплектности, а также наличие вспомогательных устройств (дополнительных источников питания, выносных микрофонов, освещения, штативов, пультов дистанционного управления видеозаписывающей аппаратурой и др.). Здесь же следует определиться с тем, где именно и с помощью чего будет просматриваться видеозапись после окончания следственного эксперимента.

Подготовительный этап характеризуется точным определением задач следственного эксперимента. Учитывая сказанное, вопросы, связанные с тем, что именно должно войти в видеокادر, в каком объеме, с какой целью, каким образом, в течение какого времени. Указанные вопросы, в зависимости от вида и характера следственного эксперимента, места и времени его проведения, количества участников, планируемых опытных действий, разрешаются на

подготовительном или на рабочем этапах следственного действия.

Существенную помощь может оказать заранее подготовленный в письменном виде сценарий видеозаписи, отражающий последовательность опытных действий, возможные пояснения и комментарии участников следственного эксперимента.

Для осуществления видеозаписи могут привлекаться специалисты-криминалисты. Содержательный аспект видеозаписи хода и результатов следственного эксперимента может быть разделен на вводную, основную и заключительную части.

Вводная часть видеозаписи начинается с фиксации лица, производящего следственный эксперимент, которое называет свою должность, место работы, свои фамилию, имя, отчество и сообщает, какое следственное действие и по какому уголовному делу проводится, дату, время, место видеозаписи и кем она проводится, основания. Поочередно оглашаются сведения о каждом из участников следственного действия, которые фиксируются крупным планом. Далее реализуется процедура разъяснения прав, обязанностей и ответственности каждого участника, а также порядок проведения следственного действия, после этого проводится основная часть следственного действия. В отдельных случаях вводная часть завершается после приостановления видеозаписи следственного эксперимента для прибытия участников к непосредственному месту производства опытных действий.

Содержание основной части видеозаписи отражает существо опытных действий и зависит от вида производимого следственного эксперимента. В правоприменительной деятельности наиболее распространенным видом следственного эксперимента, при котором применяется видеосъемка, является проверка возможности совершения определенных действий. Как правило, данный вид следственного эксперимента проводится при расследовании таких преступлений, как «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (ст. 186 УК РФ), «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (ст. 264 УК РФ), «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» (ст. 327 УК РФ).

При производстве следственного эксперимента по установлению возможности изготовления обвиняемым определенным способом фальшивых денежных знаков, ценных бумаг, поддельных документов осуществляется видеofиксация применяемых лицом, совершившим преступление, инструментов и материалов, способа изготовления необходимых приспособлений и самого

процесса изготовления фальшивых денежных знаков, ценных бумаг, поддельных документов, а также результата – внешнего вида полученных объектов. Видеofиксация может сопровождаться вопросами субъекта, производящего следственный эксперимент и пояснениями лица, чьи показания проверяются, относительно осуществляемых им действий, полученных результатов.

При производстве следственного эксперимента по установлению возможности совершить те или иные действия за определенный промежуток времени видеозапись может стать источником получения информации о характере действий и скорости их выполнения. В такой ситуации важно правильно выбрать конкретный способ хронометрирования проверяемых действий. Наиболее оптимальным представляется расположение хронометра (например, секундомера) в непосредственной близости от лица, чьи проверяемые действия фиксируются. Далее субъекту перед началом опыта предлагается пустить в ход хронометр, а по окончании – остановить, что фиксируется крупным планом. Закончив опыт, субъект сообщает вслух показания хронометра. Такой подход исключает фальсификацию хронометража [8, с. 390–391].

Заключительная часть видеозаписи представляет собой удостоверение всеми участниками следственного действия правильности зафиксированного хода и результатов следственного эксперимента и записывается после просмотра видеоматериала всеми участниками следственного действия. Если видеозапись производилась в неблагоприятных условиях, то просмотр видеоматериала и запись заключительной части могут осуществляться в помещении по возвращении с места проведения следственного действия.

Материалы видеозаписи дают исчерпывающую информацию не только о процессе проведения, результатах опытов, но и об их правильной организации, тактических и процессуальных условиях производства эксперимента. Применение видеозаписи целесообразно при любом следственном эксперименте, так как повторный просмотр видеofильма нередко позволяет выявить не зафиксированные в протоколе обстоятельства, имеющие важное значение для уголовного дела.

Оформляя результаты видеofиксации следственного эксперимента целесообразно разрешить следующие задачи:

- просмотр видеозаписи;
- копирование полученной видеозаписи на носитель цифровой информации (например, оптический диск, USB-накопитель);
- упаковка носителя цифровой информации с видеозаписью следственного эксперимента.

По окончании видеофиксации хода и результатов следственного эксперимента, перед подписанием протокола видеозапись может предъявляться для просмотра участвовавшим в следственном действии лицам. При отсутствии компьютера или телевизора просмотр можно провести с помощью ЖК-дисплея технического устройства, с помощью которого осуществлялась видеозапись. О просмотре делается соответствующая отметка в протоколе, где указывается:

- тип и марка записывающей аппаратуры (цифровой видеокамеры, смартфона и др.);
- режим записи и степень сжатия SP или LP;
- тип, марка и емкость носителя цифровой информации, на который производилась запись аудиовизуальной информации;
- тип и марка внешнего микрофона;
- условия, в которых осуществлялась запись;
- по окончании следственного эксперимента – тип, марка технического устройства, при помощи которого осуществлялась демонстрация полученной видеозаписи [9, с. 149–150].

В целях экономии расходования денежных средств целесообразна перезапись аудиовизуальной информации с карты памяти видеокамеры (смартфона) на оптический диск однократной записи (CD-R, DVD-R, USB-накопитель). Затем, после просмотра видеозаписи следственного эксперимента, носитель цифровой информации помещается в конверт, на котором делаются соответствующие отметки, и прилагается к протоколу следственного эксперимента.

Представленный порядок процессуального оформления видеозаписи следственного эксперимента гарантирует достоверность передаваемой информации, исключает ее искажение и обеспечивает возможность проверки.

Интересными для возможного продолжения научных дискуссий представляются вопросы:

- должна ли видеозапись следственного эксперимента осуществляться непрерывно?
- является ли видеозапись следственного эксперимента вещественным доказательством?

Относительно первого вопроса полагаем, что видеозапись может носить фрагментарный характер. При этом следует исходить из того, что ее содержание должно отражать существенные элементы процедуры производства следственного эксперимента (указанные нами ранее действия, реализуемые во вводной и основной частях видеозаписи). Относительно схожего мнения придерживаются авторы учебного пособия «Криминалистическая видеозапись», под общей ред. Р.Ю. Трубицина и О.А. Щеглова, полагая, что запечатлению с помощью видеозаписи подлежат лишь отдельные наиболее важные моменты следственного эксперимента – ход и результаты

каждого опыта. По мнению авторов пособия можно не отражать на видеофонограмме процесс составления протокола, а также подготовки к следственному эксперименту [10, с. 164]. Интересным по данному поводу представляется мнение М.Р. Глушкова, который полагает, что «за пределами выборочной видеозаписи могут быть оставлены только второстепенные обстоятельства. Ключевые же, по поводу которых можно ожидать жалоб и противостояния сторон, требуется фиксировать» [11, с. 86]. Полагаем, что критерием разграничения «второстепенных» и «ключевых» фрагментов, подлежащих видеозаписи, является не наличие возможных поводов, дающих основание ожидать жалобы и противостояния сторон, а способность передачи сущности производимого следственного эксперимента (подготовки, проведения и результатов опытных действий, условий, в которых они проводились).

Отвечая на вопрос: «Является ли видеозапись следственного эксперимента вещественным доказательством?», нельзя не обратиться к результатам обстоятельного исследования, проведенного С.Б. Россинским [12]. В своей статье ученый обращает внимание на искусственное и явно необоснованное придание статуса вещественного доказательства объектам, которые, по сути, являются всего лишь результатами применения дополнительных средств фиксации следственных действий. Разделяя данное мнение, с учетом предмета нашего исследования отметим, что содержание ч. 8 ст. 166 УПК РФ прямо указывает на возможность признания видеозаписи хода и результатов следственного эксперимента в качестве приложения к соответствующему протоколу.

Подводя итог, отметим, что знание организационных и содержательных аспектов применения видеозаписи хода и результатов следственного эксперимента позволит сократить количество допускаемых ошибок, получить надлежащего качества и полноты иллюстративный материал с минимальными искажениями обстоятельств объективной реальности. Наличие видеоприложения позволит более обстоятельно воспринять ход и результаты производимого следственного действия от первого лица, а не только лишь интерпретационное содержание, изложенное субъектом расследования в соответствующем протоколе. Применение видеозаписи следственного эксперимента обеспечит наибольшую достоверность доказательств, полученных в ходе предварительного расследования, что впоследствии может явиться эффективным способом разрешения проблемных вопросов, в том числе противоречий, возникающих в ходе судебного заседания.

Литература

1. Криминалистика: учебник / под общ. ред. В.П. Сальникова, И.А. Возгрин: в 2-х т. – Санкт-Петербург: Университет, 2008. – Т. 1. – 288 с.
2. **Соколов Ю.Н.** Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий // Российская юстиция. – 2010. – № 6. – С. 29–31.
3. Криминалистика: учебно-наглядное пособие / под общ. ред. А.А. Кузнецова, К.В. Муравьева. – Омск: Омская академия МВД России, – 2020. – 224 с.
4. **Родивилина В.А.** Применение видеозаписи при производстве следственных действий: практические рекомендации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 1. – С. 102–108.
5. **Соколов А.Б.** Организация и процедура применения видеосъемки в ходе допроса несовершеннолетнего // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 125–129.
6. **Зозуля В.В., Ахмедов У.Н.** Видеозапись производства следственных действий с участием несовершеннолетних: процессуально-правовые аспекты применения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 92–96.
7. **Стельмах В.Ю.** Современные проблемы фиксации хода и результатов производства следственных действий и возможные пути их решения // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 7. – С. 152–159.
8. Криминалистическая фотография и видеозапись: учеб.-практ. пособие / Е.П. Ищенко, П.П. Ищенко, В.А. Зотчев / под ред. проф. Е.П. Ищенко. – Москва: Юрист, 1999. – 435 с.
9. Использование современных средств фото- и видеofиксации при проведении следственных действий: учебное пособие / под общ. ред. проф. А.А. Кузнецова. – Омск: Омская академия МВД России, 2019. – 124 с.
10. Криминалистическая видеозапись: учебное пособие (курс лекций) / под общ. ред. Р.Ю. Трубицина и О.А. Щеглова. – Москва: Щит-М, 2004. – 208 с.
11. **Глушков М.Р.** Обязательна ли непрерывная видеofиксация следственного действия? // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 3. – С. 85–89.
12. **Россинский С.Б.** Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 91–104.

References

1. Kriminalistika: uchebnik / pod obshch. red. V.P. Sal'nikova, I.A. Vozgrina: v 2-h t. – Sankt-Peterburg: Universitet, 2008. – T. 1. – 288 s.
2. **Sokolov Yu.N.** Informacionnye tekhnologii kak al'ternativnye sredstva fiksacii pri proizvodstve sledstvennyh dejstvii // Rossijskaya yusticiya. – 2010. – № 6. – S. 29–31.
3. Kriminalistika: uchebno-naglyadnoe posobie / pod obshch. red. A.A. Kuznecova, K.V. Murav'eva. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, – 2020. – 224 s.
4. **Rodivilina V.A.** Primenenie videozapisi pri proizvodstve sled-stvennyh dejstvii: prakticheskie rekomendacii // Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2014. – № 1. – S. 102–108.
5. **Sokolov A.B.** Organizaciya i procedura primeneniya videos»emki v hode doprosa nesovershhennoletnego // Ugovolnoe pravo. – 2016. – № 2. – S. 125–129.
6. **Zozulya V.V., Ahmedov U.N.** Videozapis' proizvodstva sledstvennyh dejstvii s uchastiem nesovershhennoletnih: processual'no-pravovye aspekty primeneniya // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. – 2016. – № 3. – S. 92–96.
7. **Stel'mah V.Yu.** Sovremennye problemy fiksacii hoda i rezul'ta-tov proizvodstva sledstvennyh dejstvii i vozmozhnye puti ih resheniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2016. – № 7. – S. 152–159.
8. Kriminalistichesticheskaya fotografiya i videozapis': ucheb.-prakt. posobie / E.P. Ishchenko, P.P. Ishchenko, V.A. Zotchev / pod red. prof. E.P. Ishchenko. – Moskva: Yurist», 1999. – 435 s.
9. Ispol'zovanie sovremennyh sredstv foto- i videofiksacii pri provedenii sledstvennyh dejstvii: uchebnoe posobie / pod obshch. red. prof. A.A. Kuznecova. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2019. – 124 s.
10. Kriminalisticheskaya videozapis': uchebnoe posobie (kurs lekcij) / pod obshch. red. R.Yu. Trubicina i O.A. Shcheglova. – Moskva: Shchit-M, 2004. – 208 s.
11. **Glushkov M.R.** Obyazatel'na li nepreryvnaya videofiksaciya sled-stvennogo dejstviya? // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. – 2016. – № 3. – S. 85–89.
12. **Rossinskij S.B.** Prilozhenie k protokolu sledstvennogo dejstviya: priznavat' ili ne priznavat' kak veshchestvennoe dokazatel'stvo? // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 2. – S. 91–104.

(статья сдана в редакцию 27.10.2022)

**ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ
ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

**FORMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE
INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON
RAILWAY TRANSPORT AND TRANSPORT INFRASTRUCTURE
FACILITIES**

УДК 343.79

Е.В. ЧИНЕНОВ,

кандидат экономических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
chinenovevg@yandex.ru

EVGENIJ V. CHINENOV,

Candidate of Economics Sciences,
Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: процессуальный институт специальных знаний является важным инструментом, обеспечивающим установление оснований участия сведущих лиц и их профессиональных компетенций в раскрытии и расследовании преступлений. Отсутствие в действующем законодательстве и, как следствие, в специальной литературе четкого понимания специальных знаний на фоне стремительного возрастания их роли и значения для криминалистического обеспечения расследования преступлений, вызванных поступательным развитием науки, техники и технологии, трансформацией общественных отношений, порождает многочисленные вопросы и тяжело разрешимые ситуации в практике противодействия преступным деяниям, совершаемым разнообразными и не всегда известными правоохранительным органам способами.

Особо это касается сложных по механизму совершения и характеру доказывания преступлений в сфере экономики. Преступления в сфере экономики, совершаемые на железнодорожном транспорте, являются тому подтверждением, о чем свидетельствуют результаты значительного количества научных исследований. Высокий уровень технологичности железнодорожного транспорта влияет на характер и содержание механизмов преступлений, способов их подготовки, совершения и сокрытия, осложняя их криминалистическую диагностику. В этой связи закономерно при формировании частных криминалистических методик расследования преступлений отдельных видов и групп, совершаемых в данной сфере, учитывать тенденции и возможности возрастания технологичности расследования преступной деятельности, повышения его качества, сокращения продолжительности за счет усиления роли и значения применяемых в этих целях специальных знаний.

Ключевые слова: расследование преступлений, преступления в сфере экономики, железнодорожный транспорт, специальные знания, формы специальных знаний.

Для цитирования: Чиненов Е.В. Формы использования специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 82–90.

Abstract: the Procedural Institute of Special Knowledge is an important tool for establishing the grounds for the participation of knowledgeable persons and their professional competencies in the disclosure and investigation of crimes. The lack of a clear understanding of special knowledge in the current legislation and, as a result, in the specialized literature against the background of a rapid increase in their role and importance for the criminalistic support of the investigation of crimes caused by the progressive development of science, technology and technology, the transformation of public relations, generates numerous questions and difficult situations in the practice of countering criminal acts committed by various and not always known law enforcement agencies. in various ways.

This is especially true of crimes in the sphere of economy that are complex in terms of the mechanism of commission and the nature of proof. Economic crimes committed on railway transport are proof of this, as evidenced by the results of a significant number of scientific studies. The high level of technology of railway transport affects the nature and content of the mechanisms of crimes, methods of their preparation, commission and concealment,

complicating their forensic diagnostics. In this regard, it is natural to take into account the trends and possibilities of increasing the technological effectiveness of the investigation of criminal activity, improving its quality, shortening the duration by strengthening the role and importance of special knowledge used for this purpose when forming private forensic methods for investigating crimes of certain types and groups committed in this area.

Keywords: crime investigation, economic crimes, railway transport, special knowledge, forms of special knowledge.

For citation: Chinenov E.V. Forms of using special knowledge in the investigation of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 82–90.

В расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, специальные знания используются на различных этапах и в различных формах¹. Критерий выбора конкретных из них определяется, с одной стороны, целями в складывающейся ситуации, а с другой, рациональными возможностями требуемых для их достижения методов содействия следователю со стороны сведущих лиц.

Важность значения специальных знаний и особенности их применения диктуют необходимость в рамках проводимого исследования, с учетом сложившейся дифференциации, определить и систематизировать элементы каждой из существующих форм, раскрыть особенности содержания, потенциальные возможности. Последующее включение полученных в результате сведений в подсистемы следственных, оперативно-розыскных, контрольно-проверочных, организационно-подготовительных и иных действий, подчинение единой цели решаемых задач обеспечит методическое усиление криминалистической теории и практики деятельности органов предварительного расследования на транспорте.

Специальная литература предлагает различные классификации форм использования специальных знаний. Однако наибольшее число сторонников получило их деление на процессуальные и непроцессуальные [1, с. 158]. Они, но в определенной степени адаптированные, применяются в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Влияние специфики отрасли и особенности криминалистической деятельности сказываются на их внутреннем наполнении. Этим преимущественно мы объясняем представление специальных знаний в качестве важной составляющей методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

¹ По данным, полученным нами в результате изучения уголовных дел, специальные знания используются в расследовании подавляющего большинства преступлений (92,4%).

Процессуальные формы использования специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Процессуальными формами использования специальных знаний являются те, источники которых прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом: специальные знания следователя; участие специалиста в следственных действиях; производство экспертизы.

Наиболее часто используемой в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, процессуальной формой специальных знаний является производство экспертизы, о чем высказались в результате интервьюирования 94,6% следователей. На необходимость участия специалиста в проводимых следственных действиях обратили внимание 76,5% опрошенных респондентов.

Результаты опросов, анализ складывающейся следственной практики позволяет показать наиболее значимые черты процессуальных форм использования специальных знаний в расследовании изучаемой категории преступлений.

Специальные знания следователя. Система специальных знаний следователя в выбранной области исследования представлена тремя группами знаний: знаниями в сфере общественных (социально-гуманитарных) наук; знаниями отраслей права и прикладных юридических наук; знаниями экономико-правовых прикладных наук и обобщений сведений о различных предметах и явлениях из отрасли железнодорожного транспорта.

1. Знания в сфере общественных (социально-гуманитарных) наук. В их ряду традиционные научные области, изучающие как общество в целом, так и его отдельные подсистемы: философию, социологию, политологию, историю, психологию, культурологию, экономику, педагогику и др. Рассматривая общественную жизнь с различных сторон, с определенных теоретических и мировоззренческих позиций, предлагая собственные специфические методы исследования, они фор-

мируют базовые профессиональные личностные качества следователя, являющегося частью современного «общества знания» [2; 3; 4].

Из перечисленных принципиальное значение для расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, несут знания экономики и психологии.

Запас сведений из экономики является основой расследования данной категории преступлений. Лица, их совершающие, в основном, обладают определенными экономическими знаниями в той или иной степени, имеют достаточное представление о происходящих как в обществе, так и в отрасли социально-экономических и производственно-технологических процессах, а потому используют их для подготовки преступлений, реализации преступных замыслов, сокрытия оставляемых следов. Отмеченное обстоятельство налагает на субъект расследования (для квалифицированного решения ими стоящих задач) необходимость обладания экономическими знаниями.

По сравнению с экономическими знаниями применение знаний психологии более узко, так как главенствующую роль они играют при подготовке и производстве отдельных следственных действий (допросов, обысков, осмотров мест происшествий). Их качественная организация, проведение невозможны без знаний психологии личности допрашиваемого, обыскиваемого. Это объясняется относительной неопределенностью обстоятельств, возникающих при проведении следственных действий. Следователь, готовясь к их проведению, не может в полном объеме предугадать, с какими факторами и обстоятельствами ему предстоит столкнуться. Так, например, допрос должностного лица, обладающего большим, чем у следователя, объемом экономических знаний, влечет возникновение проблемной ситуации расследования. Ее разрешение невозможно без применения как определенных экономических знаний, так и психологических приемов, основывающихся на соответствующих знаниях.

2. Знания отраслей права и прикладных юридических наук. Для расследования преступлений выделенной категории особое значение имеет знание следующих материальных отраслей права: уголовное право; гражданское право; финансовое право; налоговое право. В перечне процессуальных отраслей бесспорны регулятивы уголовно-процессуального права, обеспечивающего уголовно-процессуальные функции следователя в стадиях уголовного судопроизводства.

Прикладные юридические науки, совокупность сведений которых используется при расследовании преступлений исследуемой категории, представлены криминалистикой, криминологией, юридической психологией. Превалирует в них криминалистика, обеспечивающая «...выработку

умения использовать криминалистические знания, методы и средства для решения служебно-оперативных задач по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений» [5, с. 20].

В современных условиях особое внимание обращает на себя возрастание роли знаний цифровой и экономической криминалистики [6; 7; 8; 9; 10; 11].

3. Экономико-правовые прикладные науки и обобщенные знания об отрасли железнодорожного транспорта.

В числе первых – судебная бухгалтерия [12], судебная технология и товароведение [13], экономико-криминалистический анализ [14; 15].

В числе вторых – прикладные экономические и инженерно-технические науки (экономика железнодорожного транспорта; бухгалтерский учет на железнодорожном транспорте; железнодорожный путь, изыскание и проектирование железных дорог; управление процессами железнодорожных перевозок; подвижной состав железных дорог, тяга поездов и электрификация и др.) [16; 17; 18].

Характер отмеченных знаний имеет выраженную специфику, а их использование является важнейшим и обязательным условием эффективного планирования, изучения и оценки фактических данных, определения задач расследования, построения версий, определения путей их проверки.

Участие специалиста в следственных действиях.

Наиболее высоким тактическим потенциалом, достигаемым привлечением специалиста при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, обладают следующие следственные действия: следственный осмотр; обыск; выемка; допрос; назначение и производство судебной экспертизы². Привлечение специалистов к их производству обеспечивает:

- познание особенностей производственных отношений, понимание отраслевых правил, норм, инструкций, нормативных документов, их регулирующих;

- изучение и правильное терминологическое описание в процессуальных документах специфических материальных объектов и предметов;

- обнаружение, закрепление и изъятие предметов, документов, следов преступления, иных вещественных доказательств;

- направление материалов на экспертное исследование, постановка вопросов эксперту при назначении экспертизы;

- применение технических средств.

² В 69,3% случаев следователями к подготовке и проведению именно этих следственных действий привлекались сведущие лица.

Каждое из отмеченных следственных действий отличается своей целью и задачами, которые следователь ставит перед специалистом, степенью участия последнего в их производстве. Вместе с тем общим для всех будет необходимость соблюдения организационных и тактических принципов: законности; объективности, всесторонности и полноты; соблюдения прав и свобод гражданина, норм профессиональной этики; независимости специалиста; своевременности и оперативности привлечения; целенаправленного и инициативного подхода специалиста к участию в следственном действии; эффективного взаимодействия со следователем; тайны следствия и др. [19, с. 46].

Производство экспертизы. Решение задач расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, в значительной степени зависит от проводимых экспертных исследований³.

Многообразие проводимых исследований, обилие решаемых с их помощью задач предопределило необходимость их систематизации по признаку принадлежности к выделенным группам преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры в сфере экономики.

1. Группа преступлений против собственности. Наибольшее распространение при расследовании преступлений, входящих в указанную группу, получило использование специальных знаний в форме следующих видов экспертиз: трасологических; дактилоскопических; биологических (исследований методом ДНК); бухгалтерских; товароведческих и др.

2. Группа преступлений в сфере экономической деятельности. При расследовании преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности железнодорожного транспорта, доминируют бухгалтерские; компьютерные; строительно-технические; товароведческие; почерковедческие экспертизы, технико-криминалистические экспертизы документов и пр.

3. Группа преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях пред-

ставлена преимущественно почерковедческой, фоноскопической, бухгалтерской экспертизами и некоторыми иными.

Все представленные виды экспертиз, проводимые по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, совершаемым на железнодорожном транспорте, в той или иной мере обладают особенностями. Обусловлены они влиянием специфики железнодорожного транспорта на действующую практику раскрытия и расследования преступлений.

Экспертиза является основной процессуальной формой использования специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. В то же время качество ее подготовки, оценки получаемых результатов во многом зависит от уровня специальных знаний следователя, степени участия специалиста в предшествующих ей следственных действиях, знания тактических особенностей ее назначения.

Непроцессуальные формы использования специальных знаний.

Непроцессуальными формами использования специальных знаний признаются такие формы, которые прямо не предусмотрены в УПК РФ, но необходимы для процедуры доказывания. Несмотря на высокий криминалистический потенциал осуществляются они как действия вспомогательного характера по усмотрению следователя либо ввиду указаний ведомственных инструкций [20, с. 386].

В расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, непроцессуальные формы использования специальных знаний представлены следующим перечнем: консультативно-справочная деятельность сведущих лиц; осуществление предварительного исследования материальных объектов; участие специалистов в подготовке к проведению отдельных оперативно-розыскных мероприятий; оказание технической помощи следователю или оперативному сотруднику; производство ревизионных, оценочных и аудиторских действий.

Анализ результатов интервьюирования следователей, сотрудников оперативных подразделений свидетельствует, что в перечне непроцессуальных форм использования специальных знаний особо выделяется проведение предварительных исследований материальных объектов (63,2%). Достаточно часто (46,9%) участники расследований обращаются за необходимыми консультациями к сотрудникам криминалистических подразделений. Консультируются у иных сведущих лиц 78,8% следователей и оперативных сотрудников. 58,2% опрошенных оперативных сотрудников указали на необходимость участия специалистов в подготовке к проведению отдельных оперативно-розыск-

³ Например, в 2021 году на транспорте из общего объема проведенных судебных экспертиз (31 408) на долю экспертиз, проводимых по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, приходилось 25,6%. В том числе:

1) традиционных экспертиз – 17 675, из них проведено по преступлениям против собственности – 6 669 (37,7%): дактилоскопических – 1 899 (39,7% от общего их количества); трасологических – 2 791 (66,9%); почерковедческих – 1 422 (38,1%); ТКЭД – 457 (15%).

2) специальных экспертиз – 13 733, включая бухгалтерские – 326 (2,4%), компьютерные – 824 (6%), строительно-технические – 15 (0,1%), товароведческие – 50 (0,36%), фоноскопические – 64 (0,47%), экспертизы горюче-смазочных материалов и нефтепродуктов – 304 (2,2%), лингвистические – 6 (0,04 %).

ных мероприятий при раскрытии преступлений указанной категории. 64,7% отметили важность оказания технической помощи лицу, выявляющему преступление или ведущему расследование. 98,5% участников расследований преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, сталкивались с необходимостью производства ревизионных, аудиторских и иных оценочных действий.

Консультативно-справочная деятельность сведущих лиц. Форма использования специальных знаний, в основе которой лежит взаимодействие специалиста со следователем. Цель ее – передача профессиональных знаний и опыта о характере явлений, процессов, объектов, имеющих отношение к расследуемому событию [21, с. 87].

При расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, консультативно-справочная помощь сведущих лиц является средством оперативного предоставления информации специального характера следователю из областей необходимых специальных знаний⁴.

Реализуется данная форма специальных знаний как в устном, так и в письменном виде в зависимости от складывающейся ситуации и этапа расследования. Поводом тому служит необходимость обеспечения решения следующих тактических задач: выработка следственных версий, составление планов расследования, подготовка и производство следственных действий, оперативно-розыскных, организационно-технических мероприятий, тактических операций, предварительное исследование вещественных доказательств, организация экспертных исследований.

Устная консультативно-справочная деятельность сведущих лиц представлена консультациями, разъяснениями, рекомендациями специалистов с целью получения сведений по интересующим вопросам. Присутствует на всех этапах расследования (с превалярованием на этапе доследственной проверки, предшествуя возбуждению уголовного дела, и первоначальном этапе), обеспечивая различные аспекты поисково-познавательной деятельности участников расследования.

Письменная консультативно-справочная деятельность имеет место на первоначальном и последующем этапах расследования, когда перед следователем стоит задача оценки информации и доказательств, требующая специальных расчетов, формирования систем аналитических данных, подготовки документов (справок), содержащих описание и подтверждение фактов, касаю-

щихся расследуемого события и т.п. Отмеченные процедуры способствуют познанию механизма преступления, обстоятельств, способствовавших его совершению. Примерами их использования в следственной практике могут служить: расчет естественной убыли перевозимых товаров (например, нефтепродуктов), осуществляемый на основе знаний технологии и товароведения (при расследовании краж грузов)⁵; исчисление величины затрат, приходящихся на единицу продукции (выполняемых работ или оказываемых услуг) в железнодорожном производстве с использованием знаний экономики железнодорожного транспорта (в процессе работы по уголовным делам о мошенничествах при осуществлении взаимных расчетов между организациями железнодорожного транспорта и сторонними юридическими лицами)⁶; сравнительный анализ использования подвижного состава и количественных и качественных характеристик элементов их ходовых частей (по фактам хищений вагонных колесных пар путем подмены)⁷ и т.п.

Привлечение специалиста показано для организации действий, связанных с собиранием доказательств. В их числе:

- проводимое в ходе доследственной проверки истребование у организаций железнодорожного транспорта документов и предметов;

- предшествующие производству следственных действий запросы в организации железнодорожного транспорта требований о предоставлении сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию;

- получение объяснений как средств проверки сообщения о преступлении и относящихся к нему сведений.

Осуществление специалистом предварительного исследования материальных объектов. Предварительные исследования специалистом материальных объектов (например, документов бухгалтерского учета в рамках ревизий и аудита) предшествуют назначению и проведению судебно-экономических экспертиз [31]. По методическому содержанию представляют собой облегченную их конструкцию. Реализуются путем непосредственного участия необходимых, в зависимости от вида преступления, специалистов (специалиста-криминалиста – по объектам традиционных криминалистических исследований; иных специалистов – по объектам нетрадицион-

⁵ Уголовное дело №1–5/2013 // Архив Краснокутского районного суда Саратовской области.

⁶ Уголовное дело №1–10/2014 // Архив Русско-Полянского районного суда Омской области.

⁷ Уголовное дело №1–255/2020 // Архив Энгельсского районного суда Саратовской области.

⁴ На это указывают 95,4% опрошенных нами следователей органов внутренних дел на транспорте.

ных исследований) в подготовке к производству следственных действий. В практике расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, проводятся по большей части в полевых условиях. К примеру, в ходе первоначальных следственных действий по факту кражи медного высоковольтного кабеля марки ПВВЭР 60 1х3,5 с территории испытательной станции участка текущего ремонта электровозов ООО «СТМ-Сервис» СЛД Белово гр. А., гр. А. и гр. Б. проводилось предварительное исследование следующих материальных объектов: передвижной пробивной установки, топора, а также остатков обожженного медного провода, остатков обрезанного кабеля и следов на торцевых поверхностях фрагментов кабеля и медного провода с динамическими следами в виде чередующихся параллельных борозд и валиков. Привлечение специалиста-криминалиста и применение им специальных знаний на месте происшествия обеспечило своевременное назначение судебной трасологической экспертизы, правильное формулирование вопросов, качество проведения исследования. Помимо предварительного исследования материальных объектов в рамках расследования данного уголовного дела также была использована консультативно-справочная форма использования специальных знаний в виде предоставления справки – калькуляции ООО «СТМ Сервис» о стоимости похищенных кабелей⁸.

Участие специалистов в подготовке к проведению отдельных оперативно-розыскных мероприятий. В данном случае деятельность специалистов осуществляется в период выявления преступлений указанной группы. Задачей специалистов, участвующих в оперативно-розыскных мероприятиях, является содействие в выявлении, фиксации, сборе фактической информации, необходимой для решения конкретных задач по раскрытию преступлений, и ее исследование с целью получения ориентирующей информации [22, с. 68].

В практике оперативных подразделений органов внутренних дел на транспорте при расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, участие специалистов представлено в формах консультаций и проведения исследований.

Консультирование оперативных сотрудников специалистами может проводиться устно и письменно, законспирированно и официально. Устные консультации рекомендованы к проведению в легандированном общении. Письменные реализуются официально, как правило, в виде ответов

на обращения в организации железнодорожного транспорта, а также к физическим лицам, которые могут располагать искомой информацией. С их помощью решаются задачи обнаружения и изъятия информации, документов, предметов; содействия в опросе лиц, которые могут располагать сведениями, имеющими отношение к делу; помощи в составлении объяснений и протоколов.

Проведение исследований в рамках отдельных оперативно-розыскных мероприятий возлагается на сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Основные виды их участия в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на транспорте можно свести к следующим: участие в проведении исследований предметов и документов; участие в оперативных осмотрах; оказание помощи в сборе образцов для сравнительного исследования.

Оказание технической помощи следователю или оперативно-розыскному сотруднику. Техническая помощь специалиста важна при обеспечении подготовки следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Для этого используются технико-криминалистические средства: акустического контроля (электронные стетоскопы, микрофоны с каналами связи, остронаправленные микрофоны, а также устройства фиксации акустической информации: диктофоны, магнитофоны и т.д.); визуального контроля (бинокли, приборы видения в темноте, специальные телевизионные системы, фотокамеры, цифровые камеры, видеозаписывающая аппаратура, видеопринтеры); контроля сообщений технических каналов связи; маркировки и выявления объектов (специальные химические вещества, радиоизотопные, инфракрасные и радиопередающие метки, металлоискатели, газоанализаторы, эндоскопы, рентгеновские интроскопы).

При проведении оперативно-розыскных мероприятий участие специалистов выражается в следующем: в проведении исследования объектов и предметов, выявленных в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности; в отождествлении личности преступника; в отборе образцов для сравнительного исследования; в участии в разработке розыскных версий на основании криминалистического изучения следов и вещественных доказательств; в использовании экспертно-криминалистических учетов, картотек и коллекций; в осуществлении технического наблюдения за преступником.

Производство ревизионных, оценочных и аудиторских действий. Одной из особых форм применения специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, являются ревизии, аудит, инвентаризации и иные оценочные действия [23; 24; 25]. Несмотря на то, что в действующем УПК РФ акты инвентаризаций, докумен-

⁸ Уголовное дело №1–422/2020 // Архив Беловского городского суда Кемеровской области.

тальных ревизий, аудиторских заключений не являются доказательством, они достаточно широко используются для получения данных о преступном событии, его механизме, корректируя организационные, оперативные, процессуальные задачи, решаемые в ходе доследственной проверки и возбуждении уголовного дела [26, с. 188].

Следует отметить, что указанные мероприятия могут инициироваться как органами внутренних дел на транспорте, так и самой транспортной организацией [27; 28; 29]. Проводятся они специалистами подразделений документальных проверок и ревизий ОВД, экспертами-экономистами, независимыми специалистами (аудиторами), ревизорами ОАО РЖД. Имеют свои методики, схожие по технологии с экспертными экономическими мероприятиями [30, с. 16–17]. В результате данных мероприятий осуществляется выполнение действий, сущность которых заключается: в проверке наличия и сохранности имущества, состояния обязательств путем использования специальных знаний (сличение фактических данных с данными бухгалтерского учета; осуществление действий по проверке совершенных финансовых и хозяйственных операций, осуществленных производственных процессов, фиксации их в документах; прогнозирование происходящих процессов).

В ходе осуществления перечисленных выше действий и мероприятий устанавливаются признаки, свидетельствующие о преступлении. Например, факты недостач либо излишков могут свидетельствовать о преступлениях против собственности; наличие установленных данных о нарушениях законности и обоснованности хозяйственных опера-

ций, производственных процессов в организациях железнодорожного транспорта, правильности их отражения в бухгалтерском учете и отчетности – указывать на преступления в сфере экономической деятельности либо против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Это обосновывает высокий потенциал применения данной формы специальных знаний с целью получения оснований для принятия процессуальных решений.

Подводя итог, считаем возможным отметить:

1. При расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, используются все основные виды процессуальных и непроцессуальных форм специальных знаний. Каждая из них обладает выраженными особенностями организации и применения. В их содержании прослеживается «экономическая» и «транспортная» специфика.

2. Наиболее распространенной и востребованной формой использования специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, являются судебные экспертизы. В то же время организация их производства, оценка результатов предполагает обязательность использования специальных знаний в иных, в том числе и непроцессуальных формах.

3. Систематизация форм специальных знаний, обоснование их подчиненности решению задач расследования преступлений отдельных видов и групп, входящих в 21–23 главы УК РФ, подтверждают важность их использования при разработке соответствующих методик расследования.

Литература

1. **Варданян А.В.** Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристы-Правоведы. – 2019. – № 2 (89). – С. 158–163.
2. **Хан А.В.** На пути к обществу знаний / Наука в информационном обществе. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 22–26.
3. **Шамардин Н.Н.** «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14 (211). – С. 185–192.
4. **Климова А.Б.** От информационного общества – к обществу знания // Дискуссия. – 2016. – № 7 (70). – С. 73–79.
5. **Коломацкий В.Г.** К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений / Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью: информ. бюл. № 13 по материалам криминалистических чтений. – Москва, 2001. – С. 19–21.
6. **Вехов В.Б.** Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 40–46.
7. **Россинская Е.Р.** К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – № 4. – С. 144–151.
8. **Голубятников С.П.** Экономическая криминалистика: этапы становления, перспективы развития: Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2001. – № 1. – С. 56–59.
9. **Шумак Г.А.** Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки / Право и демократия: сборник научных трудов. – Минск: БГУ, 2001. – Вып. 11. – С. 281–289.
10. **Мамкин А.Н.** История развития теоретических основ экономической криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1 (10). – С. 20–24.
11. **Голубятников С.П.** Экономическая криминалистика: фантом или реальность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 117–121.
12. **Дубоносов Е.С.** Судебная бухгалтерия: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2013. – 415 с.
13. **Соловьев О.Д.** Судебная технология и товароведение: учебник. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. – 413 с.

14. **Голубятников С.П., Леханова Е.С., Мамкин А.Н.** Экономико-криминалистический анализ: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. – 63 с.
15. **Звягин С.А.** Экономико-криминалистический анализ: курс лекций. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2013. – 191 с.
16. Железнодорожные станции и узлы: учебник для студентов вузов ж/д транспорта / В.Г. Шубко, С.П. Вакуленко, В.Я. Болотный и др.; под ред. В.Г. Шубко, Н.В. Правдина. – Москва: УМК МПС России, 2002. – 367 с.
17. Экономика железнодорожного транспорта: учебник для вузов ж/д транспорта / Н.П. Терешина, В.Г. Галабурда, В.А. Токарев и др., под ред. Н.П. Терешиной, Б.М. Лapidуса. – Москва: УМЦ ЖДТ, 2008. – 313 с.
18. Бухгалтерский финансовый учет на железнодорожном транспорте: учебник для бакалавриата и магистратуры: в 2-х ч. Часть 2. / Е.З. Макеева, Т.Н. Кузьминова, Д.П. Устич и др. / под общ. ред. Е.И. Харьбиной. – Москва: Прометей, 2020. – 374 с.
19. **Курзинер Е.Э.** Участие специалиста в следственных действиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 2 (102). – С. 46–48.
20. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Т.В. Аверьяновой. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2008. – 928 с.
21. **Кислицина И.Н.** Основы справочной и консультационной деятельности специалиста в досудебном производстве по уголовному делу // Научные ведомости БелГУ: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 14 (109). – С. 87–94.
22. **Сенатов А.В., Чайковский А.А.** Некоторые аспекты использования оперативными подразделениями помощи специалистов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 68–71.
23. **Костенко Р.В.** Криминалистические и процессуальные проблемы проведения ревизий и документальных проверок в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 213–217.
24. **Савельев А.В.** К вопросу об использовании в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений аудиторских знаний // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13. – С. 162–163.
25. **Кузнецова А.И., Буневич К.Г.** Аудиторские методы выявления финансовых нарушений // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2015. – № 4 (15). – С. 37–41.
26. **Валеев А.Х., Самойлов А.Ю.** Особенности использования материалов ревизий и инвентаризаций для установления оснований к возбуждению уголовного дела на предприятиях химической и нефтеперерабатывающей промышленности // Проблемы в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 188–189.
27. **Третьяков Ю.В.** Организация и назначение документальной ревизии по делам о преступлениях в сфере экономики // Юристы-Правоведь. – 2012. – № 6 (55). – С. 118–120.
28. **Чиненов Е.В., Щукин В.И.** Проблемы осуществления документальных и фактических проверок в стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям экономической направленности на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 222–232.
29. **Антонов А.Е., Чиненов Е.В.** Материалы ведомственного расследования как источник криминалистически значимой информации при расследовании хищений грузов на железнодорожном транспорте // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2020. – № 2. – С. 68–72.
30. **Еремин С.Г.** Общие принципы использования методов документального контроля в бухгалтерском учете с целью обнаружения признаков преступлений // Бизнес в законе. – 2006. – № 3–4. – С. 14–21.
31. **Корма В.Д.** Понятие и виды предварительных исследований материальных следов, их правовые и криминалистические аспекты // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 6 (139). – С. 140–152.

References

1. **Vardanyan A.V.** Sovremennyye problemy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v ugodnom sudoproizvodstve // Yurist»-Pravoved». – 2019. – № 2 (89). – С. 158–163.
2. **Han A.V.** Na puti k obshchestvam znaniy / Nauka v informacionnom obshchestve. – Sankt-Peterburg, 2004. – С. 22–26.
3. **Shamardin N.N.** «Obshchestvo znaniy»: filosofsko-metodologicheskaya kritika ponyatiya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. – 2015. – № 14 (211). – С. 185–192.
4. **Klimova A.B.** Ot informacionnogo obshchestva – k obshchestvu znaniya // Diskussiya. – 2016. – № 7 (70). – С. 73–79.
5. **Kolomackij V.G.** K istorii kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij / Kriminalisticheskoe obespechenie bor'by s prestupnost'yu: inform. byul. № 13 po materialam kriminalisticheskikh chtenij. – Moskva, 2001. – С. 19–21.
6. **Vekhov V.B.** Elektronnyaya kriminalistika: ponyatie i sistema // Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sb. trudov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Rostov-na-Donu, 2017. – С. 40–46.
7. **Rossinskaya E.R.** K voprosu ob innovacionnom razvitiy kriminalisticheskoy nauki v epohu cifrovizacii // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. – 2019. – № 4. – С. 144–151.
8. **Golubyatnikov S.P.** Ekonomicheskaya kriminalistika: etapy stanovleniya, perspektivy razvitiya: Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2001. – № 1. – С. 56–59.
9. **Shumak G.A.** Ekonomicheskaya kriminalistika v sisteme kriminalisticheskoy nauki / Pravo i demokratiya: sbornik nauchnyh trudov. – Minsk: BGU, 2001. – Vyp. 11. – С. 281–289.
10. **Mamkin A.N.** Istoriya razvitiya teoreticheskikh osnov ekonomicheskoy kriminalistiki // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2009. – № 1 (10). – С. 20–24.
11. **Golubyatnikov S.P.** Ekonomicheskaya kriminalistika: fantom ili real'nost' // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2017. – № 4 (40). – С. 117–121.
12. **Dubonov E.S.** Sudebnaya buhgalteriya: uchebnik dlya bakalavrov. 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurajt, 2013. – 415 s.
13. **Solov'ev O.D.** Sudebnaya tekhnologiya i tovarovedenie: uchebnik. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2012. – 413 s.
14. **Golubyatnikov S.P., Lekhanova E.S., Mamkin A.N.** Ekonomiko-kriminalisticheskij analiz: uchebnoe posobie. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2012. – 63 s.
15. **Zvyagin S.A.** Ekonomiko-kriminalisticheskij analiz: kurs lekcij. – Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2013. – 191 s.
16. Zheleznodorozhnye stancii i uzly: uchebnik dlya studentov vuzov zh/d transporta / V.G. Shubko, S.P. Vakulenko, V.Ya. Bolotnyj i dr.; pod red. V.G. Shubko, N.V. Pravdina. – Moskva: UMC MPS Rossii, 2002. – 367 s.
17. Ekonomika zheleznodorozhnogo transporta: uchebnik dlya vuzov zh/d transporta / N.P. Tereshina, V.G. Galaburda, V.A. Tokarev i dr., pod red. N.P. Tereshinoy, B.M. Lapidusa. – Moskva: UMC ZhDT, 2008. – 313 s.
18. Buhgalterskij finansovyy uchët na zheleznodorozhnom transporte: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury: v 2-h ch. Chast' 2. / E.Z. Makeeva, T.N. Kuz'minova, D.P. Ustich i dr. / pod obshch. red. E.I. Harybinoy. – Moskva: Prometej, 2020. – 374 s.

19. **Kurziner E.E.** Uchastie specialista v sledstvennyh dejstviyah // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2008. – № 2 (102). – S. 46–48.
20. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / T.V. Aver'yanova, R.S. Belkin, Yu.G. Koruhov, E.R. Rossinskaya; pod red. T.V. Aver'yanovoj. 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva, 2008. – 928 s.
21. **Kislicina I.N.** Osnovy spravochnoj i konsul'tacionnoj deyatel'nosti specialista v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu // Nauchnye vedomosti BelGU: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. – 2011. – № 14 (109). – S. 87–94.
22. **Senatov A.V., Chajkovskij A.A.** Nekotorye aspekty ispol'zovaniya operativnymi podrazdeleniyami pomoshchi specialistov pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 4 (26). – S. 68–71.
23. **Kostenko R.V.** Kriminalisticheskie i processual'nye problemy provedeniya revizij i dokumental'nyh proverok v stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela // Obshchestvo i pravo. – 2012. – № 1 (38). – S. 213–217.
24. **Savel'ev A.V.** K voprosu ob ispol'zovanii v deyatel'nosti po vyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenij auditorskih znaniy // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2006. – № 13. – S. 162–163.
25. **Kuznecova A.I., Bunevich K.G.** Auditorskie metody vyavleniya finansovyh narushenij // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie. – 2015. – № 4 (15). – S. 37–41.
26. **Valeev A.H., Samojlov A.Yu.** Osobennosti ispol'zovaniya materialov revizij i inventarizacij dlya ustanovleniya osnovanij k vozbuzhdeniyu ugovnogo dela na predpriyatiyah himicheskoy i neftepererabatyvayushchej promyshlennosti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2013. – № 2. – S. 188–189.
27. **Tret'yakov Yu.V.** Organizaciya i naznachenie dokumental'noj revizii po delam o prestupleniyah v sfere ekonomiki // Yurist»-Pravoved». – 2012. – № 6 (55). – S. 118–120.
28. **Chinenov E.V., Shchukin V.I.** Problemy osushchestvleniya dokumental'nyh i fakticheskikh proverok v stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela po prestupleniyam ekonomicheskoy napravlenosti na ob'ektah zheleznodorozhnogo transporta // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2 (89). – S. 222–232.
29. **Antonov A.E., Chinenov E.V.** Materialy vedomstvennogo rassledovaniya kak istochnik kriminalisticheski znachimoy informacii pri rassledovanii hishchenij gruzov na zheleznodorozhnom transporte // Vestnik Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2020. – № 2. – S. 68–72.
30. **Erem'in S.G.** Obshchie principy ispol'zovaniya metodov dokumental'nogo kontrolya v buhgalterskom uchete s cel'yu obnaruzheniya priznakov prestuplenij // Biznes v zakone. – 2006. – № 3–4. – S. 14–21.
31. **Korma V.D.** Ponyatie i vidy predvaritel'nyh issledovanij material'nyh sledov, ih pravovye i kriminalisticheskie aspekty // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – № 6 (139). – S. 140–152.

(статья сдана в редакцию 21.11.2022)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА
ПОЛИЦИИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХPROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF A POLICE OFFICER
IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

УДК 342.9

А.В. БИРЯКОВ,
адъюнкт
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
skobar-piter@yandex.ru

ALEXANDER V. BIRYAKOV,
Postgraduate
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint-Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье анализируются полномочия сотрудников полиции в части административной юрисдикционной деятельности, которые связаны с проблемами признания сотрудника полиции участником производства по делам об административных правонарушениях. Сотрудник полиции лишен возможности обжаловать промежуточные определения, выносимые судом. По мнению автора, такая ситуация создает проблемы для правоприменительной деятельности, поскольку многие недостатки носят всего лишь формальный характер и их представляется возможным устранить в процессе рассмотрения дела по существу.

Возникает вполне закономерный вопрос о том, почему не происходит обжалования сотрудниками полиции необоснованных требований суда. Законодатель не предусмотрел возможности обжалования сотрудником полиции определения о возвращении материалов дела об административном правонарушении для устранения недостатков, что на практике затрудняет рассмотрение дела об административных правонарушениях. Для чего рассмотрено содержание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Несмотря на все основания для привлечения лица к административной ответственности, такая возможность просто утрачивается. Причина такой проблемы заключается в несовершенстве положений законодательства в части привлечения лица к административной ответственности.

Ключевые слова: сотрудник полиции, органы внутренних дел, административное производство, полиция, административная ответственность.

Для цитирования: Биряков А.В. Проблемы правового статуса сотрудника полиции по делам об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 91–94.

Abstract: the article analyzes the powers of police officers in terms of administrative jurisdictional activities, which are associated with the problems of recognizing a police officer as a participant in proceedings on administrative offenses. A police officer is deprived of the opportunity to appeal interim rulings issued by the court. According to the author, this situation creates problems for law enforcement activities, since many shortcomings are only formal in nature and it is possible to eliminate them during the consideration of the case on the merits.

There is a quite natural question about why there is no appeal by police officers of unreasonable demands of the court. The legislator did not provide for the possibility of an appeal by a police officer against a ruling on the return of the materials of an administrative offense case to eliminate deficiencies, which in practice makes it difficult to consider a case of administrative offenses. For this purpose, the content of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is considered.

Despite all the grounds for bringing a person to administrative responsibility, such an opportunity is simply lost. And the reason for this problem is expressed in the imperfection of the provisions of the legislation in terms of bringing a person to administrative responsibility.

Keywords: police officer, internal affairs bodies, administrative proceedings, police, administrative responsibility.

For citation: Biryakov A.V. Problems of the legal status of a police officer in cases of administrative offenses // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 91–94.

Одной из функций территориальных органов МВД России является выявление и пресечение административных правонарушений. Практическая деятельность выстраивается таким образом, что все большее акцент делается на количестве дел, выявленных полицией и рассмотренных судом. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что каждый год территориальные органы МВД России возбуждают большое количество дел об административных правонарушениях. Если взять статистику за три года (2018–2020 гг.), то в 2020 г. количество дел, поступивших на рассмотрение судов, увеличилось примерно на 600 тыс.¹

Так, согласно положениям ст. 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² указанная категория дел направляется впоследствии в суд для рассмотрения и принятия решения. Однако не все протоколы, направленные в суд, рассматриваются судебной инстанцией по существу.

Практика складывается таким образом, что значительное количество административных материалов, поступивших в суд, возвращается в органы внутренних дел. Основная причина возврата заключается в необходимости устранения недостатков, в большинстве случаев имеющих формальный характер, которые представляется вполне возможным устранить и на стадии рассмотрения дела по существу. Например, суды при возвращении материалов дел используют такие основания, как:

– материалы дела об административном правонарушении не прошиты;

– лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не было проинформировано о том, что его могут уведомлять о судебном разбирательстве (о дате и времени) при помощи СМС-сообщений, иных сообщений, по электронной почте и т.д. [1, с. 51].

Возникает вполне закономерный вопрос о том, почему не происходит обжалования сотрудниками полиции необоснованных требований суда. Зако-

нодатель не предусмотрел возможности обжалования сотрудником полиции определения о возвращении материалов дела об административном правонарушении для устранения недостатков, что на практике затрудняет рассмотрение дела об административных правонарушениях.

В этой связи заслуживает внимания содержание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»³. Так, согласно п. 10 постановления участниками производства не являются лица, осуществившие составление протокола, а также должностные лица, которые приняли решение о привлечении к административной ответственности. Таким образом, сотрудник полиции обладает особым процессуальным статусом, но при этом не является участником административного производства в прямом смысле этого слова, что подтверждается положениями гл. 25 КоАП РФ.

Соответственно, складывается ситуация, при которой указанные лица просто лишены возможности (даже в случае необходимости) обжаловать определения, выносимые судом, что усложняет рассмотрение дела об административном правонарушении в целом [2, с. 428].

Стоит отметить, что определение представляет собой вид судебного постановления, которое может приниматься по ходу судебного процесса, при этом сути самого возбужденного дела определение не касается, а относится к решению промежуточных вопросов или назначений экспертиз. В отличие от решения определений может быть принято несколько.

Таким образом, сотрудники полиции могут обжаловать только конечные судебные решения, в то время как промежуточные определения, постановления не обжалуются. Поэтому на практике возникает неопределенность правового статуса сотрудника полиции в административном процессе. Невозможность обжалования промежуточных судебных актов – это проблема, которая может привести к снижению эффективности деятельности органов исполнительной власти, обладающих

¹ Пандемия существенно повлияла на структуру и количество административных правонарушений / Адвокатская газета: орган Федеральной палаты адвокатов РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dvgazeta.ru/obzory-i-analitika/pandemiya-sushchestvenno-povliyala-na-strukturu-i-kolichestvo-administrativnykh-pravonarusheniy/>

² Далее – КоАП РФ.

³ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013) // Российская газета. № 80. 19.04.2005.

юрисдикционными полномочиями, в том числе и органов внутренних дел [3, с. 127].

Верховный Суд Российской Федерации в своих актах указывал на то, что подготовка дела к рассмотрению является важным составляющим элементом судопроизводства (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 № 11, п. 1 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»). Именно на данной стадии можно понять полноту представленных документов, необходимых для принятия дела к производству. Следует учитывать тот факт, что если судом материалы дела будут приняты к производству, то не представляется возможным направить их для последующего устранения недостатков в материалах дела.

Стоит отметить, что для устранения недостатков возможно использование практики предварительного судебного заседания, которая закреплена ст. 152 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Данная стадия подготовки спора к рассмотрению в суде может быть применена при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

При подготовке дела к судебному разбирательству судье необходимо:

- определить правильность составления протокола об административном правонарушении (здесь стоит учитывать все то, что касается события правонарушения, а также лиц, его совершивших);
- установить соблюдение всех необходимых процедур, осуществляемых при составлении протокола об административном правонарушении;
- осуществить проверку полномочий лиц, которые составили протокол об административном правонарушении с привязкой к конкретно определенному месту.

На практике возникает ситуация, когда в случае возникновения необходимости произвести обжалование определений суда о возвращении материалов дела, должностные лица органов внутренних дел обращаются с соответствующим ходатайством в прокуратуру. Данная возможность законодательно подтверждена ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ. Это делается для принесения протеста прокурором, но здесь имеют место быть значительные временные затраты, связанные с направлением почтовых сообщений, подготовкой соответствующих процессуальных документов, их подачей и т.д. Это в большинстве случаев приводит к тому, что истекают сроки привлечения к административной ответственности (ч. 1 и ч. 3 ст. 4.5. КоАП РФ). КоАП РФ указывает на то, что в случае, когда истекли сроки привлечения лица к административной ответственности, привлечение к ответственности уже не представляется возможным (п. 6 с. 24.5 КоАП РФ) [2, с. 181].

Получается, что, несмотря на все основания для привлечения лица к административной ответственности, такая возможность просто утрачивается. И причина такой проблемы выражается в несовершенстве положений законодательства в части привлечения лица к административной ответственности. Например, согласно докладной записке ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области подавляющее количество дел было прекращено в связи с истечением сроков давности. За 2020 год количество постановлений о прекращении дела об административном правонарушении составило 1 053, а в 2019 году – 1 012⁴.

Анализ положений п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ не позволяет четко определить основания возврата материалов дела об административном правонарушении судом в территориальный орган для устранения недостатков. Поэтому практика судов относительно причин возврата материалов дела также неоднозначна. В любом случае, если есть необходимость обжалования промежуточных актов суда, сотрудникам полиции необходимо обращаться в органы прокуратуры.

Вместе с тем положения ч. 1.1 ст. 30.1 КоАП РФ позволяют сделать вывод о том, что субъект функциональной власти, обладающий полномочиями юрисдикционной деятельности, имеет право произвести обжалование определения суда. Например, такая возможность имеется в том случае, если есть основания полагать, что имеются нарушения законодательства. Тем не менее подобная практика является достаточно редким явлением.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 раскрывает ситуации, когда протоколы, вынесенные должностными лицами, были возвращены им обратно. Так, к данным случаям относят:

- протокол был составлен лицом, не имеющим на это соответствующих полномочий;
- оформление протокола об административном правонарушении, самих материалов не соответствует установленным требованиям;
- материалы представлены не в полном объеме.

Таким образом, полагаем, что позиция суда должна быть мотивированной, то есть в определении суда должен быть указан полный объем информации, в котором перечисляются недостатки, подлежащие устранению. В том случае, когда будет признано необоснованным вынесенное определение, необходимо принять все необходимые меры для его обжалования. При таких условиях необходимо обращаться в органы прокуратуры [4, с. 42].

⁴ Докладная записка ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 21.07.2021. Документ опубликован не был.

Подводя итог, стоит отметить, что сегодня перед законодателем стоит задача – предусмотреть полномочия сотрудников полиции как полноценных участников дел об административных правонарушениях. Если такой статус сотрудника полиции будет закреплен, то ему будут присвоены полномочия по обжалованию промежуточных правовых актов, которые выносятся судом в рамках рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Если такие мероприятия будут реализованы и закреплены в нормативных правовых актах, то это позволит повысить эффективность правосудия. Так, удастся сократить время для обжалования определений суда. Если такая ситуация так и не будет урегулирована, то возрастет количество случаев освобождения лица, совершившего административное правонарушение, по обстоятельствам, имеющим всего лишь формальный характер.

Литература

1. **Федорова (Казина) Т.В.** О некоторых актуальных вопросах в правоприменительной деятельности органов административной юрисдикции // Административное право и процесс. – 2018. – № 2. – С. 51–56.
2. **Арзуманян А.А.** Административное расследование в механизме производства по делу об административном правонарушении // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 427–429.
3. **Зыкина Е.В.** Возбуждение дела об административных правонарушениях в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / Актуальные проблемы правоправедения. 2018: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Псков, 2018. С. 124–130.
4. **Рубашкин В.В.** Сравнительный анализ производств по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции и арбитражных судах // Административное право и процесс. – 2020. – № 10. – С. 41–43.
5. **Безукладников В.В.** Сущность и содержание административного наказания // Молодой ученый. – 2020. – № 46. – С. 179–185.
6. **Ломакин В.И.** Участие прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях судебными органами // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 285–287.
7. **Султанов К.А.** Неопределенность правового статуса сотрудника полиции как участника производства по делу об административном правонарушении в суде общей юрисдикции // Административное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 43–47.
8. Административное право и административная ответственность: курс лекций / Б.В. Россинский. – Москва: Норма – Инфра-М, 2020. – 351 с.
9. Административно-процессуальное право: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – 376 с.
10. Административное право: учебник / под общ. ред. А.С. Телегина. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. – 2020. – 340 с.

References

1. **Fedorova (Kazina) T.V.** O nekotorykh aktual'nykh voprosakh v pravoprimenitel'noi deyatel'nosti organov administrativnoi yurisdiktsii // Administrativnoe pravo i protsess. – 2018. – № 2. – S. 51–56.
2. **Arzumanyan A.A.** Administrativnoe rassledovanie v mekhanizme proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2008. – № 2. – S. 427–429.
3. **Zykina E.V.** Vozbuzhdenie dela ob administrativnykh pravonarusheniyakh v uchrezhdeniyakh i organakh ugovovno-ispolnitel'noi sistemy / Aktual'nye problemy pravovedeniya. 2018: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Pskov, 2018. S. 124–130.
4. **Rubashkin V.V.** Sravnitel'nyi analiz proizvodstv po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sudakh obshchei yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudakh // Administrativnoe pravo i protsess. – 2020. – № 10. – S. 41–43.
5. **Bezukladnikov V.V.** Sushchnost' i sodержanie administrativnogo nakazaniya // Molodoi uchenyi. – 2020. – № 46. – S. 179–185.
6. **Lomakin V.I.** Uchastie prokurora v rassmotrenii del ob administrativnykh pravonarusheniyakh sudebnymi organami // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 5. – S. 285–287.
7. **Sultanov K.A.** Neopredelennost' pravovogo statusa sotrudnika politzii kak uchastnika proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii v sude obshchei yurisdiktsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2018. – № 12. – S. 43–47.
8. Administrativnoe pravo i administrativnaya otvetstvennost': kurs lekciy / B.V. Rossinskij. – Moskva: Norma – Infra-M, 2020. – 351 s.
9. Administrativno-processual'noe pravo: uchebnik / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. A.I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2015. – 376 s.
10. Administrativnoe pravo: uchebnik / pod obshch. red. A.S. Telegina. – Perm': Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. – 2020. – 340 s.

(статья сдана в редакцию 14.03.2021)

СЕМЕЙНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНОГЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

FAMILY PROBLEMS AS ONE OF THE FACTORS OF THE FORMATION OF CRIMINOGENIC BEHAVIOR OF A MINOR

УДК 343.915

Ю.Ю. ЛЕБЕДЕВА,

адъюнкт

(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
cl_pantera@mail.ru

YULIA YU. LEBEDEVA,

Postgraduate

(Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: преступность несовершеннолетних – один из наиболее сложных видов преступности, который представляет собой крайнюю форму антиобщественных явлений (деяний), она впитывает в себя всю совокупность социальных, экономических, политических и культурных противоречий. Около 80% жизненных принципов и моделей поведения формируются у ребенка в детстве. Важным фактором, влияющим на формирование личности несовершеннолетнего преступника, является семья, в которой воспитывается ребенок. На протяжении многих столетий семья была и остается главной ценностью человека, при этом являясь важным институтом общества. Именно в семье закладываются основы норм, ценностей, нравственности и морали, происходит становление ребенка в обществе, его социализация. Подавляющая часть проблем, возникающих у детей, имеет корни в неблагополучии семьи. Социальные и экономические проблемы общества существенно ослабили институт семьи, ее влияние на воспитание и развитие ребенка. Алкоголизм, наркомания, игромания, асоциально-аморальное поведение родителей, семейное насилие и жестокое обращение с детьми – все это играет дестабилизирующую роль в становлении личности ребенка. В представленной статье автором рассматриваются типы неблагополучных семей, оказывающие воздействие на формирование личности несовершеннолетнего преступника. Проанализировано также влияние внешне благополучных семей, в частности «расширенной семьи», на психику ребенка и формирование криминогенного поведения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, личность, преступник, семья, семейное неблагополучие, детско-родительские отношения.

Для цитирования: Лебедева Ю.Ю. Семейное неблагополучие как один из факторов формирования криминогенного поведения несовершеннолетнего // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 95–100.

Abstract: juvenile delinquency is one of the most complex types of crime, which is an extreme form of antisocial phenomena (acts), it absorbs the whole set of social, economic, political and cultural contradictions. About 80% of life principles and behaviors are formed in a child in childhood. An important factor influencing the formation of the personality of a juvenile offender is the family in which the child is brought up. For many centuries, the family has been and is the main value of a person, while being an important institution of society. It is in the family that the foundations of norms, values, morality and morality are laid, the formation of a child in society, his socialization takes place. The overwhelming part of the problems that arise in children has roots in the family's problems. Social and economic problems of society have significantly weakened the institution of the family, its influence on the upbringing and development of the child. Alcoholism, drug addiction, gambling addiction, antisocial and immoral behavior of parents, family violence and child abuse – all this plays a destabilizing role in the formation of a child's personality. In the presented article, the author examines the types of dysfunctional families that have an impact on the formation of the personality of a juvenile offender. The influence of outwardly prosperous families, in particular the «extended family», on the child's psyche and the formation of criminogenic behavior is also considered.

Keywords: minor, personality, criminal, family, family trouble, child-parent relations.

For citation: Lebedeva Yu. Yu. Family problems as one of the factors of the formation of criminogenic behavior of a minor // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 2. – P. 95–100.

Преступность несовершеннолетних – один из наиболее сложных видов преступности. Как отмечает Е.А. Дядченко, «совершение подростком преступления свидетельствует о том, что правовая деформация сознания в процессе регресса личности достигла критического значения, а криминогенные интересы преобладают над общественно значимыми» [1, с. 105].

По мнению исследователей криминогенного поведения несовершеннолетних, «за совершением каждого преступления стоит личность конкретного подростка, формирование которой является результирующей действия целого комплекса криминогенных факторов, имеющих социально-психологическую природу» [2, с. 3].

Важным фактором, влияющим на формирование личности несовершеннолетнего преступника, является семья, в которой воспитывается ребенок. Президент Российской Федерации В.В. Путин на церемонии открытия Года семьи в России в декабре 2007 г. сказал: «Именно семейное воспитание во многом определяет, каким станет человек. Ни государство, ни даже лучшие педагоги ребенку заменить семью не могут»¹.

На протяжении многих столетий семья была и остается главной ценностью человека, при этом являясь важным институтом общества. Если считать, что одна из основных задач государства – это воспитание трудоспособного, законопослушного гражданина, то семья способна воспитать такого гражданина.

Семья имеет большие возможности для сдерживания человека от совершения им преступлений и правонарушений. Однако не всегда эти возможности реализуются в полном объеме. Именно в семье формируются будущие нормы поведения, принципы нравственности и морали, закладываются основы правового поведения и социализации ребенка в обществе в целом. То, что ребенок приобретает в семье, откладывается в нем на долгие годы, и этот опыт имеет для несовершеннолетнего большое значение. Благодаря детско-родительским отношениям и формируется модель поведения будущего взрослого человека.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на церемонии вручения орденов «Родительская слава» 1 июня 2015 года сказал: «Время и история не раз доказывали абсолютную ценность традиционных семейных устоев. Они всегда берегли и возвышали Россию, делали ее могущественнее и сильнее, составляли нравственную основу нашего многонационального народа. Мы вновь и вновь обращаемся к этим истинам и убеждаемся: как

бы ни складывалась жизнь, какие бы трудности и испытания мы ни проходили – большая, дружная семья всегда остается самой надежной опорой, а доброта, отзывчивость, любовь к детям и родителям, бескорыстная забота о близких будут продолжаться и продолжаться в новых поколениях»².

Социальные и экономические проблемы общества существенно ослабили институт семьи, ее влияние на воспитание и развитие ребенка. В своей практике мы часто сталкиваемся с таким понятием, как «неблагополучная семья». В специальной литературе отсутствует точное определение. Что же можно считать «неблагополучной семьей»?

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» дает нам понятие «семья, находящаяся в социально опасном положении» – «это семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними»³.

В своей работе В.М. Целуйко дает нам такое определение неблагополучной семье: «под неблагополучной мы склонны понимать такую семью, в которой нарушена структура, обесцениваются или игнорируются основные семейные функции, имеются явные или скрытые дефекты воспитания, в результате чего появляются „трудные“ дети» [3, с. 6].

Однако не всегда «неблагополучной» можно назвать семью, где родители употребляют спиртные напитки и наркотические вещества, ведут антисоциальный или асоциальный образ жизни. Очень часто это внешне благополучные семьи с достаточно высоким уровнем дохода, с хорошими возможностями для воспитания и обучения детей, благоприятными жилищными условиями.

В своей книге «Ребенок из неблагополучной семьи. Записки детского психиатра» М.И. Буянкин говорит нам следующее: «Неблагополучная для ребенка семья – это не синоним антисоциальной или асоциальной семьи. Существует великое множество семей, о которых ничего плохого с формальной точки зрения сказать нельзя, но, тем не менее, для данного конкретного ребенка эта семья будет неблагополучной. Конечно, семья пьяницы или хулигана для любого ребенка будет

² Стенограммы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/by-date/01.06.2015> (дата обращения: 12.04.2022).

³ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в редакции от 29 апреля 2020 г. № 147-ФЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

¹ Российская газета, выпуск от 25.12.2007 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2007/12/25/putin-god.html> (дата обращения: 12.04.2022).

неблагополучной, однако в большинстве случаев, которые мы обсуждаем, понятие неблагополучной семьи может возникать лишь в соотношении с конкретным ребенком, на кого это неблагополучие действует. Для одного ребенка семья может быть подходящей, а для другого эта же семья станет причиной тягостных душевных переживаний и даже психического заболевания. Разные бывают семьи, разные встречаются дети, так что только система отношений „семья – ребенок“ имеет право рассматриваться как благополучная или неблагополучная» [4, с. 1].

Критериями благополучия семьи для полноценного развития ребенка может являться:

1. Удовлетворение физических потребностей (еда, одежда, комфортные условия проживания).
2. Медицинская помощь (своевременная забота о здоровье ребенка).
3. Безопасность.
4. Обучение (посещение дошкольных и школьных образовательных учреждений, получение дополнительного образования).
5. Воспитание, психологический комфорт, любовь, ласка, забота, внимание.

Родителям важно четко понимать потребности своего ребенка, своевременно принимать необходимые меры реагирования для создания благоприятного и комфортного климата для него. Однако во многих семьях этого не происходит. Для того чтобы выяснить «почему?», необходимо подробнее рассмотреть классификацию семей, которые могут иметь тенденцию стать «неблагополучными».

Классификацию неблагополучных семей приводят многие исследователи. Например, В.М. Целуйко в своей книге «Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей» разделяет неблагополучные семьи «условно... на две большие группы, каждая из которых включает несколько разновидностей. Первую группу составляют семьи с явной (открытой) формой неблагополучия: это так называемые конфликтные, проблемные семьи, асоциальные, аморально-криминальные и семьи с недостатком воспитательных ресурсов (в частности, неполные). Вторую группу представляют внешне респектабельные семьи, образ жизни которых не вызывает беспокойства и нареканий со стороны общественности, однако ценностные установки и поведение родителей в них резко расходятся с общечеловеческими моральными ценностями, что не может не сказаться на нравственном облике воспитывающихся в таких семьях детей» [3, с. 6].

Приведем характеристику Ю.В. Корчагиной, которая в своей работе выделяет следующие виды неблагополучных семей:

1. «Проблемные семьи – это семьи, функционирование которых нарушено из-за педагогической

несостоятельности родителей. Как правило, это конфликтные семьи с дисгармоничным стилем семейного воспитания (авторитарные, гипо- или гиперопекающие)» [5, с. 1].

К таким семьям можно отнести полные семьи с патриархальным и матриархальным стилем воспитания.

Полная семья – это семья, в которой совместно с детьми проживают оба родителя. Самым лучшим вариантом для благополучного развития ребенка является именно этот вариант семьи. Если родители могут выработать четкие правила воспитания, тогда и ребенок понимает, что от него требуется. Также в полной, внешне благополучной семье, в которой оба родителя работают, имея достаточный доход, семья живет в благоустроенном жилье, у ребенка имеется все необходимое для развития и обучения, он также имеет возможность заниматься дополнительным образованием, но при внешнем благополучии внутри семьи существуют проблемы.

Полная семья может делиться по типу: матриархальная семья и патриархальная семья. В матриархальной семье роль лидера занимает мать. Мать в такой семье обладает непререкаемым авторитетом. Очень часто это женщина с властным характером, стремящаяся контролировать полностью всех членов семьи, незэмоциональная. На взаимоотношения между такой матерью и детьми влияют установки самой женщины. Считается, что мать знает, «как нужно» и «как правильно». Мнение ребенка, как правило, в такой семье не учитывается. Мать может морально унижать подростка, сравнивать его с другими детьми, при этом обесценивая успехи и достижения своего ребенка. Несовершеннолетний может посещать большое количество секций и кружков, не имея времени для отдыха, при этом у него нет права выбирать, чем он хочет заниматься. Несовершеннолетний часто не может открыто вступить в конфликт с родителем, не имеет возможности высказывать напрямую свое мнение, тогда его внутренние разногласия выражаются в поступках и девиантном поведении. Ребенок начинает хуже учиться, попадает под влияние антиобщественных группировок как в школе, на улице, так и в социальных сетях, совершает административные правонарушения (такие как мелкое хищение, мелкое хулиганство, побои, повреждение чужого имущества), преступления различной степени тяжести. Также это может привести к тому, что подросток начинает уходить из дома, употреблять спиртные напитки и наркотические средства, курить, вести себя агрессивно по отношению к другим людям, в том числе и слабее его.

Главное место в патриархальной семье принадлежит отцу. Но это не всегда человек ответвен-

ный, принимающий решения с учетом интересов всех членов семьи. Иногда отец проявляет себя очень сурово, порой жестоко. В отношении детей за их незначительные проступки, неуспеваемость в школе отец применяет физическое наказание. Личность ребенка подавляется, и тогда начинается внутренний конфликт у подростка. Точно так же, как и в матриархальной семье, вырываясь из-под гиперопеки отца либо его тирании, подросток ведет себя агрессивно в социуме, совершает противоправные деяния.

2. *«Кризисные семьи* – это семьи, переживающие внешний или внутренний кризис (изменение состава семьи, взросление детей, развод, болезнь, смерть кого-либо из членов семьи, утрата работы, жилья, документов, средств к существованию и т.д.)» [5, с. 1].

Важнейшая функция семьи – это психологическая защита ребенка. В последние годы данная функция заметно ослабевает, ребенок не чувствует себя спокойно и уравновешенно в своей семье. Неблагополучие в семьях отражается на поведении несовершеннолетнего, его нервно-психическом развитии, что впоследствии ведет к криминализации подростка.

В неполных семьях, особенно где нет отца, криминализация подростков выражена ярче, чем в полной семье. Мать в неполной семье выполняет как мужские обязанности, так и женские: она зарабатывает деньги, обеспечивает себя и детей, ухаживает, присматривает за ними, контролирует процессы обучения. Но не во всех случаях женщина справляется с данными функциями. Очень часто женщина начинает строить новые отношения, в которых ребенок от предыдущих «не вписывается», становится «лишним». Женщина начинает уделять мало внимания ребенку, теряется эмоциональная связь между ними, как следствие, наступает бесконтрольность несовершеннолетнего. Подросток предоставлен сам себе, его круг общения, местонахождение не контролируются. Он стремится стать взрослым, почувствовать свободу, но часто неправильно понимает это. При наличии определенных условий подросток становится на преступный путь.

В неполной семье, в которой нет матери, главными проблемами становятся депрессивность, неэмоциональность, погружение в свое состояние одиночества, зависимости отца – алкогольная, наркотическая, игровая. На ребенка в такой семье оказывается пагубное воздействие, что отрицательно сказывается на его психоэмоциональном состоянии, подросток стремится уйти из семьи, от проблем, которые возникают внутри нее, ищет признания и понимания и попадает под влияние сверстников либо лиц старше себя, которые вовлекают подростка в преступную деятельность.

3. *«Асоциальные семьи* – признаком этих семей является наличие таких проблем, как алкоголизм, пренебрежение нуждами детей. При этом детско-родительские отношения полностью не разорваны (например, дети пытаются скрывать пьянство родителей, берут на себя ответственность за обеспечение семьи, уход за младшими детьми, продолжают учиться в школе).

4. *Аморальные семьи* – это семьи, полностью утратившие семейные ценности, характеризующиеся алкоголизмом, наркоманией, жестоким обращением с детьми, не занимающиеся воспитанием и обучением детей, не обеспечивающие необходимых безопасных условий жизни. Дети в такой семье, как правило, не учатся, являются жертвами насилия, уходят из дома.

5. *Антисоциальные семьи* – в этих семьях наблюдается крайняя степень семейной дисфункции. Они характеризуются противоправным, антиобщественным поведением, несоблюдением моральных, нравственных норм в отношении наименее защищенных членов семьи, нарушением экономических прав ближних. Это семьи, ведущие паразитический образ жизни, зачастую за счет принуждения детей к воровству, попрошайничеству и проституции» [5, с. 2].

Эти три вида можно объединить в один вид – *«антисоциальная семья, или семья с девиантным поведением»*.

Мы считаем, что в антисоциальных семьях (семьях с девиантным поведением) родители добровольно снимают с себя обязанности по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов своих детей. Они ведут антисоциальный образ жизни, употребляют спиртные напитки, наркотические средства, являются игроманами, семейными хулиганами, не работают. В таких семьях часто один или оба родителя ранее привлекались к уголовной ответственности, были осуждены к лишению свободы, неоднократно привлекались к административной ответственности.

Низкий уровень ответственности за несовершеннолетних детей, попустительство, полное безразличие к жизни ребенка, к его здоровью, учебе приводят к тому, что подросток начинает искать защиты и понимания, которых он не видит в семье, у посторонних лиц. Далеко не всегда ребенок попадает в коллектив, где ему готовы помочь.

Около 80% жизненных принципов и моделей поведения формируются у ребенка в детстве. Он перенимает их из своей семьи, в которой находится большую часть времени. Достаточно часто и сами родители вовлекают детей в совершение противоправных и преступных деяний.

Низкий материальный уровень жизни в семье также толкает ребенка на преступный путь. Подросток, не имея возможности получить желаемое,

приобретает его преступным путем, совершая тяжкие и особо тяжкие преступления.

Следует выделить еще один тип семьи внешне благополучной. Это «расширенная семья», то есть семья, в которой проживает три поколения. Она подразделяется на патрилокальную (семья, проживающая совместно с родителями мужа) и матриликальную (семья, проживающая совместно с родителями жены). При этом бабушки и дедушки оказывают значительное влияние на воспитание и развитие ребенка. Их методы воспитания отличаются от тех методов, которые применяют родители. Ребенок использует ситуацию несогласия между родителями и старшим поколением семьи в своих интересах. При совершении какого-либо проступка несовершеннолетний приспосабливается к существующим разногласиям и использует их для получения большей выгоды, манипулирует родными, при этом часто приукрашивает реальные события. В таких семьях старшее поколение склонно обесценивать авторитет родителей, их принципы, нормы морали. Ребенок в такой семье становится бесконтрольным, чувствуя свою безнаказанность, начинает совершать противоправные деяния. Гиперопека одних и отсутствие контроля со стороны других приводят к девиантному поведению подростка, что способствует формированию личности несовершеннолетнего преступника.

«Семейное неблагополучие является причиной возникновения множества социальных проблем, связанных с ослаблением или невыполнением семьей своих функций. Причинами неблагополучия могут быть – алкоголизм, отсутствие заботы о воспитании ребенка, о его духовном развитии» [6, с. 144].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семейное неблагополучие приводит к нарушению психологических связей между родителями и детьми, к формированию девиантного поведения,

а именно: снижению успеваемости или полному отказу от обучения, побегам из дома, попыткам суицидов среди несовершеннолетних, к искаженному формированию норм морали и нравственности среди подростков, криминализации подростковой среды.

С неблагополучными семьями проводится профилактическая работа в органах системы профилактики: инспекциях по делам несовершеннолетних, органах опеки и попечительства, комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, социально-реабилитационных центрах для детей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Родителей, не исполняющих обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и защите прав и интересов ребенка, инспектор по делам несовершеннолетних может привлечь к административной ответственности, предусмотренной ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако санкции данной статьи настолько малы, что предупреждение или штраф в размере от 100 до 500 рублей, который накладывается на неблагополучных родителей, не оказывает должного профилактического воздействия. Увеличение суммы штрафа минимум в 10 раз могло бы оказать существенное влияние на родителя.

Семья была, есть и остается основой становления личности несовершеннолетнего. Следует разработать комплексные меры поддержки и выхода из кризиса для неблагополучных семей, программы обучения специалистов по работе с семьей на уровне образовательных организаций, органов системы профилактики (органы опеки и попечительства, инспекция по делам несовершеннолетних, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав). Для формирования ответственности за подрастающее поколение в семье необходимо проводить глубокий психологический, а порой и психиатрический анализ ситуации.

Литература

1. Дядченко Е.А. Особенности личности несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества, и причины совершения ими повторных преступлений // Сравнительно-правовой анализ практики применения Европейской конвенции по правам человека в системах исполнения наказаний России и зарубежных стран: материалы Международной научно-практической конференции (28–29 апреля 2011 г.) / под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2011. С. 105.
2. Саблина Л.С., Гомонов Н.Д., Баженов А.В. Криминогенное поведение несовершеннолетних / под общ. ред. В.П. Сальникова. – Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2003. – 351 с.
3. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи: записки детского психиатра: книга для учителей и родителей. – Москва: Просвещение, 1988. – 207 с.
4. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей. – Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 272 с.
5. Корчагина Ю.В. Неблагополучные семьи: факторы риска и методы работы. Методическое пособие по профилактике и преодолению жестокого обращения, девиантного поведения и алкогольной зависимости в семье. – Москва, 2008. – 159 с.
6. Шатохина В.В. О семейном неблагополучии в научной литературе // Инновационная наука. – 2016. – № 12-3. – С. 142–144.
7. Антонян Ю.М. Криминогенное влияние на личность на стадии ранней социализации // Lex russica. – 2013. – № 7. – С. 735–741.
8. Лебединская В.П. Неблагополучная семья и ее ребенок // Вестник Социально-педагогического института. – 2013. – № 1. – С. 29–32.

9. **Боровиков В.** О совершенствовании института уголовной ответственности несовершеннолетних // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 15–18.
10. **Зайко Т.М.** Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты: монография. – Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2017. – 85 с.

References

1. **Dyadchenko E.A.** Osobennosti lichnosti nesovershennoletnih, osuzhdennyh bez izolyacii ot obshchestva, i prichiny soversheniya imi povtornyh prestuplenij // Sravnitel'no-pravovoj analiz praktiki primeneniya Evropejskoj konvencii po pravam cheloveka v sistemah ispolneniya nakazanij Rossii i zarubezhnyh stran: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (28–29 aprelya 2011 g.) / pod obshch. red. R.A. Romashova. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2011. S. 105.
2. **Sablina L.S., Gomonov N.D., Bazhenov A.V.** Kriminogennoe povedenie nesovershennoletnih / pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. – Sankt-Peterburg: Fond «Universitet», 2003. – 351 s.
3. **Buyanov M.I.** Rebenok iz neblagopoluchnoj sem'i: zapiski detskogo psihiatra: kniga dlya uchitelej i roditelej. – Moskva: Prosveshchenie, 1988. – 207 s.
4. **Celujko V.M.** Psihologiya neblagopoluchnoj sem'i: kniga dlya pedagogov i roditelej. – Moskva: VLADOS-PRESS, 2004. – 272 s.
5. **Korchagina Yu.V.** Neblagopoluchnye sem'i: faktory riska i metody raboty. Metodicheskoe posobie po profilaktike i preodoleniyu zhestokogo obrashcheniya, deviantnogo povedeniya i alkogol'noj zavisimosti v sem'e. – Moskva, 2008. – 159 s.
6. **Shatohina V.V.** O semejnem neblagopoluchii v nauchnoj literature // Innovacionnaya nauka. – 2016. – № 12-3. – S. 142–144.
7. **Antonyan Yu.M.** Kriminogennoe vliyaniye na lichnost' na stadii rannej socializacii // Lex russica. – 2013. – № 7. – S. 735–741.
8. **Lebedinskaya V.P.** Neblagopoluchnaya sem'ya i ee rebenok // Vestnik Social'no-pedagogicheskogo instituta. – 2013. – № 1. – S. 29–32.
9. **Borovikov V.** O sovershenstvovanii instituta ugovolnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih // Ugolovnoe pravo. – 2003. – № 4. – S. 15–18.
10. **Zajko T.M.** Mery bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnih i molodezhi: pravovoj i psihologo-kriminologicheskij aspekt: monografiya. – Tambov: Konsaltingovaya kompaniya Yukom, 2017. – 85 s.

(статья сдана в редакцию 13.07.2022)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с.25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Статьи, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала по согласованию с автором.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU



